

СТОЛИЩА

иллюстрированный еженедельник

№28 (138) 1993г.

«ТРИ ВЕСЕЛЫХ ДРУГА...»

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР BMW

Пять причин, почему Вам стоит обратиться к нам:

1. Мы являемся единственным официальным представителем BMW в Москве.

2. Вам предоставляется возможность проехать за рулем последних моделей BMW.

Вы получите исчерпывающую информацию о всех модификациях BMW.

Гарантируется европейское качество обслуживания при покупке.

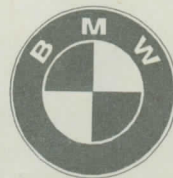
3. Вы приобретаете автомобиль по заводской цене из Германии. Ваш BMW будет изготовлен с учетом всех Ваших пожеланий.

4. Только у нас Вы получаете гарантии фирмы-производителя.

5. Если у Вас уже есть BMW, мы приглашаем Вас воспользоваться услугами нашего автосервиса.

Гевика Автосервис ГмбХ
115201, Москва, ул. Котляковская, 3А
Тел./факс (095) 113-38-48, 113-78-03

С УДОВОЛЬСТВИЕМ ЗА РУЛЕМ.

ТРИ БОГАТЫРЯ

Андрей МАЛЬГИН

Самая, пожалуй, знаменитая обложка «Столицы» появилась в журнале два года назад — в № 28 за 1991 г. Художники В. и М. Ивановы, используя мотив картины В.Васнецова «Три богатыря», изобразили воссевших на боевых коней Пуго, Язова и Крючкова. Номер был подписан в печать 11 июля, но пока медлительная Чеховская типография отпечатала тираж, пока его везли в Москву (в московских типографиях «Столицы» запретил в тот год печатать горком партии), пока он добирался до киосков — прошел аккуратно месяц. Обложка оказалась провидческой: читатели получили журнал за несколько дней до путча.

Случайность? Ткнули пальцем в небо — и попали?... Начинаешь читать тот памятный номер и неожиданно убеждаешься, что таких «попаданий» в нем предостаточно. Из интервью с писателем Гр.Гориним: «Парижские студенты в 68-м году пошли на баррикады, у нас до этого, слава Богу, дело не дошло, но может прийти». Из интервью с союзным депутатом Л.Суховым: «Долой Горбачева и мафиозную группу, которая окружает его». Ну и так далее.

Что-то такое висело в воздухе, что-то нагнеталось, атмосфера сгущалась...

Достаточно вспомнить развитие событий, полистать газеты. Ну, во-первых, чудовищное «Слово к народу» («Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники! Случилось огромное небывалое горе...»), под которым стояли подпи-

си не только записных плакальчиков земли русской Бондарева, Проханова, Распутина, не только представителей «общественных организаций» — Зюганова, Тизякова, Стародубцева, но и деятелей, состоявших в силовых структурах, — В.Варенникова и Б.Громова. Позже в том же стиле будет исполнено обращение ГКЧП к советскому народу: «Соотечественники!..»

КПСС лихорадило. Исключили Руцкого. Хотели исключить А.Н.Яковлева, но он за три дня до путча расстался с партбилетом сам, заявив в интервью «Московскому комсомольцу» о Горбачеве: «Он потерял рычаги управления даже в партии». Вовремя унося ноги, знал ли Яковлев, во что вляпается его партия?

В том же «МК» маленькая заметка с характерным названием «Комитет национального спасения вызывали?»: солдаты внутренних войск (в/ч 7208) напали на микроавтобус «Тойота», избили водителя, устроили обыск. Не терпелось приложить силу. Их уже натаскивали?

Но главное, главное, что внушало беспокойство, — работа над Союзным договором, заседания в Ново-Огарево, демонстративно игнорирующие парламент, назначенная дата подписания. Теперь уже мы знаем, что эта дата и заставила путчистов торопиться...

К чему я это вспоминаю? А чтобы вернуться в наши дни и поискать сходства с той ситуацией.

Игнорирующие парламент заседания Конституционного совещания. Перспектива принятия Конституции, после которой вся система Советов во главе с парламентом рухнет как карточный домик. Вскоре будет определен механизм и дата принятия Конституции — и... Будут ли те, кому наступили на хвост, ждать до последнего или, научившись на ошибках предшественников, выпустят сигнальную ракету раньше, уже сейчас?

По свидетельству экс-премьера В.С.Павлова, опубликованному в газете «Новый взгляд», все документы ГКЧП готовились в недрах КГБ. Впрочем, не только документы. КГБ был главным заинтересованным лицом в той ситуации. Это был подлинный хозяин страны, а роль ЦК КПСС к 1991 году свелась лишь к идеологическому обслуживанию КГБ. Ныне зло сосредото-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Н.Троицкий:

Как выразился член Конституционной комиссии депутат Сергей Засухин, «президентский проект офигенно перелопатили и залезли на три метра в глубину».

6

Г.Бурбулис:

«Дьяволизация» Бурбулиса — это явная удача оппозиции. Они действительно сумели сформировать образ властного манипулятора. Но я знаю политическую цену таким нападкам.

11

Полковник ГРУ В.Г.Иванников:

В Германии судят пограничников ГДР по обвинению в убийствах невооруженных людей. Но никто не вспоминает нас, пилотов советских ВВС, сбивавших там же, в ГДР, невооруженные самолеты!

14

2 ЭКОНОМИКА

Дирекция Московской межбанковской биржи (ММВБ):

Однако наряду с глубокими и серьезными исследованиями появляются и статьи, в которых весьма сложные проблемы формирования рыночного курса рубля трактуются более чем поверхностно, и к их числу, к сожалению, полностью относится статья В.Косенко, опубликованная в 19-м номере «Столицы».

22

В.Косенко:

Отрицательная реакция дирекции ММВБ на мою заметку вполне закономерна. Еще Маркс, говоря о деятелях католической церкви, заметил: они скорее просят нападки на девять из десяти символов их веры, чем на одну десятую часть их доходов.

24

3 ЖИЗНЬ

Н.Попов:

За 250—300 тысяч рублей прапорщик, работающий с документами, может изъять все твои бумажки из архива. Ты как бы растворишься в небытии и для МО существовать перестанешь. За такие же деньги тебе могут устроить «белый билет».

30

А.Беляков:

Из дневника вожаго: «Сегодня Германа (Стерлигова) выгнали из лагеря: он избил Володю Н. Произошел конфликт у Германа и с нами, вожаатыми, но особенно с девочками».

36

В.Писарева:

А вот экологические преступления... Такие есть вообще? Есть! Более того, это, пожалуй, единственный род преступлений, на который, оказывается, можно легко получить положительную санкцию у властей.

38

4 КУЛЬТУРА

ТРИ МНЕНИЯ О «КИНОТАВРЕ»

А.Ерохин:

Пляшут в ПРОКе на столе в одних трусах Жванецкий и Шакуров, танцует фестиваль на дне бассейна, шарашит ослепительный салют над головами, финита последняя милейшая халыва.

50

И.Любарская:

Самыми интересными мне показались фильмы, по разным причинам более или менее блестяще провалившиеся.

51

А.Боссарт:

Честно говоря, мне не нравится время, в которое мы живем. И поэтому мне очень по душе и очень понятно, что самые талантливые работы на нашем фестивале существовали вне сегодняшнего дня. Слава Богу, кино уходит от актуальности, от социологии, от политики.

53

Андрей Макаревич:

Я не строю планов даже на следующий год. Как можно планировать? «Через пять-шесть лет я буду петь песни». Может быть, буду.

56

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссветом 2 июня 1990 г.

Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.

Свидетельство о регистрации № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам: 923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 09.07.1993 г.

Тираж 92 000

Цена договорная

Над номером работали:

П.Смирнов, С.Панов, Р.Катеева

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 2011

точилось в органах Советской власти — от парламента до районных и городских Советов. Идеологически обслуживает эту структуру Конституционный суд, подводящий легитимную базу под разрушительную, антиреформаторскую деятельность депутатов.

Конечно, в число закоперщиков будущего путча (если он будет) не войдут руководители «силовых министерств» (как некогда «три веселых друга» Язов, Пуго и Крючков), но кто сказал, что туда не попадут вторые и третьи лица из руководства этих учреждений? И, кстати, неизвестно еще, кто будет командовать эффективнее — министр, или замминистра, или командующий округом.

Зато с кем уж точно не могут сравниться все позапрошлогдние путчисты, вместе взятые, — так это с Русланом Хасбулатовым, с его хитростью, энергичностью, волей к выживанию, умением плести интриги, лгать и изворачиваться. Да Крючков по сравнению с ним мальчик! Земля у Руслана Имрановича горит под ногами. Он не только как наивысший функционер разрушаемой советской системы, но и лично крайне заинтересован в обострении ситуации, скажем прямо — в перевороте.

Есть и другие отличия у нынешней ситуации. Были ли в распоряжении тогдашних путчистов обученные и вооруженные «народные дружины»? Не было. А сейчас? Есть! Причем широкий спектр: от «службы охраны» А.Краснова до чернорубашечников А.Баркашова, от «трудовиков» В.Анпилова до «наших» А.Невзорова. Существовали ли в 1991 году обкатанные в «горячих точках», вкушившие крови в Приднестровье и Абхазии добровольцы? Тогда — их не было, а сейчас — тысячи молодых людей, из которых можно формировать дивизии.

Что могут выставить против этой силы Ельцин и его команда? Танки и ВДВ? Что ж, путчисты тоже вводили войска в Москву — солдатики бездействовали и стрелять бы не стали, даже если б получили приказ. На регулярную армию надежды нет. А как вел себя «верный ОМОН», мы видели 1 мая. Его можно забить камнями и цепями.

Многие публицисты (в том числе

и на страницах «Столицы») утешают: ничего не будет, сил нет ни у той, ни у другой стороны. Что ж, летом 1991 года сил у обеих сторон было не больше. А кровь все же пролилась.

Еще одно возражение: Горбачев тогда был абсолютно одинок, в ряды путчистов встали те, кого он считал соратниками, сейчас же у Ельцина «сыгранная» команда исполнительной власти. Но, во-первых, и у Ельцина при дворе не все в порядке, ближайшие сподвижники давно уже поставили на нем крест и, не таясь, разрабатывают собственные предвыборные президентские кампании. А во-вторых, разве против Горбачева был направлен путч 1991 года? Путчисты все в один голос утверждают, что, зная его характер и беспринципность, надеялись в конце концов привлечь на свою сторону. И повернись события иначе — через неделю-другую непременно заполучили бы его в союзники, не сомневайсь.

В дни, предшествовавшие путчу, в «Советской России» публиковались такие «письма трудящихся»: «Уважаемый Борис Николаевич! Мы — простые беспартийные рабочие. Мы не защищаем интересы КПСС, как и других партий. Нас волнуют лишь права рабочих людей. Мы даже голосовали за вас на выборах президента России. Но теперь мы видим, что ошиблись. Коммунисты, оказывается, были правы, когда говорили о том, что вы станете диктатором... Беспартийные рабочие ПО «Москвич»—АЗЛК».

Нынешним летом снова те же письма, но уже не только в коммунистических, но и в парламентской «Российской газете». Дескать, примут президентскую Конституцию — Ельцин станет диктатором, самодержцем.

Да не диктатуры они боятся. Им хорошо жилось при Сталине и Брежневле, они себя как рыбы в воде чувствуют в условиях тоталитаризма. Они боятся другого. Сильная президентская власть ставит точку в длинной истории партийно-советского всевластия. Когда пленум ЦК (читай: съезд Советов) или же ЦК КПСС (читай: Верховный Совет) всем на свете командовали, ни за что не отвечая. А подать сюда министра Тяпкина и министра Ляпкина! Пусть явится мэр Лужков! Немедленно снять с работы Шумейко

и Чубайса! Советы наши способны только на это... Это лишь немного окарикатуренная копия коммунистической системы власти.

Замкнутая, клановая структура. Привилегии в зависимости от номенклатурного ранга. Вчерашние таксисты, строители, провинциальные юристы, обзаведшиеся московскими квартирами, служебными автомобилями и казенными дачами. Да они любую гражданскую войну готовы разжечь, лишь бы не «вернуться к прежнему месту работы»!

Год назад в передаче «Момент истины» мы с Александром Тимофеевским объясняли Андрею Караулову, почему, на наш взгляд, необходимо на время, пока экономика полностью не перейдет на новые рельсы, поступиться демократическими свободами, резко усилить исполнительную власть, распустить органы представительной власти, ограничить любую оппозиционную деятельность... «И сажать?» — с ужасом спросил Караулов. «Да, и сажать», — подумав, ответил Тимофеевский. Боже мой, как на нас тогда напустились — от «Дня» до «Независимой газеты» и «Литературки».

За этот год необходимость усиления исполнительной власти за счет роспуска Советов наконец осознана «демократами». А вот «оппозиция» стала действовать более нагло и разнузданно, далеко не ограничиваясь рамками парламентских дебатов. И никто пока не ответил перед законом: ни за призывы к насильственному изменению строя на страницах газет, ни за лютые призывы на митингах, ни за создание незаконных военных формирований в Москве, ни за вербовку наемников, ни за первомайское кровопролитие. По сути, Ельцин хладнокровно (или равнодушно?) наблюдает, как у его порога кропотливо сооружается сложное взрывное устройство.

Помяните мое слово: эта бомба рванет до того, как придет момент принимать новую Конституцию.

Хорошо, если б я ошибся.

КТО ЕСТЬ WHO

«МИРОТВОРЕЦ» СО СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Новым руководителем временной администрации в районе осетино-ингушского конфликта в ранге вице-премьера правительства России назначен Виктор Поляничко. Он сменит на этом посту генерала Юрия Шаталина. Новый руководитель — новые надежды. На мир? По словам правительственного официоза, «Российских вестей», Виктор Петрович Поляничко «накопил большой опыт миротворческой деятельности, занимаясь урегулированием карабахского конфликта».

Что ж, давайте напомним нашим читателям основные вехи жизненного пути «миротворца». А то вдруг кто-то забыл.

Новому администратору 56 лет. Вся жизнь проработал в партийных органах и нигде больше. Взлет партийной карьеры Виктора Петровича начался в Оренбурге — там он дослужился до кресла секретаря обкома КПСС. Был взят на работу в аппарат ЦК КПСС. Поэтому, когда «пришел приказ» и ударил набат — советские войска вторглись в Афганистан, — бесценный партийный опыт Виктору Петровичу предложили передать «молодой демократии». И он становится советником кремлевской марионетки — Бабрака Кармала. Именно там Виктор Поляничко и приобретает самый ценный свой опыт — «миротворца». Полигон для апробации всех видов «умиротворения» был хоть куда: хочешь — бомби, хочешь — пусти танки. Результат такого рода советнической деятельности сегодня налицо. Со службы в аппарате ЦК КПСС Поляничко отправляют на Кавказ, вторым секретарем ЦК Компартии Азербайджана: должен же человек отдохнуть после изнурительных боев в далеком Афганистане! И надо же было случиться, что по времени этот «отдых» совпал с погромами в Баку и с последовавшим за-

тем вводом войск в январе 1990 года. Так что опять пришлось побывать «миротворцем», дабы не допустить к власти набиравший силу Народный Фронт. Вот и оказались кровавые события в Баку связанными с именем Поляничко, «тайным советником вождя».

А после разгрома Фронта народного — снова в бой. На этот раз в Карабах. Именно в этот период талант Поляничко в части «умиротворения» расцвел как яблоня в мае. Сменив Аркадия Вольского на посту руководителя комитета по Карабаху, он полностью отказался и от его тактики. Вольский пытался достичь мира в регионе путем переговоров. Поляничко же вовсю применял свой афганский опыт, решив на практике доказать известный партийный тезис: нет человека — нет проблем.

Проблему Нагорного Карабаха он решал только при помощи оружия и голого насилия. С его именем связывают крупномасштабные операции армейских частей, подразделения внутренних войск и азербайджанского ОМОНа по депортации карабахских армян. Эти акции вошли в историю под общим наименованием «Операция «Кольцо». Методика депортаций, проводившихся под видом «проверки паспортного режима», известна: сначала массированный артиллерийский обстрел, затем перекрытие всех входных выходов, а уж потом в село входили азербайджанские омонцовцы и началась резня. Тем, кто пытался протестовать, омонцовцы отвечали: «Пишите товарищу Поляничко».

После провала путча в Москве он исчез. Исчез из Баку — исчез из поля зрения вообще. Ему было и есть кого опасаться. Только сейчас выяснилось, что советника двух «вождей» пригрозил шеф Службы внешней разведки Евгений Примаков — он тоже входит в число организаторов бойни в Баку... По-хорошему, цивилизованному, не избивать бы Виктору Петровичу скамьи подсудимых за преступление на Кавказе. Но опять понадобились его боевой афганско-кавказский опыт и цэковская хватка. Кому как не ему поручить миротворческую миссию в зоне осетино-ингушского конфликта? «Умиротворение», наверное, будет проводиться традиционным методом товарища Поляничко: артобстрел, блокада, танки, десантники, резня, депортация. Кого депортировать будем, товарищ Поляничко?

Владимир ВОРОНОВ

ШАХРАЙ ВОТ-ВОТ СТАНЕТ ОПТИМИСТОМ

«...Конфликт этот — между осетинами и ингушами, еще надолго, но главное — не выпустить его из-под контроля», — сказал мне на днях вице-премьер России, председатель бывшего Госкомнаца, ныне — Госкомфедерации, Сергей ШАХРАЙ.

Действительно, федеральные власти предпринимают много усилий, чтоб не потерять этого контроля. Грозной ситуации в зоне осетино-ингушского противостояния было посвящено одно из последних заседаний Палаты национальностей российского парламента. С докладом выступила народный депутат, член специальной комиссии съезда по контролю за положением в этом конфликтном регионе Ирина Вертоградская. Она отметила, что ситуация в последние недели резко ухудшилась и сохраняется тенденция к дальнейшему ухудшению. В качестве основной причины этого она назвала многочисленные провокации, препятствия в реализации ранее принятых решений и достигнутых соглашений как со стороны федеральных органов власти, так и со стороны Северной Осетии и Ингушетии, а также недостаточную работу российского правительства. Главное, что, по мнению комиссии, продолжает усугублять обстановку, — это то, что до настоящего времени не прекращаются захваты заложников с обеих сторон, за последнее освобождение которых уголовные элементы требуют миллионные выкупы... А в основном месте конфликта — Пригородном районе — вообще сложилась обстановка троевластия: во-первых, пытаются осуществлять властные функции временная администрация, созданная в связи с введенным чрезвычайным положением, во-вторых — районный Совет народных депутатов, в-третьих — действуют незаконные вооруженные формирования... Это троевластие создает дополнительный хаос, то и дело взрывающийся хрупкое перемирие, которого время от времени удается достигать... Как отметила Ирина Вертоградская, подписанное 20 марта в Кисловодске «Соглашение о мерах по комплексному решению проблемы беженцев и вынужденных переселенцев» не встретило, к сожалению, поддержки в Северной Осетии.

Верховный Совет Северной Осетии в своем постановлении о продлении срока

действия чрезвычайного положения записал, что «необходимо до окончательного решения проблемы беженцев... приостановить перемещение и стихийное поселение лиц ингушской национальности на территории Северной Осетии без ведома смешанной комиссии по комплексному решению проблемы беженцев».

На мой вопрос, в чем же причина такой позиции осетинской стороны, по меньшей мере не способствующей выполнению кисловодского соглашения, председатель Верховного Совета Северной Осетии Ахсарбек Галазов сказал: «Это связано с тем, что не все правильно прочитали соглашение, подписанное в Кисловодске. Многие посчитали его сигналом к бесконтрольному возвращению всех беженцев в места компактного проживания. Но это же сегодня невозможно! Ведь в кисловодском соглашении говорится о согласованных местах компактного проживания. А кто эти места должен согласовывать? Наверное, народ, власти тех пунктов, о которых идет речь...» Руководство Северной Осетии считает, что в сегодняшних предложениях по урегулированию проблемы беженцев совершенно не учитывается та часть беженцев — а их около 48 тысяч в Северной Осетии, — которые пришли в республику из районов внутренней Грузии, из Южной Осетии, из Чечни и т.д. В этой связи Ахсарбек Галазов абсолютно не приемлет последнее заявление Сергея Шахрая, считая, что обстановка в регионе хотя и сложная, но обычная и, значит, это заявление лишь напрасно будоражит людей...

Однако Сергей Шахрай в беседе со мной высказал убеждение, что сделанное им заявление было своевременным и полезным. В противном случае, сказал он, события могли бы развиваться непредсказуемо и Россия непременно оказалась бы втянутой в вооруженные действия, стремясь успокоить враждующие стороны... А так планы экстремистов, считает Шахрай, были сорваны: ситуация вновь взята под контроль, создана новая временная администрация, образована посредническая наблюдательная комиссия из представителей общественных движений народовосеседей. Потому что сейчас самое главное, по мнению вице-премьера, не оставлять конфликтующие стороны один на один.

«Словом, — заключил Шахрай, — если в таком состоянии мы дотянем до зимы, я стану оптимистом».

Что ж, дай-то Бог!

Григорий КРОШИН

Первое обсуждение российско-венгерского договора в Верховном Совете России завершилось, как известно, скандальным сопротивлением его ратификации со стороны так называемой парламентской оппозиции. Напомню, что камнем преткновения для успешной ратификации договора в предыдущий раз стало предложение к данному договору, а именно — письма, которыми обменялись министры иностранных дел обеих стран уже после официального подписания договора главами России и Венгрии. В этом приложении двумя государствами заявлено об их обоюдном стремлении к преодолению наследия тоталитаризма и, в частности, осужден факт вторжения советских войск в Венгрию в 1956 году, приведший, как сказано в документе, «к подавлению демократического движения ее народа». Эта-то фраза в приложении к договору и вызвала бурные страсти со стороны ряда российских депутатов во время первого обсуждения данного вопроса на сессии несколько месяцев назад...

Однако, как показывают сегодняшние события, страсти эти отнюдь не улеглись. На днях Верховный Совет снова включил этот вопрос в повестку дня. Заместитель министра иностранных дел России Виталий Чуркин, представлявший договор, пытался убедить народных избранников, что сам факт естественного осуждения новой демократической Россией и новой демократической Венгрией одного из наиболее прискорбных и трагических событий послевоенной истории не станет прецедентом (чего очень испугались депутаты) для того, чтобы Россия и впредь, при заключении каждого нового договора с другими странами, каялась в своей вине. Но все усилия замминистра оказались напрасны... А лидер оппозиции Сергей Бабурин в своих возражениях против одобрения подписанного договора выдвинул и еще один (на самом деле, может быть, главный) аргумент, сказав, что договор может быть ратифицирован «только после ухода в отставку министра иностранных дел Козырева, который своей перепиской с министром Венгрии поставил нас в уничижительное положение»...

ПРОТИВНЫЙ СЛУЧАЙ...

За ратификацию проголосовало в итоге лишь 42 процента парламентариев... Таким образом, скандальная ситуация продолжается: Верховный Совет вторично отказывается ратифицировать договор между Россией и Венгрией...

После заседания я подошел к одному из выступавших в дискуссии, члену Комитета ВС по международным делам и внешнеэкономическим связям Александру Дзасохову, недавно избранному народным депутатом России, бывшему члену Политбюро ЦК КПСС и председателю Комитета по международным делам союзного парламента, и спросил, как он оценивает итоги обсуждения российско-венгерского договора:

— Никто вроде бы не оспаривает оценку того, что было в 1956 году, но — оспаривают сам прецедент: договор подписан, а к нему в таком... извиняющемся тоне дается приложение. Лично я за то, чтоб ратифицировать скорее.

— А вам не кажется, что со

стороны вся история с нератификацией выглядит не очень-то красиво?

— Безусловно, ведь это же аукнется в Венгрии: стране, которая сейчас преуспевает в рыночных отношениях и желает восстановить прежние связи с нами... Представляете, как Венгрия будет смущена, если мы не подпишем договор? Это будет просто скандал.

Председатель Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям ВС Евгений Амбарцумов сказал мне, что тоже недоволен вторично не состоявшейся ратификацией договора России с Венгрией, но часть вины за это он возлагает и на самих работников МИДа, с его точки зрения, весьма неудачно подготовивших документ. Это то, что касается формы договора...

— Но там еще есть и по существу вопрос, — добавляет Евгений Амбарцумов. — Почему, собственно говоря, Россия должна каждый раз каяться по поводу того, что

совершили ее прежние правители?! Тем более что может возникнуть вопрос об оплате каких-то издержек за интервенцию и т.д. И создается прецедент: мне известно, например, что в готовящемся сейчас проекте договора России с Чехией чешская сторона настаивает на включении в текст аналогичного пассажа об извинениях России в связи с событиями в Чехословакии 1968 года...

— Не является ли одной из подспудных причин столь трудного прохождения договора в Верховном Совете личная неприязнь отдельных депутатов к министру Козыреву? То, например, что сказал Бабурин?

— Конечно, это играет роль, но... не надо подставляться.

— Что вы имеете в виду?

— Надо было, чтоб текст договора был подготовлен адекватным образом, по всем правилам, традиционно, без всяких дополнительных писем и приложений... За это, естественно, оппоненты и ухватились.

...И, добавлю от себя, ухватились довольно крепко. По крайней мере, создает впечатление, что парламентское большинство, вторично провалившее ратификацию российско-венгерского договора, не намерено в скором времени менять своих позиций. Во всяком случае, в отношении министра иностранных дел Андрея Козырева. В кулуарах Верховного Совета имеет хождение «Открытое письмо» народных избранников президенту Ельцину, подготовленное по инициативе депутата Н.Павлова, известного и заведомого оппонента министра Козырева. Письмо, которое подписано 53 депутатами, содержит требование к президенту о срочной отставке министра Козырева, а также прямую угрозу: «В противном случае, — шантжируют президента народные избранники, — ратификация в Верховном Совете подписываемых им (Козыревым) и Вами международных соглашений будет все более трудной»...

Интересно все-таки, что же теперь конкретно будет «в противном случае» с российскими международными договорами? Действительно, противный случай, что и говорить...

Г.К.

Рис. В. Чумачева

Николай ТРОИЦКИЙ

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЦИРК

Весь июнь 1993 года российские политики пробыли над проектом новой Конституции в Кремле. Организаторы Конституционного совещания, безусловно, добились одного: их мероприятие стало центром всеобщего внимания. Его воспевали или обличали, но проигнорировать уже не могли. А между тем это было всего лишь совещание. Очень длинное, со многими перекурами, с пышным эпитетом «конституционное», под председательством самого президента. Но мало ли совещаний провел Борис Ельцин за последние годы? Правда, ни одно из них не удавалось сразу четырех президентских указов и двух парламентских постановлений. Но это сути дела не меняет.

Для чего большой начальник проводит совещания? Уж, наверное, не для того, чтобы узнать мнения его участников. Важнее получить одобрение своей точки зрения. Приглашенным, конечно, дают высказаться, внести ценные предложения, поспорить и покритиковать. Но решение-то принимают руководители в своем узком кругу.

Так было и на большой кремлевской конституционной «планерке». Нелепо объявлять ее «праздником разномыслия» и сравнивать с парламентом, так же как смешно возмущаться «недемократичностью» процедур и регламента. У совещаний свои законы. Когда явился чужой начальник (Хасбулатов) и попытался диктовать свои условия, его грубо, но закономерно освистали. Плюрализм на совещаниях допускается лишь в границах, определенных теми, кто их проводит. И это нормально. Даже если дело касается Основного закона, по которому предстоит жить всем гражданам — и согласным, и несогласным.

Оппоненты Ельцина увидели попользования к авторитарности и зачатки диктатуры в том, что Борис Николаевич указал совещанию взять за основу так называемый «президентский» проект Конституции и «не заметил» предыдущего проекта, который сам же пару лет назад и вносил на съезд народных депутатов. Придворные юристы поспешили объяснить, что так оно и должно быть, что работа над Основным законом — «органическая часть деятельности президента» (хотя в действующем законодательстве такие обязанности за президентом и не закреплены), что «реакционный» и «утративший легитимность» съезд сам же от прежнего проекта и отказался (хотя в документах такого отказа и не зафиксировано)... Но все эти отговорки — не более чем отвлекающий маневр, и не в них дело.

Во-первых, президент на своем со-

вещании хотел обсудить свой проект — и все тут. И пригласил он, в основном, тех, кто был заранее со всем согласен. Затесались, правда, некоторые вожди карликовых партий, которые не могли упустить возможности напомнить о себе и тоже, кстати, все ельцинские инициативы одобряли. Во-вторых, только очень легковерные люди могли всерьез подумать, что все заиклилось на «президентском» проекте: те, кто действительно работал над Конституцией, работали с двумя текстами. В-третьих, организаторы совещания были не столь прямолинейны. Для них, строго говоря, не имело значения, какой проект берут за основу и во что он превратится после десятидневных кремлевских бдений.

Надо было — главное — вырвать конституционную инициативу у Верховного Совета (а тот крайне лениво и неуверенно сопротивлялся) и приучить всех — законодателей, партии и движения, публицистов и политологов — к мысли, что есть только один проект Конституции и он в президентских руках. Что ж, виртуозно сработано: почти все с этим смирились. Только крючкотворская парламентская фракция «Смена» раскусила игру. Ее члены вездливо замечали на пресс-конференции: «Нет, это никакой не единый-согласованный, это все равно президентский проект, рожденный нелегитимным путем. Его еще надо обсудить на Верховном Совете»... Как же! Дадут его теперь обсуждать парламентариям! Легитимность — это что за зверь? «Президентский» проект был «незаконно-рожденным» с самого начала. Но теперь его скрестили с законным парламентским «дитятей» — и ничего, зажил полной жизнью. Даже виднейший конституционалист наших дней Олег Румянцев не возражает, тем более, что его догадаться включить в «рабочую группу» по доработке проекта новой Конституции.

Кстати, именно эта группа определяет и определит, что именно будет записано в Основном законе. Ясное дело, что столь тонкие юридические и политические вопросы на совещаниях, состоящих из 600 человек, не решаются.

Так для чего же они не покладая рук вкалывали столько летних дней в кремлевских палатах? Страшно сказать: перемолотили пять пухлых томов с несколькими тысячами поправок! Они, конечно, не внакладе: поели сытных и бесплатных кремлевских обедов и полдников. Многие вообще впервые в жизни попали в «святая святых» Кремля — в бывший зал пленумов ЦК КПСС, да и как судьбоносно — сам президент

держал с ними большой совет! Эти дни запомнятся навсегда.

Но пафос и шутки в сторону. Конституционное совещание было весьма эффективным зрелищем, особенно пленарные заседания, — в президентской команде «умерли» неплохие режиссеры и массовики-затейники. Даже скандал с легкой потасовкой между президентской стражей и неприкасаемыми депутатами, закончившийся выносом тела коммуниста Слободкина, только придал пикантности официозному мероприятию.

Но оно было и эффективно — хотя бы тем, что заставило расколотся президиум Верховного Совета, поколебало парламентское большинство, развеяло миф о непобедимости Хасбулатова, да и отвлекло, наконец, законодателей от последних попыток выполнения малоприятных функций контроля над исполнительной властью. Чего контролировать, если едва ли не все правительство, поголовно, включая премьер-министра, вникало в детали конституционного процесса, подзабыв об экономике. Едкий оппозиционер Сергей Бабурин заметил по этому поводу: «Президент объявил 1993 год годом экономики, а все заняты Конституцией».

Но все гораздо сложнее и интереснее. Возможно, я буду слегка противоречить тому, что сам же сказал выше, но Конституционное совещание было все-таки не вполне совещанием. Точнее — совещанием ровно на три пятых.

Организаторы... (А кто они? Точной информации нет, но, по косвенным данным, это прежде всего Геннадий Бурбулис, Сергей Филатов и особенно Сергей Шахрай.) Все хорошо продумали и не случайно раздели совещание на пять секций. Так вот, в трех из них — товаропроизводителей и предпринимателей, партий и общественных организаций, работников органов местного самоуправления — шло типичное совещание. Под чутким и четким руководством улыбчивого Владимира Шумейко, хмурого Юрия Ярова и импозантного Анатолия Собчака.

Самой пестрой и в то же время политически однородной оказалась секция партийцев. Там заседали самые неожиданные люди! Рядом с естественным Гавриилом Поповым — знаменитый, но довольно странный в этой компании Марлен Хуциев (он представлял «Объединенную общероссийскую гильдию кинорежиссеров») и поэтесса Марина Кудимова (от Союза российских писателей). Люди не партийные, зато президента всегда готовы поддержать. Впрочем, и с «партейцами» все было в порядке. Паре-тройке случайно забредших коммунистов и кадетов и несколькими

невозмутимым центристам противостояли сразу: член правления «Дальневосточного регионального фонда поддержки президента России» М. Колбаско (региональным организациям вообще-то путь на всероссийское совещание был заказан, но этого пустили); председатель «Общероссийского фонда поддержки президента России» Талачева; генеральный директор «Международного фонда поддержки экономических реформ России» Никишин; заместитель гендиректора «Общественного комитета российских реформ» Нискевич; ответственный секретарь «Фонда экономической реформы России» Ю. Андреев; президент «Фонда поддержки демократических преобразований в России» Юшенков (более известный как депутат из радикальных демократов и заместитель Полторанина по ФИЦу); вице-президент «Вольного экономического общества» Красавченко (другой депутат-демократ, недавно назначенный первым замом руководителя администрации президента) и т.д. и т.п. Уф! С такими и совещаться приятно.

А вот в других двух пятых совещания делали большую политику. Я имею в виду секцию федеральных органов власти во главе с Черномырдиным и секцию субъектов Федерации под руководством Шахрая.

Участники этих двух секций — депутаты, конституционные судьи, министры, эксперты, руководители субъектов Федерации — могли встретиться и обсудить конституционные проблемы безо всякой помпы официального кремлевского действия и без четырех президентских указов. Но кто бы обратил внимание? А так — вроде бы посланцы всего многонационального народа собрались в Кремле, все на равных, все слились в общем конституционном экстазе. Но две секции фактически отработали за пять. Эта хитрая подмена общего частным произошла на глазах у взволнованной общественности. Но никто ее не заметил и не возразил.

За закрытыми дверями главных секций — они и значились под №1 и №2 — шло отнюдь не совещание, а крупный политический торг. Оттачивались формулировки, искались компромиссы. Там невозможно было действовать по принципу производственных совещаний-накачек — «мы с вами посоветовались, и я решил». Решать пришлось вместе. Кое-что решили.

Как выразился член Конституционной комиссии депутат Сергей Засухин, «президентский проект офигенно перелопатили и залезли на три метра в глубину». Подрезали права будущему президенту, отняли у него заоблачную роль высшего «арбитра» и

Рис. В. Коваленко

превратили в нормального главу исполнительной власти; расширили полномочия парламента; отменили «высшее судебное присутствие» и возвратили волю Конституционному суду. Так что с конфигурацией федеральных органов власти в Кремле разобрались.

Но — дружно споткнулись на федеративных отношениях.

В торжественном заявлении о проекте новой Конституции сей камень преткновения попросту обошли. Затем Шахрай доложил, какие он придумал хитроумные компромиссы. Значит, предстоит назвать республики «суверенными государствами», остальных — «государственно-территориальными образованиями». Но — все равны во взаимоотношениях с Центром. Но — второй частью Конституции будет Федеративный договор в первозданной чистоте. Но — в нем черным по белому написано: у республик больше прав, чем у краев и областей. Снова сказка про белого бычка. А Татарстан и еще, кстати, Ингушетия Федеративного договора не подписывали и не рвутся подписывать. С ними что делать? Казань незыблема, как японцы с Курильскими островами, стоит на своем: двусторонний договор с Москвой и ни шагу назад! Куда, в какой раздел Конституции, простите, всобачить этот ни в какие федеративные рамки не влезающий договор? А теперь такого же договора добиваются и Башкортостан...

Всех этих узлов на совещании, да же на Конституционном, не развязать. Тут нужен долгий, нудный, многомесячный торг, с посулами, подкупками и шантажом.

Так что посовещались, постановили, но — не решили. Конституционный процесс продолжается.

Руководитель секции представителей органов местного самоуправления, бывший народный депутат России, бывший зампред Верховного Совета России, а сегодня вице-премьер правительства России Юрий ЯРОВ призывает сделать все, чтобы

ПОДТЯНУТЬ КРАЯ И ОБЛАСТИ ДО РЕСПУБЛИК,

но при этом:

— ...ни насколько, ни на йоту не понизить права, полномочия республик, которые они сегодня имеют. Все это надо сохранить. Отнимать нельзя. А вот края, области, Москву, Санкт-Петербург — подтянуть, выравнять их с республиками. Но — лишь по социальным, экономическим, внешнеэкономическим вопросам. То есть чтоб они не претендовали на собственный флаг, гимн, конституцию. Может быть, назвать их органы управления так, как, например, сделано в Москве — правительствами. И ничего в этом нет страшного, как показал московский опыт. Это будут исполнительные органы у каждого субъекта, у края и области в том числе. А для того, чтобы защитить их интересы в законотвор-

ческой сфере, надо ввести в палату Совета Федерации всех в равном количестве.

И еще: в конституцию, в канву ее, следовало бы органично вплести Федеративный договор, вписать положение о статьях, которые не могут быть изменены без референдума всероссийского либо без 100-процентной поддержки субъектов Федерации. Вот этими мерами мы могли бы, наконец, выравнять статусы и полномочия субъектов Федерации. И главное — гарантировать каждому субъекту равные права.

— А чем, на ваш взгляд, вызвано столь обостренное, даже ревнивое отношение республик к выравниванию статусов республик, краев и областей?

— Они боятся, что потеряют возможность влиять на государственное развитие России в будущем.

Так что же — республики и вправду боятся потерять влияние на федеральные власти? По крайней мере, очень похоже на то, судя по точке зрения, которую высказал в беседе со мной представитель как бы одновременно двух ветвей власти — член Верховного Совета России и председатель Совета Министров Карачаево-Черкессии Владимир ХУБИЕВ:

ЭТО БУДЕТ РАЗВАЛ РОССИИ!

— Владимир Исламович, должны ли субъек-

екты быть равными в Российской Федерации?

— В экономическом плане все субъекты должны быть равны. Здесь нет вопроса. А что касается государственности, то здесь другое. Нельзя же монациональную область сравнить, скажем, с Дагестаном, в котором проживает сегодня более 30 национальностей, на языках которых издаются газеты, книги и т.д. Здесь ведь очень много проблем, а некоторые товарищи этого не понимают... Вот у нас, например, в Карачаево-

Черкессии на пяти языках выходят газеты, на пяти — радио, на пяти — телевидение!..

— А чем вам, республикам, будет мешать то обстоятельство, что края и области будут по статусу государственному равны республикам?

— Это вообще недопустимо!

— Почему же?

— Это будет развал России! Ну... вот возьмем, скажем, Ростовскую область и назовем республикой. С ее мощным промышленным потенциалом,

...А в пятницу был мне Голос. То Руслан Имранович выкрикнул свое из «Белого дома»:

— Путь они там заседают, а мы все равно примем хорошую конституцию. Десять лет будем сидеть, а примем!

(такой эпиграф)

Григорий КРОШИН

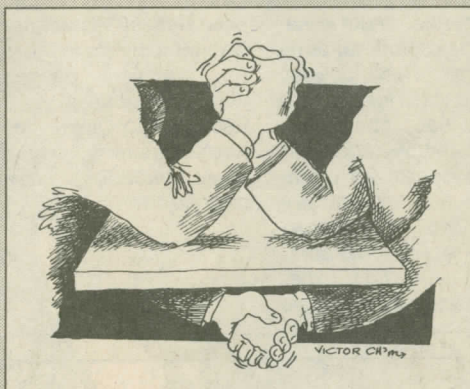
КТО В РОССИИ ГЛАВНЕЙ?..

Странно. Вы не поверите, читатель, но эти самые они... не испугались грозного Голоса из «Белого дома». Может, просто не расслышали, не до того было, делом серьезным занимались. Словом, продолжали себе как ни в чем не бывало заседать и корпеть над текстом нового Основного закона. Вносить и вносить поправки, спорить о них в рабочих секциях, согласительной комиссии, а теперь уже и в некоем новом образовании — конституционном арбитраже, где шлифуют формулировки самые что ни на есть юридически подкованные авторитеты страны.

И вот вроде уже конец виден. Правда, не всем одинаково хорошо. Разброс видения весьма широк. И вызван этот разброс неутраченными спорами по острейшему и самому конфликтному, пожалуй, из вопросов новой российской конституции: КТО В РОССИИ ГЛАВНЕЙ?..

Нет, мы не о лидерах. Не о Ельцине и не о Хасбулатове даже. И уж, конечно, не о Зорькине или Руц-

огромными земельными угодьями, с ее хлебом и прочими возможностями, они скажут: «А зачем нам вообще Россия нужна? У нас же все есть свое собственное. Будут внешние связи, свои законы, все свое. Мы себя полностью обеспечиваем, да еще и остается». А люди, которые живут, допустим, в каком-то национальном округе на Крайнем Севере?.. Этим людям, по-моему, надо доплачивать только за то, что они там живут!

ком. Вопрос куда серьезнее: кто главней в России — Москва или регионы? Республики или края и области? А может, вообще все равны? Вот в чем вопрос...

«...Это очень больной вопрос, который при неаккуратном с ним обращении может привести страну к тяжелым последствиям, — сказал, отвечая мне на пресс-конференции, состоявшейся перед пленарным заседанием в Кремле, глава администрации президента России Сергей Филатов. И добавил: — Мы все должны понимать, что то наследие, которое мы имеем сегодня, революционным путем изменено быть никак не может».

Сергей Филатов поддерживает ту формулу, которая найдена в рабочей секции № 2, руководимой вице-премьером, председателем Госкомфедерации Сергеем Шахраем, а именно: «республики — суверенные государства в составе Российской Федерации», а «края и области — государственно-территориальные образования»...

Но не все однозначно поддерживают эту формулу. Перед вами несколько интервью, данных обозревателю «Столица» в кремлевских фойе, гардеробах, буфете, а также под проливным дождем на улице между залами заседаний.

А руководитель рабочей секции № 1 (где заседали представители федеральных органов) бывший народный депутат СССР, доктор юридических наук Александр Максимович ЯКОВЛЕВ — чтоб сохранить единую Россию — предлагает:

ДАТЬ БОЛЬШЕ ПРАВ СУБЪЕКТАМ!

— В отношении субъектов федерации есть, я считаю, два подхода. Первый — распределение компетенции. Второй — вопрос об уровне суверенитета: достигает ли суверенность субъекта Российской Федерации права на выход его из России? Это вещи где-то несвязанные, но где-то несовместимые. И попытки выдать расширение компетенции субъектов Российской Федерации за стремление к сепаратизму

несостоятельны. Наоборот: чем более полноправными будут субъекты федерации, тем меньше у них будет желания отделиться, выйти из состава государства, предоставляющего и гарантирующего им, субъектам, такого рода права.

Мы исходим из того, что тенденция к повышению статуса субъектов федерации — это есть подлинный путь построения демократического единого государства, построенного не на имперском принципе подавления и подчинения, а основанного на согласии.

Руководитель секции № 2 вице-премьер правительства и председатель Госкомфедерации, то есть на сегодня как бы главный специалист по межнациональным вопросам Сергей ШАХРАЙ абсолютно убежден:

ПРОЕКТ ГОТОВ К ПРИНЯТИЮ!

— Вы действительно считаете, что текст проекта настолько совершенен?

— Он, я считаю, уже достиг оптимального состояния.

— Но... ведь нет предела совершенству?..

— Есть. По крайней мере в отношении данного проекта. Поясню. Дальше в сторону суверенизации автономий идти уже нельзя, так как вслед за этим наступит конфедеративное устройство. Полная унификация субъектов — то есть если всех поделить на земли, на губернии, — тоже сегодня невозможна: это означает отступить от Федеративного договора. Поэтому мы взяли Федеративный договор в качестве базового уровня и подняли статус территориальных субъектов — краев и областей, выравнив их полномочия с республиками, не придавая им, однако, государственного статуса (наличия конституции, герба, гимна, гражданства, языка). То есть в этой ситуации подвижки от сегодняшнего варианта в любую сторону разорвут конституцию вообще.

— А в этом варианте, вы считаете, целост-

ность России обеспечивается?

— Конечно. Мы дополнительно гарантировали единство и целостность Российской Федерации рядом основных положений. Первое: отсутствие права выхода субъекта из Федерации; второе: суверенитет Российской Федерации распространяется на всю территорию целостного и неделимого государства; третье: закреплено равноправие граждан, независимо от того, где они проживают (т.е. ни республики, ни города, ни края, ни области, ни округа не могут лишить граждан России тех прав, которые даны конституцией); четвертое: обеспечено единство экономического пространства — свобода передвижения товаров и услуг, финансовых средств, свобода предпринимательской деятельности, частная собственность, запрет на внутреннюю таможенную и единая денежная единица — рубль — с единым же эмиссионным центром; наконец, пятое: гарантия местного самоуправления. Вот — для меня этого более чем достаточно, чтобы Российская Федерация оставалась целостным государством. Формула: рыночная экономика — федерализм — местное самоуправление.

Президент — правда, вроде бы уже свергнутый — Мордовской республики Василий ГУСЛЯННИКОВ думает, что, может быть, сейчас вообще не стоит связываться с окончательным решением проблемы статусов, а...

ПУСТЬ РЕШАЕТ НОВЫЙ ПАРЛАМЕНТ?..

— Я думаю, что надо исходить из того, что права у всех субъектов

должны быть одинаковыми, но в то же время сейчас на этом нельзя заострять внимание, чтобы не отпугнуть республики, которые могут совершить демарш и вообще развалить сам процесс создания новой конституции. Я думаю, что лучше всего сохранить пока статус-кво и позволить, может быть, новому парламенту решить эти запутанные проблемы.

— Но вряд ли края и

области захотят сохранить все как есть сегодня. Они, кажется, всерьез стремятся к повышению своего статуса до республиканского...

— Не думаю, что таких краев и областей будет много. Это сегодня единицы — Вологодская область, Иркутская, Воронежская, еще несколько.

Но я скажу, что руководители краев и областей — люди все-таки в основном здравомыслящие, способные подчинить свои политические амбиции интересам общества. Ведь сейчас самое главное для нашего общества — это принять новую конституцию, в которой будет предусмотре-

но разделение власти *наверху*. И закреплена роль президента. Это сейчас самое главное. Потому что сейчас у нас президент является лицом-гарантом, а в то же время не обладает реальными рычагами власти. Это подтверждается и моим случаем... Словом, субъекты федерации надо уравнивать во

всех правах, за исключением политических. А чтобы не вносить раздрай в конституционный процесс, надо дать возможность решить эту проблему новому, свежему парламенту.

Не столь оптимистичен молодой президент республики Калмыкия и по совместительству народный депутат России Кирсан ИЛЮМЖИНОВ, который разочарован кремлевским форумом. Он считает, что Борис Николаевич зря собрал это

«ПУСТОЕ
СОВЕЩАНИЕ»

— Почему же зря, Кирсан Николаевич?

— А оно все равно не имеет права ничего решать. По поводу новой российской конституции надо собирать только легитимный орган. А таковым в России сегодня является лишь съезд народных депутатов. Вот на него и надо выносить новую конституцию. Что мы и собираемся сделать.

— Мы — это кто?

— Калмыкия. Наши юристы проработали и предложили свой вариант конституции. Должен сказать, это вариант «суперпрезидентской республики». Проект наш небольшой — если ельцинский вариант состоял из 190 статей, то наш — из 58... В нашем проекте записано, что субъектом федерации является Россия, которая включает в себя края и области плюс республики. Россия — едина и неделима. Мы вообще исключаем любой механизм выхода из состава Российской Феде-

рации. Отвергаем право наций на самоопределение и вообще исключаем положение о том, что «республики есть суверенные государства». Республики есть республики, всё. Не больше.

— Как вы считаете: при сегодняшнем отношении краев и областей к проблеме равенства статусов есть ли возможность достичь в этом вопросе консенсуса при работе над конституцией?

— Ну... надо работать. Это же в интересах всей России. Если мы сейчас придадим краям и областям статус «государственно-территориальных» образований, то буквально завтра они станут... государствами, и тогда полномочия президента России будут распространяться только в границах этого Кремля, и все. Даже не в рамках Садового кольца, потому что мэр Москвы, мне кажется, никогда не поделится с ним властью.

Да, такие вот страсти. А может, самое мудрое мнение высказал руководитель еще одной секции (представляющей партию, профсоюзы, религиозные конфессии и проч.), мэр Санкт-Петербурга, доктор юридических наук Анатолий СОБЧАК, который предлагает просто...

НИЧЕГО НЕ МЕНЯТЬ?..

— К вопросу о статусе субъектов федерации, я считаю, подход может быть двоякий. Если подходить теоретически, конечно надо признать: не может быть федерации с неравноправными субъектами, все они должны иметь равный статус. Скажем, как штаты в США, кантоны в Швейцарии, земли в ФРГ и так далее. А может быть другой, более трезвый, прагматический подход — исходить из того, что есть в реальности. Мы можем из-за слов, из-за терминов, нарушить единство и целостность нашего государства и довести дело до кровопролития. С чего, скажем, начинали США? Гражданская война и — конфедерация государств. Соединенные Штаты Америки до сих пор, согласно конституции, — конфедерация самостоятельных государств (штат — в переводе с английского означает «государство»). Но кто сегодня

скажет, что штаты — это самостоятельные государства? Нет, США — единое государство. Но что нивелирует ситуацию в США (при всех индивидуальных особенностях каждого штата)? Их интересы сближает экономика! Вот и в нашем случае я говорю: давайте сегодня *ничего* не трогать, не менять никакие статусы, пусть будут таковыми, какие сложились. Что ж, такие минные поля мы получили в наследство, не будем их взрывать сегодня. Давайте оставим все как есть до того момента, как прежде всего *экономическая* жизнь, развитие культуры, улучшение быта не нивелируют все это. И тогда сегодняшних проблем и споров просто не будет. Сегодня, я думаю, у нас просто нет иного выхода. Потому что республики стремятся повысить свой статус, а, скажем, все партии, профсоюзы, представленные в моей секции, единодушно... даже слышать не хотят ни о Федеративном договоре, ни об особом статусе республик!.. Ситуация такова: если республики будут продолжать упорно настаивать на том, чтобы им статус повысить, то все остальные будут в свою очередь настаивать на том, чтобы республики вообще ликвидировать. То есть какой выход? Я ж говорю: оставить все как есть!

А что — может, и вправду оставить сегодня все как есть и не ломать копий? И не мешкая, но и не суетясь, тщательно отработать текст новой конституции. А то ведь — не к ночи будь сказано — будет нам опять Голос Руслана Имановича: «Пусть они не надеются, что мы примем плохую конституцию. Да никогда в жизни!»...

Правда, на своей пресс-конференции Сергей Филатов предложил не относиться так уж серьезно ко всем словам Руслана Имановича...

Но кого слушать?.. Кто — главней?..

Геннадий БУРБУЛИС:

Я ВСЕГДА СТАРАЛСЯ

БЫТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМ

Во время августовского путча, в самую страшную ночь, когда ждали штурма «Белого дома», Бурбулис позвонил Крючкову и потребовал вывести войска из города. Дескать, сейчас не важно, кто прав, а кто виноват в сложившейся ситуации, всех рассудит история. — Кто рассудит? — не понял Крючков. — История, — повторил Бурбулис. — Что еще за история... Об этом эпизоде мне рассказали уже после интервью с Бурбулисом.

— Геннадий Эдуардович! Мне хотелось бы получить от вас... жесткое интервью?

— Что значит жесткое?

— С конкретными, возможно, не очень приятными вопросами и такими же однозначными ответами. Хотя не уверена, что для политика приемлем предлагаемый стиль беседы.

— А каким я представляю себе наше интервью, вас не интересует? Мне кажется, я теперь хорошо понимаю, что такое журналистская работа — опыт последних лет позволил создать достаточно полное представление. В любом общении с журналистом существуют как бы два фона — профессиональный и человеческий. В приватном разговоре, чисто человечески, журналистам обычно хотелось поделить со мной собственными открытиями и наблюдениями, но подсознательно почти в каждом работало профессиональное чувство — как потом вы-де-лать-ся на бумаге за счет этих откровений!

— После такого замечания особо не «повыделяешься». К тому же, я не обольщаюсь насчет откровений политиков. Скажите, чем вы сейчас занимаетесь, какую роль отводите себе в политике? По-моему, для таких, как вы, отставка с высокого поста — событие хоть и не очень приятное, но все-таки малосущественное. Вы умеете сохранять влияние не только на людей, но и на ход событий. Есть ли у вас политические амбиции? Как вы понимаете предел власти?

— Никто из нас не выдумывал того, что называется реформой в России. Это на девять десятых объективная и неизбежная ситуация, связанная с исчерпанностью потенциала прежней государственно-политической системы. И я отношу себя к поколению тех, кто считает своей судьбой, долгом, призванием, а если менее пафосно, то — устойчивым жизненным интересом — участвовать в этой труднейшей работе. Я ее называю формированием нового общественного строя России и соответственно — нового типа государства. Никакого проку нет от заклинаний: «Реформы, реформы, реформы...» Важно понять, в чем заключена их реальная сущность. И только в этом смысле я считаю себя человеком, занимающимся профессиональной политикой.

— Для таких занятий разве не нужна высокая государственная должность?

— Это меньше всего определяется тем, что записано в трудовой книжке. Хотя профессиональному политику важнее всех остальных быть узнаваемым, услышанным, и масштаб влияния на выбранное дело зависит от этих самых должностей. Но утрата должности не становится препятствием для профессиональной работы в политике. Судьба моя удивительно счастливая, потому что однажды сделанный выбор (имею в виду философию) удастся реализовать не только в классической философской форме — умозрительной, но и в жизни — то

есть практически участвовать в масштабных преобразованиях российской государственности.

— Но если бы вы прежде не были влиятельным должностным лицом, в частности, госсекретарем, разве могли бы сегодня реально что-то изменить в нашей государственности?

— Не понимаю вопроса...

— Да все наши политики стали таковыми или после отставки или, наоборот, в момент назначения на высокий пост. Вот меня и интересует — что именно делает советского человека политиком: ситуация, в которую он попадает, или все-таки убеждения, более-менее постоянные, не зависящие от должностных перемещений?

— А, вот теперь понятны ваши подозрения на мой счет. Ни один из постов не был для меня подарком судьбы, ни один не был пожалован милостью патрона. Можно считать некой точкой отсчета, которая определила уровень, масштаб моего призвания, — выборы в народные депутаты СССР. И я тысячу раз благодарен за это моим избирателям, единомышленникам и друзьям. Они заложили предпосылки к возможности проявиться. Но во всем, что я имел и имею, — все-таки больше моих собственных заслуг.

— Иначе говоря, в узком кругу вы как были Бурбулисом-политиком, так им и остались, несмотря на внешние признаки крушения карьеры?

— Нет, опять ошибаетесь. Знаете, это как раз тот случай, когда смущаться не приходится, — вы говорите с человеком, который имеет определенную натуру, неизменную природу. В учебниках это называется призванием. Если с улыбкой вспомнить школу, даже октябрьский период, то и тогда у меня проявлялся определенный социальный темперамент.

Что касается ваших обобщений насчет политиков, то, на мой взгляд, они основаны на ложном постулате — будто вся наша политика не профессиональная, а ролевая.

— Так и есть.

— Неверно. Поймите: в прежнем обществе не было профессиональных политиков, оно, по определению, в них не нуждалось. Или, если выражаться корректнее, политика носила кулуарный, функциональный характер. Профессионалами были отнюдь не те, кто получал публичные должности. Все определял аппарат, он же обслуживал прежний тип власти. Именно поэтому 1989 год обозначил совершенно новые задачи и сформировал новые представления о политике — как о профессиональном деле. Естественно, возник и новый тип личности, призванный это дело

воплощать. Прежде всего за счет собственной активности. Я убежден, что наше поколение является первым в России, которое осваивает политическую деятельность как профессиональную. Параллельно мы создаем базовые структуры — в них этот профессионализм может обрести содержательность.

— Совершенно непонятно, на чем тогда основан ваш имидж — «интриган в кулуарах»?

— «Дьяволизация» Бурбулиса — это явная удача оппозиции. Они действительно сумели сформировать образ властного манипулятора. Но я знаю политическую цену таким нападкам. Ведь оппоненты прекрасно понимают, чем я занимаюсь и как. Почему я никогда не стеснялся говорить: моя позиция — радикальное реформаторство? Потому что всегда мог разъяснить, в чем смысл этого радикализма.

— В чем же?

— Исчерпана советская коммунистическая система управления обществом, и референдум это блестяще подтвердил. Мои усилия направлены на то, чтобы объяснить и практически реализовать такие преобразования в России, в результате которых сложится новый общественный строй. Меня упрекают в жесткости позиции? Но она естественна в условиях столь же жесткой политической борьбы. Поймите, агонизирующая тоталитарная система — не абстракция, а все еще действующий механизм жизни общества. Этот механизм породил конкретный тип людей, «переделав» их гораздо труднее, чем общественный строй.

Мало кто задумывался, что большинство советских граждан вынуждены были быть прекрасными актерами. Мы с детского сада осваивали целый ряд актерских ролей и неосознанно были вовлечены в массовый театр. И вдруг, когда появилась возможность свободно мыслить и действовать, оказалось — люди-то по-прежнему нуждаются в театрализации собственной жизни. Их вычеркнули из представления, не предложив взамен никакой компенсации привычному состоянию. И каждый начинает изобретать свои формы компенсации. Одни, например, увлекаются предпринимательством, другие, к сожалению, попадают в «игровой» мир, связанный с нарушением законов. Все это оживление преступного мира и разрастание коррумпированной среды происходит не только из-за того, что многие лишь таким образом способны решить материальные проблемы. Отнюдь. Это идеальная криминальная игровая среда, потребность в которой была вырабо-

тана с детства.

— Вы постоянно упоминаете о каком-то новом общественном строе. У вас есть четкое представление, каким он должен быть? Я подразумеваю не только политическую, но и экономическую, социальную концепцию.

— Очень соблазнительно, особенно для людей, «...книжки читавши и диссертации писавши...», всерьез отвечать на ваш вопрос. Дескать, я так серьезно и системно представляю нашу жизнь, что способен вмиг описать будущее российского общества и всего государства в придачу. Все, что я знаю и понимаю в связи с вашим вопросом, выражается в ряде некоторых базовых принципов. Я считаю, что мы несколько обреченно расстаемся с прежней системой. А серьезного анализа — как была организована эта структура, какой тип власти она породила — не делаем. Мы как бы явочно обретаем нечто новое, не зная, что же на самом деле имели прежде. Еще более пренебрежительно мы относимся к тому, что распад этой системы и переход к новой имеют свои закономерности. И отсутствие желания их выявлять, фиксировать тоже плачевно сказывается на практике реформаторства.

Мне понятен и скрытый смысл вашего вопроса — можно ли изображать из себя полезного, активного политического деятеля, если ты не в состоянии сформулировать, к чему сам стремишься, чего хочешь? Отвечаю — никакой головоломки тут нет. Речь идет об общественном устройстве, которое многократно описано даже в марксистских учебниках. Базовыми являются универсальные ценности, такие, как экономическая свобода, права человека, гражданина, защищенность собственника и собственности. Упреки в том, что реформаторы Ельцина соблазнились западной демократической моделью и начали механически копировать ее, тоже абсолютно несостоятельны. Нет такой модели! Существует огромная разница между американской, французской и любой другой демократией.

Уже были в России горе-преобразователи, которые убеждали себя и других, что у них-то есть точная модель будущего. И они насильно ее внедряли.

Мое кредо в обратном: изнурительное-детальное планирование будущего, тем более в условиях переходного периода — и есть самый настоящий, вреднейший большевизм. Задача тех, кто не стесняется именовать себя профессиональными политиками, заключается в умении слушать музыку жизни. Мы не выдумывали особых революционных планов, когда шли выборы 89-го года на

альтернативной основе. Мы ничего не изобретали, когда отказались от бесплодных преобразований тоталитарного центра и перешли на уровень республик. Мы не создавали искусственных условий для подписания Беловежских соглашений. Наконец, закономерной была ситуация, когда Ельцин 10 декабря признал: исчерпаны все возможности преобразований в рамках унаследованной политической системы.

— **Когда вы говорите: «Мы, мы, мы...», то имеете в виду себя?**

— И сознательную часть общества, и группу коллег-единомышленников. Хотя в трактовке конкретных проблем у нас возникают допустимые разногласия.

— **Извините, Геннадий Эдуардович, но никак не могу согласиться с вашим представлением о политиках, «слушающих музыку жизни», а потом сочиняющих именно ту симфонию, которую так жаждет услышать наш народ. По-моему, люди пляшут под ту дудку, которая играет громче остальных.**

— Простите и вы меня, но уж очень традиционно трактуете мои рассуждения. Расскажу вам притчу — возможно, язык иносказаний окажется более доходчивым. В Шартре, предместье Парижа, много веков назад строили собор. Путник, проходящий мимо и не знающий, что происходит, увидел, как таскают тачки с камнями. Он спросил первого строителя: «Слушай, что ты тут делаешь?» Тот ответил: «Не видишь, камни перевозят». Тогда путник обратился ко второму строителю. «Я зарабатываю на жизнь себе и своей семье» — таков был ответ. Спросил третьего, пятого, седьмого и каждый раз выслушивал разные ответы. Наконец, десятый работник сказал: «Ты что, не видишь?! Я строю Шартрский собор — памятник культуры, который будет стоять века на радость мне, моим детям, моему народу».

Каждый из нас в любое время жизни таскает свою тачку, то есть выбирает конкретное дело, профессию, материально обеспечивая себя и свою семью, но при этом создает нечто большее, что называется вечным вкладом в историю народа, страны... И наше реформаторство заключается как раз в том, чтобы понимать жизнь в более широком, философском объеме, а не только утилитарно. Именно этот философский смысл я называю «музыкой жизни».

— **А президент России когда-нибудь вникал в подобные рассуждения?**

— Появление Ельцина в российской истории — объективная необходимость. Он талантливый политик, незаурядная личность. И во многом со-

ответствует тому типу задач, которые вынужден был решать. В то же время присущие ему, как и любому человеку, слабости могут быть либо компенсированы, либо могут приобрести негативный характер. С одной стороны, никто из нас не должен забывать об идеалах, откладывая их воплощение в жизнь как бы на потом, а с другой — нельзя пренебрегать решением прозаических задач — накормить, обуть, заплатить, распределить...

Почему правительство Силаева никогда бы не приступило к реформам? Потому что членам его кабинета даже не приходило в голову вслушиваться в какую-то там музыку экономической жизни — отсутствовал слуховой аппарат. И тогда была придумана совершенно парадоксальная форма — президент возглавил несуществующее правительство только для того, чтобы под конкретную политическую волю собрать компетентную среду. И только так удалось пробить, наконец, бетонную стену ведомств, монополий и т.д... И Гайдар был настолько же предопределен временем...

— **Нестабильность в политике всегда приводит к частой смене первых лиц государства. Это, как вы говорите, — объективная необходимость. Пройдет совсем немного времени, и появятся в руководстве новые Ельцины, Черномырдины, Хасбулатовы... А вы что же, и при них будете профессиональным политиком?**

— Не знаю... Пока есть «режим вынужденности» заниматься данным делом. Но думаю, сегодня это для меня «самая философская» задача. Позволю себе еще одно откровение. Я аб-

солютно убежден и готов доказать, что профессиональная политика является высшим видом творческой деятельности. Хотя бы потому, что требует сочетания самых разнообразных видов творчества. И тогда все ваши подозрения преодолеваются. Да, политический мир — особый. Но в него толкает не только желание обладать властью, а и потребность в определенной форме творчества.

— **Увы, придется признать очередную банальность моих представлений. Мне казалось, что политика — дело примитивное, занятие для людей с комплексами, но властных. А вот насчет высшего вида творчества, по крайней мере для вас, не задумывались.**

— Что же вы так сомневаетесь насчет меня?!

— **По-моему, вы рассуждаете о политиках исторического масштаба, а в реальной жизни их трудно разглядеть.**

— Если серьезно — то мои теоретические рассуждения о политиках вовсе не означают, что я сам идеально соответствую рисуемому образу.

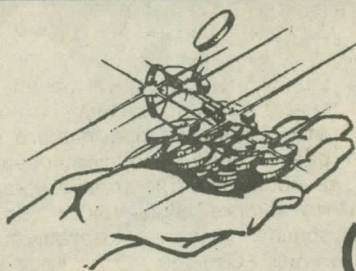
Меня часто журналисты спрашивают: «Как же вы раньше преподавали марксизм, если теперь разрушаете коммунистическую систему?» И я отвечаю: «Нет ни одного студента, аспиранта, слушателя или другого человека, когда-либо общавшегося со мной, который мог бы упрекнуть меня во вранье, непоследовательности, сказать, что нынче я изловчился или подстроился».

Елена ЭРИКСЕН

СОЛИДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДАСТ

НАЛИЧНЫЕ ДОЛЛАРЫ ЗА БЕЗНАЛИЧНЫЕ РУБЛИ

ПО БИРЖЕВОМУ КУРСУ ПЛЮС 10%.

(095) 111-31-57

«МЕМУАРЩИК», ИЗМЕНИВШИЙ МИР

«Полковник ГРУ: Исповедь на руинах империи» — такие письма в редакцию приходят не каждый день. Полковники вообще исповедуются нечасто, тем более военной разведки! Желание немедленно позвонить автору послания было несколько охлаждено фразой, согласно которой информация предлагалась «как товар за высокую цену». Фигурировала цифра 300 тысяч рублей.

И вот полковник в редакции. Жестом фокусника из жилетного кармана извлекается... орден Красного Знамени, а из обширного досье — вырезка «Газеты бесплатных объявлений»:

«Осколок от самолета РБ-66, сбитого в воздушном пространстве ГДР 19 марта 1964 года, к нему орден Боевого Красного Знамени (с книжкой), два знака почетного члена Общества ГДР—СССР (с грамотой), информацию о событиях, продаю...»

Наш гость — Виталий Григорьевич Иванников. До 1968 года — летчик-истребитель, потом — офицер Главного разведывательного управления Генштаба. По его словам, с 1987 года в отставке, полковник.

Фото Э. Кудрявского

— В Германии судят пограничников ГДР по обвинению в убийствах невооруженных людей. Но никто не вспоминает нас, пилотов советских ВВС, сбивавших там же, в ГДР, невооруженные самолеты! Мы расстреливали их с задней полусферы, не на войне — в мирное время...

Начало 60-х годов было бурным. Но 1964-й вроде бы ничем особенным, кроме низвержения Никиты Хрущева, не отличился. Обычный мирный год «холодной войны». Но над расколотаой Германией гремели выстрелы — шла большая «воздушная охота», советские асы барражировали в небе ГДР, поджидая свои жертвы.

До января 1964 года поведение красноречивых «соколов» в чужом небе было относительно корректным — лишь изредка нарушителей принуждали к посадке, в том числе и при помощи предупредительного огня. Но не сбивали.

— После Карибского кризиса отношение к «потенциальному воздушному противнику» резко изменилось. Нас, пилотов, стали ориентировать исключительно на применение оружия. Нашей задачей стало не предотвращение инцидентов в воздухе, а их провоцирование. Мы были нацелены именно на уничтожение самолетов западных стран, намеренно или случайно вышедших за рамки «коридора». Нарушителями и, следовательно, нашими мишенями считались все военные, военно-транспортные и гражданские самолеты — различий не делалось.

28 января 1964 года «охотники за самолетами» из состава советской 16-й воздушной армии подкараулили, атаковали и сбили в районе Альтенбурга учебно-тренировочный самолет Т-39. Летчики погибли.

— 10 марта ничем не отличалось от предыдущего дня. Такое же серое и туманное утро. Вместе с моим напарником я заступил на дневное дежурство. Наш 35-й истребительный авиаполк 16-й воздушной армии дислоцировался на аэродроме Цербст в центральной части ГДР. К войскам ПВО он отношения не имел — это была обычная часть фронтовой авиации многоцелевого назначения. Специфики действий авиачастей войск ПВО мы не знали.

Дежурная пара истребителей МИГ-19 находилась в готовности № 2. Вооружение, обычное для истребителей фронтовой авиации: пушки, управляемые реактивные снаряды —

НУРСы. Из-за промышленных дымов видимость не превышала 800 метров. В 16.50 мы получили команду: первая готовность. Затем скомандовали запуск, приказали вырливать и уже на вырливании — немедленный взлет на форсаже. Приказ — перехватить и уничтожить одиночную цель. Ее мы обнаружили быстро — на фоне неба силуэт самолета-разведчика РБ-66 вырисовывался четко, за ним тянулся инверсионный след. Самолет летел на высоте около 9 тысяч метров на восток.

Приказа принудить нарушителя к посадке мы не имели. Уничтожить и все! Поэтому без предупредительного огня перешли в атаку и открыли огонь на поражение всеми бортовыми пушками и ракетами. При просмотре проявленной позже фотопленки стало ясно, что дистанция открытия огня не превышала 150 метров. В общем, я просто поймал силуэт американского самолета в визир прицела и нажал гашетку. Пытаясь сорвать атаку, РБ-66 снизил скорость до минимально допустимой. Но залп двух пушек и особенно тридцати двух неуправляемых 70-миллиметровых ракет оказался настолько мощным и эффективным, что американский самолет буквально вдребезги разнесло в воздухе. Летчики, к счастью, сумели катапультироваться — я наблюдал, как три парашюта опускаются на территорию Гарделегенского полигона. Уйти им, конечно же, не удалось — до границы с Западной Германией было около 30 километров.

Мой самолет уцелел чудом — осколки корпуса взорвавшегося РБ-66 изрешетили стабилизатор, заделали фонарь кабины. На земле техники извлекли осколок и из пилона подвесного бака — его-то я сейчас и демонстрирую вам.

Позже узнал, что нарушитель был атакован еще одним МИГом-19 из другой части, взлетевшим с аэродрома Витшток. Никто из нас не знал, что в воздух поднято несколько атакующих одну и ту же цель машин, никакой координации действий между нашими авиачастями не было. Мы вполне могли вцепиться друг другу. Удивительно, что этого не случилось.

— Какова судьба пилотов РБ-66?

— Они были переданы американской стороне. Повезло. Ведь практически все, кого мы сбивали на Балтике или Севере, сгинули. Их поглотили либо волны, либо сибирские лагеря.

— Почему вы считаете, что этот инцидент был спровоцирован нашей стороной? Для чего это было нужно?

— Смее утверждать, что именно мой залп 10 марта 1964 года кардинально изменил судьбы Европы! Именно так, кстати говоря, оценил

мои действия и командующий Группы советских войск в Германии маршал И.Якубовский во время обеда по случаю награждения летчиков 4 апреля 1964 года в Альтес-лагере. США фактически признали суверенитет ГДР именно после воздушных боев в ее небе, затем последовала целая волна признаний ГДР. Команда об уничтожении была отдана маршалом Якубовским без согласования со столицей. Лишь позже об этом доложили министру обороны маршалу Малиновскому. Получается, что военачальник не самого высшего ранга своей волей изменил геополитическое лицо Европы и едва не втянул нас в конфликт. Точно так же действовало советское командование и на Кубе в разгар Карибского кризиса, отдав приказ уничтожить американский самолет-разведчик.

— Но чем конкретно можно доказать преднамеренную сдвиганность этого инцидента, за который вы удостоились ордена Красного Знамени?

— На 10 марта пришелся завершающий этап крупномасштабных маневров наших войск в центральной части ГДР. Учениями лично руководил министр обороны СССР Р.Малиновский. Замысел учения предусматривал действия ударной наступательной группировки «восточных» против активной обороны «западных». В состав ударных сил вошли танковые и общевойсковые соединения, авиационные части, силы обеспечения, десантно-переправочные средства. Более того, были реально задействованы органы управления военного времени, штабы, командные пункты. Конец учений планировался прямо на границе с ФРГ окружением и разгромом «западных» с форсированием Эльбы.

Провокационность подобных «учений» очевидна. Под видом таких маневров элементарно просто было сосредоточить мощную наступательную группировку, способную в считанные дни разгромить силы НАТО в Германии и выйти к Ла-Маншу! Поэтому любое ответственное командование просто обязано было нацелить все виды разведки на вскрытие замысла противостоящего командования и принять ответные защитные меры. Американское командование сознательно засылает среди белого дня одиночный самолет-разведчик в район учений, в район, где его ожидают истребители-перехватчики. Состав экипажа американского самолета на первый взгляд вызывает недоумение: командир — американец, двое других летчиков — немец и голландец. Никогда ранее не было подобных смешанных экипажей. Похоже, что экипаж отобрал из добровольцев, отдающих себе отчет в том,

что они идут на верную смерть...

— Идут на смерть, чтобы вскрыть реальные планы, чтобы понять, война или просто учения?

— Возможно. Но действия американской стороны были вполне адекватны сложившейся обстановке. Кстати, когда наши самолеты случайно залетали на территорию ФРГ, теряя ориентацию во время сложных погодных условий, то их не сбивали. Все делалось исключительно цивилизованно.

В 1955 году между СССР и ГДР был подписан договор, согласно которому охрана и контроль всех границ Восточной Германии становились делом самих восточных немцев. На практике же воздушное пространство ГДР контролировала лишь 16-я воздушная армия. А ведь давно уже существовали истребительные части ВВС ГДР, способные решать задачи ПВО. Я лично убедился, что и подготовка немецких летчиков была не хуже нашей, и техническая оснащенность — тоже.

...Но тогда нашего собеседника такие «высокие материи» мало интересовали — его наградили орденом Красного Знамени. А через четыре года Виталий Григорьевич был взят на работу в военную разведку. И именно там, в ГРУ, уверовал в то, что его бортовой залп на несколько десятилетий определил судьбу планеты. Почему бы и нет? Мы же знаем о залпе «Авроры»!

Вполне естественно, что наш собеседник «прозрел», выйдя в отставку. И стал ходить по инстанциям, требуя немедленно опубликовать его мемуары. Министерству обороны, как союзному, так и российскому, было недосуг. Полковник ГРУ слал грозные депеши Ельцину и Хасбулатову, основное место в которых занимали энергичные выражения в адрес не понавшей героя воздушных схваток прессы.

Когда наш гость уже уходил, сложив обратно в портфель весь набор «реликвий», я рискнул задать ему давно вертевшийся на языке вопрос:

— Вы и в самом деле продали бы орден Красного Знамени, если бы на объявление откликнулись и нашелся бы покупатель?

Замявшись, отставной полковник задумчиво посмотрел в сторону:

— Ну, там видно будет, подумать надо...

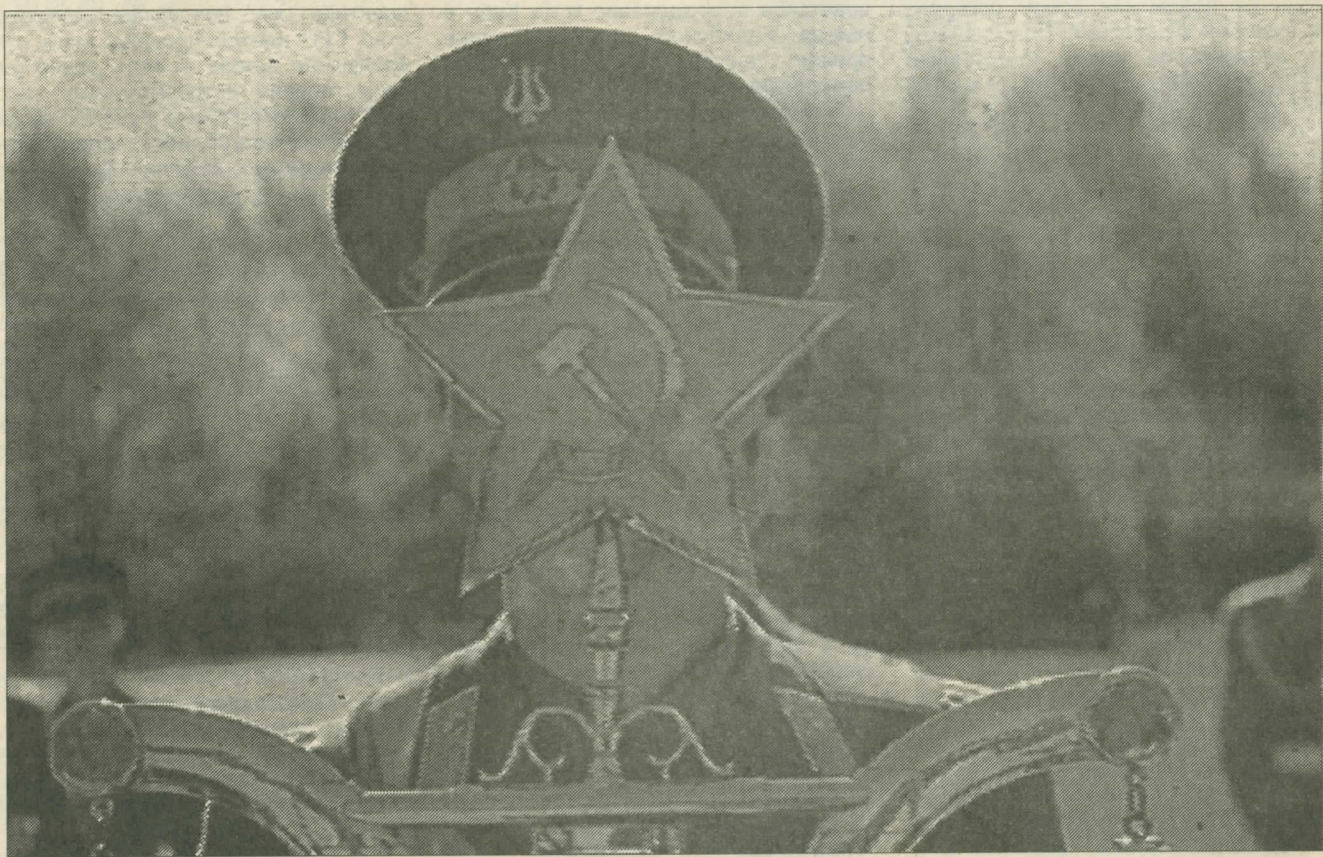
В ГРУ подтвердили, что полковник Иванников работал у них до 1991 года (хотя сам он почему-то говорит, что до 1987-го) и что он бывший пилот, получивший орден за уничтожение американского самолета.

Владимир ВОРОНОВ

Человеческая память избирательна. К счастью. Люди склонны идеализировать свое прошлое. Ведь именно там, в прошлом — во-первых — как молоды мы были! а во-вторых, — если все было так плохо, зачем вообще жили?

Сегодня отовсюду несутся ностальгические вздохи: как же хорошо жилось раньше! Мы позабыли серую повседневность прошлых лет, унылые многочасовые очереди у пустых магазинов, потоки однообразной бесцветной информации, выливающиеся на нас со страниц газет и экранов телевизоров, чернушные анекдоты о жизни управляющих нами покойников... Нам кажется, что мы жили хорошо.

1984-й. Год пограничный, предзавершающий. Именно тогда, в определенном смысле, кончилось прошлое, уступило место настоящему. На следующий год умрет Черненко, к власти придет Горбачев и... покатилось, понеслось. В 1984 году в Советский Союз приезжает один из величайших американских писателей, имя которого вписывается в один ряд с Фолкнером, Апдайком, автор таких известных романов, как «Нагие и мертвые», «Песнь палача». Норман Мейлер видит страну, по величию сопоставимую с его родиной. Видит ее взглядом критическим, но доброжелательным. В его путевых заметках, которые мы публикуем с некоторыми сокращениями, вновь встает наше прошлое. Давайте же и мы вспомним, каким оно было.

Норман МЕЙЛЕР

СССР
— ГОД ПРЕДЗАВЕРШАЮЩИЙ

...В Соединенных Штатах даже с незнакомыми принято обращаться как с друзьями. Наш первый импульс — ответить «да». Мы счастливы, когда сразу же после знакомства можем обращаться к человеку просто по имени. Первая реакция русских — ответить «нет». Вторая — к счастью — выслушать вас. Если же русский проникнется к вам доверием, то моментально начинает обращаться с вами как с членами семьи. Однако семья может быть ему неприятна, а сам он — в плохом настроении. Обращаясь с незнакомцем по-семейному, русский может и пожурить его. Американца подобное отношение ошеломляет. Казалось бы, нет в мире существ более несхожих, чем русский и негр из Америки. Однако в них есть одно общее фундаментальное качество: и тот и другой, признав вас «своим», сразу переходят на доверительно-шутливый фамиллярный тон. Однажды я ужинал в Ленинграде со своим русским другом. Вдруг ко мне подошла дама средних лет в очках и сказала по-русски (мне мой друг перевел): «Что ты все жуешь? Морда треснет. Пойдем лучше потанцуем». Мы пошли. Двигалась она очень скованно и напряженно, но после двух танцев мы достигли кое-каких успехов. Дама рассеянно улыбнулась и удалилась. Эта страна в высшей степени управляема. Чувствуется, что каждый ее гражданин подвержен тяжелейшим психическим перегрузкам. «Сверху» идет гораздо больше указаний, чем может выдержать человеческий мозг. Может быть, поэтому большинство русских двигаются скованно, как новичок на лыжах, мозг которого пытается скоординировать несколько различных движений.

Когда гуляешь по Москве, невольно задаешься вопросом: «Это действительно тот Советский Союз, который мы себе представляли? А быть может, наши представления загнали нас в ловушку?» Сорок лет мы читали статьи о России, а теперь поняли, что она не совсем такая, какой мы ожидали ее увидеть. Но и не совсем другая. Между нашими представлениями и действительностью — огромный вопросительный знак.

Начну с вещей, наиболее доступных для понимания. В Ленинграде, в гостинице «Ленинград» — современном многоэтажном отеле, похожем на «Хюлидей инн» где-нибудь в Оклахоме, — завтрак подается по системе самообслуживания. Каша, сосиски, яичница, булочка, чай. В отелях этой категории, принадлежащих «Интуристу», на еду уходит долларов 10 в день. Поэтому, садясь за стол, чувствуешь себя весьма экономным человеком.

Однако поесть одному никогда не удастся. Мэтр сажает тебя за стол с абсолютно незнакомыми людьми. Советская логика, видимо, такова, что одинокие едоки пачкают много скатертей. К тому же, им слишком тоскливо. Так как пожилым супругам определено не о чем поговорить, то к ним надо посадить одиночку. И хотя, на мой взгляд, от этого делается еще тоскливее, скатерти действительно остаются чистыми. Наша американская логика — я один, хочу есть в одиночестве и даже готов заплатить за дополнительную скатерть — не доходит до ушей, которые не умеют слышать. Это страна, где все более или менее подлаживаются подо всех. Если гостиничные полотенца и простыни царапают тебе кожу — неважно. Все, что необходимо для всех, всем стоит дешево. Хлеб — практически бесплатный. Билет в метро — меньше семи центов. Медицина — бесплатная. Конечно, если ты хочешь попасть на прием к известному, популярному врачу, нужно иметь с ним общих знакомых или преподнести подарок. Или то и другое вместе. Параллельно с дешевой «открытой» экономикой существует целая сеть экономики «вторичной», где царят коррупция, личные связи, взятки и дружеские взаимоотношения.

Тем не менее почти все жители Советского Союза живут по законам «открытой» экономики. Но лишь до некоторой степени.

Даже те, кто по советским стандартам живут хорошо, живут скромно. Знаменитые дачи, куда удаляются на выходные советские руководители, — не более чем деревянные домики, каких много в штате Мейн. Руководители русского государства — Черненко и его предшественники Андропов и Брежнев — жили в обычных московских домах. Они похожи на жилые дома на Эстер Паркуэй в Бруклине или Гран Конкурс в Бронксе. Поговаривают, что у руководителя государства двойные, роскошно обставленные апартаменты, однако сна-

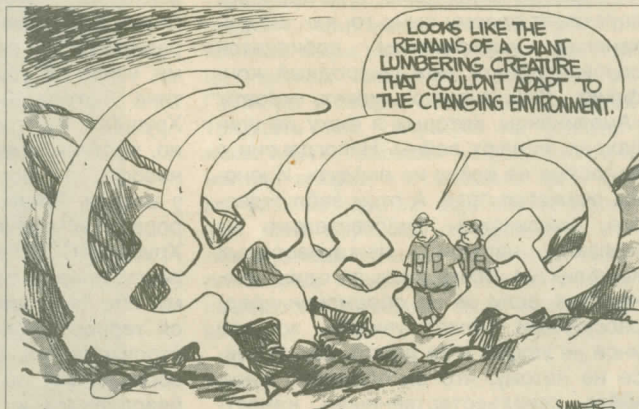
ружи здание обладает всеми основными признаками советского равенства. В глаза не бросаются черты, свойственные богатству. Повсюду виден лишь один класс — средний. Где бы я ни побывал, я не видел ни богатых кварталов, ни трущоб.

Однако при более тесном знакомстве можно отыскать здесь и иные миры. У руководителя завода есть хороший автомобиль. Если уровень достаточно высок, то есть и шофер, оплачиваемый государством. Его семья имеет доступ в специальные магазины, где продаются роскошные товары и хорошая еда. Жены этих людей не стоят ежедневно часами в очередях, экономя массу времени. И хотя я знал об этом еще до поездки, мне было интересно наблюдать, как ревностно соблюдаются в тайне любые нарушения в системе равноправия. Социальное ханжество — не привлекать внимания к тому, что имеешь, — можно сравнить с ханжеством сексуальным, характерным для маленьких баптистских городов на юго-востоке Америки. Субботними вечерами юная парочка может заниматься поиском острых ощущений на заднем сиденье автомобиля, однако, если по воскресеньям они же аккуратно посещают церковь, хорошая репутация обеспечена. То же самое происходит и в Советском Союзе. Видимость скромной жизни должна быть соблюдена.

Есть вещи, противоречащие нашим представлениям... Так много говорилось о низкой эффективности, недостатках, трудностях жизни в Советском Союзе, что вы ожидаете увидеть гигантского, но смертельно раненного динозавра. Однако при встрече вы замечаете, что динозавр этот еще вполне жизнеспособен. Проезжая возделанные поля между Вильнюсом и Каунасом, вполне можно вообразить себя где-нибудь в штате Айова. Кругом полно сел и современных поселений с многоэтажными жилыми домами, такими же белыми, прямоугольными, дешевыми и уродливыми,

— Похоже на останки
гигантского
ящера, который
не смог
приспособиться к
изменениям.

Карикатура из
журнала «Ньюсуик»

как в Соединенных Штатах или любой другой стране мира. На высокой скорости проносятся грузовики. Каждые 20—30 миль башни телевизионных ретрансляторов упираются в небо. Прекрасная земля так же изрыта уродливыми оспинами, как и в Америке. У некоторых самых современных заводов такие же фасады без окон, какие парализуют чувства американца, проезжающего по нашим дорогам. В Соединенных Штатах современная архитектура так же бесчеловечна и подавляюща, как и в России. К сожалению, мы меньше заслуживаем прощения. Но забудем об Америке и России. Чувства человеческие подвергаются оскорблению повсюду — от Калкутты до Ванкувера.

Однако я уклоняюсь от основной темы. Для американца самое главное — уяснить, до какой степени Советский Союз является полицейским государством. Когда я вернулся, мне чаще всего задавали именно этот вопрос. Но как можно измерить эту степень?

На семинаре журналистов, две недели спустя после моего возвращения, мы пришли к выводу: единожды избрав некий аргумент, мы до конца придерживаемся только его. Решив, что Советский Союз — это сила зла, охваченная идеей войны и подавления всего человечества, мы именно таким его и воспринимаем. Проблема иностранного журналиста состоит в том, что его квартира начинена скрытыми микрофонами, он вращается в замкнутом кружке своих коллег, каждый его шаг — под пристальным наблюдением. Естественно, при этом невозможно избежать ощущения, что ты живешь в полицейском государстве.

Но попробуем взглянуть на проблему с другой стороны. Предположим, что сын какого-нибудь высокопоставленного советского чиновника отправляется в Нью-Йорк. Его отец, воспитанный на ледящих душу советских историях об Америке и знаток американских спецслужб, уверенный, что они повсюду устанавливают скрытые микрофоны, в деталях рассказывает своему сыну то, как американский империализм собирается спровоцировать международный конфликт. Сын, однако, может сказать: «Американцы, которых я вижу на улицах, не желают войны. Никогда они с радостью на войну не пойдут». И юноша окажется прав. А отец заблуждается. Американцы действительно не желают никаких международных конфликтов. Всего лишь за один день человек, если он не обременен предрассудками, может увидеть то, что иной не увидит и за десять лет. И вовсе не потому, что он обладает какими-то сверхъестественными качествами.

Просто предрассудки не застилают ему глаза.

Однако и в Советском Союзе и в Соединенных Штатах есть мощные силы, поддерживающие подобные предрассудки. Многие власть имущие потеряли бы эту власть, если бы люди в СССР и США усомнились в том, как плохи одни и другие.

Когда меня все же спрашивают: «До какой степени СССР полицейское государство?», я отвечаю: «Гораздо меньше, чем я ожидал». «И за тобой не следили?» — «Нет». — «И ты мог пойти куда захочешь?» — «Да». И я рассказываю им, как однажды гулял по пустынному парку в 10 часов вечера. Там на скамейке сидела молодая пара с ребенком в коляске.

Ах, эти московские лица, укутанные от последних порывов зимнего ветра! Вы гуляли когда-нибудь по бедным кварталам Чикаго, где почти все жители украинцы или поляки? Всюду тебя окружают усталые, измученные работой лица. На них отражаются сомнения, тревога, беспокойство о семье, страх перед жизнью. Такие же лица я встретил и здесь. Поколения, готовые умереть ради того, чтобы их дети жили хоть чуть лучше. Это впечатляет. Становится грустно от созерцания лиц, изъеденных жизнью, с морщинами, прочерченными историей. Так как люди одного возраста пережили одни и те же исторические катаклизмы, то практически у всех одинаковое выражение лица. Да, жизнь хорошо отделала их своей дубинкой. Они напоминают старого боксера, который не выдержит больше ни одного удара.

Все это заставляет думать о том, какова была жизнь в России в последние 70 лет. Первая мировая война, революция, гражданская война, сталинская коллективизация, вторая мировая война, снова сталинские лагеря. Когда к власти пришел Хрущев, он рассказал народу СССР о том, что Сталин был не легендой, а монстром. Ужас был так же велик, как если бы американцу сказали, что Дуайт Эйзенхауэр — убийца детей. Психологически русские так никогда и не оправались. Мы ведь тоже стали другими, узнав об убийствах Дж. Ф. К., Мартина Лютера Кинга и Боба Кеннеди. Хрущева быстро убрали. Естественно, вестник, принесший такую плохую новость, не мог долго продержаться у власти. После 50 лет убийств, террора и исторических потрясений при Хрущеве СССР стал двигаться к прогрессу, правда, застою и пассивному. Это был период, когда уменьшился террор, несколько выросли темпы строительства, с большим уклоном в вооружение и при относительном безразличии к товарам потребления

стала развиваться экономика, было достигнуто ядерное равновесие с Западом. Дух большевистской революции к тому моменту давным-давно улетучился. Огромная государственная машина еще функционировала, но в жилах иссякла кровь энтузиазма, а тело разъедал зловонный гнойник коррупции. СССР застыл между экономикой, ориентированной на войну и подстегиваемой террором, и бескрайним морем экономического благополучия, все глубже погрязая в болоте цинизма, взяток, подкупов, расточительности.

«Так, значит, это все же полицейское государство?»

«Да, но в меньшей степени, чем прежде».

Я вспомнил одного из диссидентов, с которым разговаривал в СССР.

— Двадцать лет назад спецслужбы врываются в дом по ночам, хватали людей, и никто больше о них ничего не слышал. Сегодня тебя арестовывают и судят. Потом отправляют в лагерь или на поселение, — рассказывал он мне.

— Арестов так же много, как и прежде?

— Нет. Из каждых двадцати человек, которых арестовывали раньше, теперь сажают одного. Остальных девятнадцать оставляют на свободе, чтобы они нервничали и боялись.

«Международная амнистия», весьма критически относящаяся к жизни в СССР, считает, что за последние пять лет в этой стране отправляли в тюрьмы около 2 тысяч диссидентов ежегодно.

Иногда, сидя за столом в каком-нибудь русском доме и разговаривая о политике, я замечал, что после слишком критического замечания в адрес властей наступает гробовая тишина. Кто-нибудь указывает пальцем в потолок, как бы говоря: «Они нас слушают».

Так как домов, где может происходить подобный разговор, множество, то совсем необязательно, что именно в данный момент именно эта компания прослушивается. Но указующий перст тянется к потолку. Скорее, даже не со страхом, а с суеверным уважением. Почти как в детстве: «Боженька слышит мои мысли».

Существует каноническая история,

которую диссиденты, возможно, рассказывают друг другу как своего рода талисман. У одной поэтессы, а надо сказать, что у русских к поэтам отношение особое — Пушкин для них все равно что Джордж Вашингтон или Элвис Пресли для нас, арестовали, обвинив в диссидентстве, близкого друга. Назовем его, скажем, Глабиков. По старой русской традиции, пользуясь правом поэта обращаться к царю, поэтесса написала письмо Андропову. Письмо заканчивалось словами: «Если вы не отпустите Глабикова, я даже не представляю, что я сделаю».

Прошло время, и ее вызвали в КГБ. Можно догадываться, какие лица она там увидела. Лица высших чиновников в России весьма характерны. Преобладают общие характерные черты: жесткие складки и бронированные глаза. В Соединенных Штатах такие лица бывают у профсоюзных лидеров, крестных отцов мафии, некоторых конгрессменов и... вы обратили внимание на лица некоторых советников, особо приближенных к президенту?

«Ну, — сказал офицер КГБ, обращаясь к поэтессе, — что вы имели в

виду, когда писали, что даже не представляете, что сделаете?» «Именно это я и имела в виду». — «Но что это значит?» «Говорю вам прямо и откровенно, я даже не представляю, что сделаю, если вы не освободите Глабикова», — сама удивляясь своей твердости и решительности, заявила поэтесса.

Как гласит легенда, Глабикова выпустили. Дай Бог, чтобы это было так.

Что ж, быть может, это и был самый сильный аргумент, дающий представление о той реальности, которая существует в этой стране. Я пытаюсь нарисовать здесь образ России, огромной и сложной, где очень трудно жить, жесткой, как наждак, иногда ужасной. Но, поверьте, живущие здесь люди не думают постоянно о том, что они — подневольные рабы гигантской тоталитарной машины, родящей зло. Наоборот, они живут, страдая и скрывая свои мысли и чувства, в постоянном поиске — как бы сделать эту жизнь терпимее и лучше. И даже, между прочим, играют в футбол, как я и вы.

Так вот, как я уже говорил, Россия — страна жесткая с любой точки зрения. Такая же колючая, как туалетная бумага в наших поездах. Поэтомвольте мне закончить эту статью столь же колючей мыслью. Прискорбно, но факт, что американские лидеры способны не только смириться с фашистскими режимами других стран, но и иметь с ними дела. Фашизм — это постыдная болезнь, которой заболевают богатые, когда капитализм дает сбой. Поэтому он вполне доступен пониманию наших лидеров. Коммунизм же приводит в ужас богатых американцев. Ведь это тирания бедных, возникающая, когда дает сбой общество в целом. Поэтому нас в Соединенных Штатах ужасно ненавидеть его. Мы живем с аргументом: СССР — сила зла. Сейчас мир стоит на грани самоуничтожения. Можем ли мы позволить себе эту ненависть? Мы уже забыли о нацистской Германии, о ее концентрационных лагерях, о миллионах жизней, уничтоженных нацистами. Но мы до сих пор не можем простить русским их ГУЛАГов и ведем себя так, будто за тридцать лет ситуация не улучшилась. Мы — великая нация. Сделаем же шаг вперед к осознанию того, что мы станем нацией еще более великой, если научимся относиться с великодушным пониманием к тому миру, в котором живем, миру, отмеченному кошмаром, который еще ждет нас впереди.

А НЫНЧЕ ИМ НУЖНА ОДНА «ПОБЕДА»...

Значит так: немцев обходим с флангов, голландцев тесним численным превосходством, англичане сдадутся за компанию. В мало кому известной войне на западном рынке одержана бескровная победа, по поводу которой более всего ликует противная — нерусская сторона. Усохни, Мюллер в исполнении Леонида Бронего! Плюнь на свои секретные бумажки и беги скорее в магазин модной одежды «Победа»! Ах, какие элегантные плащи, какие крутые куртки и самовлюбленные костюмы! Но где же лейбл далекой владимирской фабрики с громким названием, столь любимым компатриотами? Вместо скромного российского прямоугольника — до боли знакомые западные фирменные знаки. Усыновили незаконнорожденное дитя? Да нет, типичная история эпохи ваучеров, тендеров, СП и приватизации четырех типов. Швейная фабрика «Победа» перестала быть государственной и сразу разбогатела. На свежезакупленном импортном оборудовании швей-мастерицы прекратили портить ткань. * Западние партнеры сказали «гут», побежали за лекалами и материалами и наводнили магазины Западной Европы товаром, произведенным на берегах Клязьмы. Правда, «Победа» работает под звучными псевдонимами, весь товар вместе с обрезками тканей вывозится, а шить под копирку для русских модников запрещено, сообщает ИТАР—ТАСС.

Что ж, каждый проникает на рынок по-своему. Но преимущественно — с военно-полевой терминологией. Полмиллиона «Командирских» часов ежегодно собирается продавать знаменитая швейцарская фирма «Vn-Tradeing». Заключение с АО «Чистопольский часовой завод «Восток» договор о купле-продаже и получили эксклюзивное право украшать записывая покупателей во всем мире аппаратом времени, добавляя буквы «Vn». Тут уж ситуация наоборотная, объясняет «Постфактум». Швейцарско-российский альянс создан, чтобы одержать победу над западными производителями модной продукции, наводнившими фальшивыми «Командирскими» Европу, Америку и даже Японию.

Ох, рвемся на Запад! Ох,

держишься, старушка Европа! В Волинской области суверенной Украины идет «улиточная страда». Живыми и рогатыми символами медленного передвижения в пространстве набивают мешки и с этой тарой бегут в местное СП «Тройка». Перед пунктом приема — очередь, как к окошку, где принимают стеклотару. Один умелец сдал аж два центнера ползучего товара, получив за него 100 тысяч иноземных рублей. Но не лететь птице-тройке в соседнюю Польшу, не отдавать тамошним гурманам экзотического продукта! Не ожидали negociants такого взрыва народного энтузиазма и просчитались с наличием — не хватило. Да и местная прокуратура, проявив несвойственную ей расторопность, приостановила улиточный экспорт. Не обнаружил документ, удостоверяющих, что рожденные ползать могут лететь через границу. «Тройке» не дали «добро». Запад — дело тонкое, утверждает РИА. И Верецагины здесь, оказывается, бдят.

Но что это мы все об экспорте. Пора и о ввозе. Фирма «Шведская спичка» в августе отправит в Москву первый контейнер с простейшими устройствами для добытия огня. Или Блока не читали, или не боятся, что нынешние россияне, на горе всем буржуям, вздумают раздуть мировой пожар. А посему, сообщает РИА, ежемесячно реализуют на нашем огнеопасном рынке по два миллиона знаменитых зажигалок «Крикет».

А в Калмыкии, первом официальном полигоне для построения капитализма, импортируют классовых друзей. Бизнесмен-президент Кирсан Илюмжинов соблазнил очень известного французского делового человека с армянской фамилией. Ревнителей нравственности успокоим: Кристиан Петросян возглавит государственную корпорацию «Калмыцкая икра». Будет перерабатывать и реализовывать на мировом рынке деликатесную продукцию. А в республику, где чтят национальные корни Ильича, потекут валютные ручейки, а может, и реки.

Рубим окна в Европу и Азию. Начали по традиции с Петербурга, где положенный по нынешнему протоколу батюшка благословил начало строительства первого в

России негосударственного торгового порта. Эстафету града Петрова начали быстро передавать друг другу. Молочные братья не замедлили объявиться в Балтийске, Совгавани и на действующей и бывшей базах ВМФ, что радует. Теперь на каждую суверенизацию и последующий отъем портов есть ответный ход морским конем.

Будет, кстати, и на чем плавать. Бутылку шампанского разбили о борт морского теплохода «Сандал». Не ищите генеалогических корней с нехорошим глаголом «засандалить». Волны Онеги вспенило судно, названное в честь одного из самых красивых озер Карелии и построенное российско-германским СП «Онега-Арминиус-Шпильдер». Опять никуда от великого реформатора России не денешься. Во-первых, верфь строят в Петрозаводске, который появился на карте с подачи императора, во-вторых, немцев позвали составить компанию, а в-третьих, работают быстро: верфь еще строится, а сухогруз уже со стапелей спустили.

Американцы же решили вторгнуться на территорию России с другой акватории и построить во Владивостоке совместный с Россиянами рынок. Собираются торговать рыбой и морепродуктами по ценам в несколько раз ниже государственных. Как будет осуществлен немислимый для наших времен демпинг, агентство «Постфактум» умалчивает. Но намерение приятное...

Как-то в среднезастойное время шли мы на байдарках по Западной Двине и местным озерам. В одном из популярных сельпо вяло толкалась очередь за каменными пряниками и бычками в томате. С грустью думая о непостоянной нагрузке, которая ляжет на челюсти, мы пытались заговорить зубы продавщице. Но как только мы посетовали на скудость ассортимента, она обиделась за державу и сказала, что их Псковская область торгует с Францией. Выяснилось: любителям земноводных отправляют из здешних мест шпорцевых лягушек, а заодно раков и живицу — смолу, которой плачут местные сосны. Вопрос о том, что губерния получает взамен, продавщица сочла провокационным. Наверное, за шпионов приняла. Было же время — вспомнить страшное...

Александр АГОПОВ

УВАЖАЕМЫЕ МОСКОВСКИЕ ЧИТАТЕЛИ «СТОЛИЦЫ»

Продолжается
подписка на наш
журнал.

Если вы имеете
возможность
приезжать за нашим
журналом в редакции,
мы подпишем вас по
льготной цене до
конца года:
130 рублей (один
месяц).

Подписку можно
оформить в редакции
по адресу:
ул. Петровка, д. 22
(вход с Рахмановского
перулка), комн.
№ 410.

Справки по
телефону:
928-27-69.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Очаровательные высоко-
породные щенки шелти (ми-
ни-колли).

Тел. 928-42-79.

Жалюзи солнцезащитные
импортные на заказ, с уста-
новкой.

Тел. 177-40-92.

Меняю 5-комнатную квар-
тиру у метро «Савеловская»
на разъезд.

Квартира имеет изолиро-
ванные комнаты площадью
10, 17, 22, 21 и 12 кв. м, кухня
9 кв. м, телефон, паркетные
полы, газовую колонку и раз-
дельный санузел, располо-
жена на 5-м этаже
7-этажного кирпичного дома.

НАДО: 3-комнатная квар-
тира площадью от 54 кв. мет-
ров у метро и 1-комнатная от
15 кв. метров в любом районе.
Тел. 251-16-50.

Продаю швейную ножную
машину «Зингер», перину пу-
ховую, два садовых участка
под Клином (6 соток), книги
(собр. соч., отд. издания)

Тел. 492-12-57 (после 19
часов).

Московский международный кинофестиваль (МКФ) относится, как вспомнили вдруг его организаторы, к престижной категории «А», которая, помимо МКФ, включает в себя кинофестивали в Каннах, Монреале, Торонто, Берлине, Лондоне и так далее — до Токио. С уверенностью можно сказать: нынешний — восемнадцатый по счету — фестиваль был проведен исключительно для того, чтобы из этой категории не вылететь. А к тому были все основания. В то время как «Кинотавр», превратившийся в полугосударственное предприятие, всячески процветает, его московский собрат влечит нищенское существование...

Газетные статьи, предвещавшие открытие фестиваля, били тревогу: МКФ на грани гибели. «Пресс-центр фестиваля тоже ищет спонсора». Причем такого, «который не будет требовать писать в фестивальных отчетах, что фильмы сняты про него».

Как ни странно, такие бескорыстные саввы морозовы нашлись: средства на обеспечение пресс-центра фестиваля за несколько дней до открытия выделило товарищество «Мост» (10 млн. рублей) и Cat Software Ltd (оплата издания пресс-релиза, обеспечение оргтехникой). Также в «спасении» приняли участие объединение «Союзконтракт» (высококачественные продукты питания и напитки) и страховая компания «Славия — Скип». Государство же в лице Кинокомитета России, возглавляемого лучшим другом кинематографистов Арменом Медведовым, выделило 300 млн. рублей «за счет средств, отпущенных на другие государственные программы», как ехидно уточняет газета «Коммерсантъ-дейли».

Наивно было бы полагать, что фи-

ДОРОГО ЯИЧКО,

ИЛИ
Подайте миллион нищему фестивалю

нансовые передраги никак не отразятся на «духовной стороне». Они отразились, да так, что это «духовное» многим зрителям окажется не по карману. Билеты в Киноцентр на просмотр «избранных» фильмов МКФ стоят 300 рублей (на дневные сеансы) и семьсот — на вечерние. В Центральном Доме литераторов, которому удалось заполучить пять не самых плохих лент, один билет стоит 500 рублей. Положим, для фильмов Анджия Вайды и Вима Вендерса это не слишком дорого, тем более что фестиваль — единственная возможность посмотреть их легальным путем, но кто пойдет за такие деньги на фильмы малоизвестных исландских и норвежских режиссеров?..

Кинокритикам тоже преподнесли сюрприз. Если раньше аккредитация для прессы выдавалась бесплатно, то

теперь она стоит пятьдесят тысяч рублей для российских журналистов и сто долларов (ох уж эта наша тяга к «зеленым») для зарубежных. Не хило, как выражается наша «серебряная» молодежь.

А все отчего? От излишней доверчивости, проявленной дирекцией кинофестиваля по отношению к «варягам». «Бойтесь варягов, дары приносящих» — перефраз старой истины сегодня, как никогда, к месту. Совместное российско-болгарское предприятие «Ринко-Варяг» соблазнило фестиваль «западным» размахом обещаний. Обозначившись в многочисленных изданиях в качестве «генерального спонсора» и чуть ли не единственного организатора кинематографического действия, с истинно христианским смирением принял Черновы венцы «спасителя утопающих», фирма «Варяг», как заядлый кутила в портовом кабаке, в последний момент не смогла «оплатить счета»... Именно этим поступком «Варягов» и были спровоцированы слухи о «московском кинопокойнике». Слава Богу, что не перевелись еще меценаты на Руси — в последний момент деньги объявились.

Фестиваль из категории «А» не вылетел. Пока. Ведь сказав «А», нетрудно перейти к «Б».

Р.С. Уже во время открытия фестиваля стало известно, что премьер Черномырдин взял под свое правительственное крыло «проведение одного из авторитетнейших кинематографических форумов мира». Дорого, как говорится, яичко...

Эдуард ДОРОЖКИН

Фото Э. Кудрявицкого

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ПОСМОТРЕЛ НА ЧАСЫ — ГОНИ ДЕНЬГИ

Два миллиона рублей дополнительной прибыли внес в кассу АО «Петродворцовый часовой завод» музей этого предприятия. Уникальность собрания экспонатов навела специалистов заводского бюро рекламы и маркетинга на гениальную мысль: надо использовать музей в коммерческих целях. Петербургская туристическая фирма «Интервекс» подписала с часовщиками договор и включила в программу посещения Петергофа осмотр раритетов музея. Здесь знакомят гостей с обширной коллекцией, рассказывают о более чем 270-летней истории предприятия, начавшейся еще с петергофской гранильной фабрики. После экскурсии можно приобрести часы «Ракета» в заводском магазине, сообщает ИТАР—ТАСС.

ВАМ — САМОЛЕТ, НАМ — ЗДОРОВЫЕ ЗУБЫ

Полный набор современного оборудования для зубопротезного кабинета получили из Германии летчики Курского авиапредприятия. Нет, это не гуманитарная помощь, а естественный в наше время бартер. Немцам из города-побратима Шпайера позарез понадобилась для коллекции самолетов наша «Аннушка». Сказано — сделано. Крылатый реликт, знакомый всем по старым кинолентам, отбыл в Германию. А оттуда привезли такое оборудование, что курские пилоты стали неотразимы и соблазняют местных красавиц голливудскими улыбками.

ДЕЛЬТАПЛАНЫ С СЕЛЬСКИМ УКЛОНОМ

Подумавешь, подорожал авиационный бензин, а химобработку полей — хоть тресни — проводить надо! Фермерское хозяйство «Дубовское» на Ставрополье не стало писать писем в столицу или устраивать сидячие забастовки. Оно организовало первый в крае отряд пилотов-дельтапланеристов. Пилоты летают над своими и колхозными полями и сеют разумное, доброе, вечное. Вредителям и сорнякам это не нравится, а минеральные удобрения и ядохимикаты, распыляемые с низких высот, на которых самолет летать не может, попадают куда нужно, а не на территории близлежащих деревень. Дельтапланерный отряд получил уже заказы от сопредельных регионов, включая Кубань и Дон.

ПОПЛЕВЕТ ЯРМАРКА НА БАРЖАХ

1 августа из Твери выйдет караван из 10 барж с продукцией фирм, пожелавших принять участие в плавучей ярмарке-выставке «Дни хозяйства». Само-то торжище пройдет в городе на Волге в конце июля. Далее Международный фонд поддержки экономических реформ в России предлагает фирмам, которым не стыдно за свою продукцию, поплыть до Астрахани — с тем, чтобы по пути останавливаться и рекламировать свои товары. Желающих — и продавцов и покупателей, судя по опыту, найдется немало. В следующем же году фонд заманулся на аналогичное путешествие, но уже по маршруту Афанасия Никитина — от Твери до Индии, сообщает РИА.

Не хотим в подполье!

В 19-м номере «Столицы» мы напечатали статью Владимира Косенко, в которой автор утверждал, что «грабительски несправедный» валютный курс рубля искусственно складывается на Московской межбанковской валютной бирже. Сегодня мы публикуем ответ дирекции ММВБ на статью В.Косенко.

В последнее время на страницах многих российских изданий весьма часто появляются статьи, посвященные различным аспектам развития валютного рынка в России. И это неудивительно, ведь обменный курс рубля, складывающийся на внутреннем валютном рынке, оказывает значительное влияние на состояние российской экономики и является одним из важнейших индикаторов, чутко реагирующим практически на все изменения общеэкономической ситуации в стране. Однако наряду с глубокими и серьезными исследованиями появляются и статьи, в которых весьма сложные проблемы формирования рыночного курса рубля трактуются более чем поверхностно, и к их числу, к сожалению, полностью относится статья В.Косенко.

1. Автор считает, что обменный курс рубля, складывающийся на валютном рынке, искусственно занижен и просто «ненормален», обосновывая этот вывод тем, что курс не отражает паритета покупательной способности (ППС) рубля и основных валют международных расчетов, в первую очередь — доллара и немецкой марки. Однако автор не учитывает, что, во-первых, обменный курс любой конвертируемой валюты (то есть той валюты, которая может с теми или иными ограничениями обмениваться на иностранную) весьма часто отклоняется от ППС под влиянием спро-

са и предложения на данную валюту. В связи с тем, что в нашей стране законодательно установлен и уже фактически сложился режим обратимости национальной валюты (рубля), российские банки, предприятия и частные лица могут свободно продавать и покупать иностранную валюту за рубли. Следовательно, обменный курс рубля определяется различными факторами, влияющими на соотношение спроса и предложения.

Во-вторых, расчет ППС можно проводить совершенно разными способами. Можно, например, сравнивать мировые и внутренние цены на товары российского экспорта и импорта или все потребительские и оптовые цены. Естественно, что в зависимости от выбранной методики и используемой товарной «корзины» будут значительно различаться полученные расчетным путем соотношения между рублем и иностранными валютами. Причем в некоторых случаях ППС будет достаточно близок к рыночному курсу рубля.

В-третьих, основной причиной действительно существующего и зачастую весьма значительного разрыва между курсом рубля и ППС является именно переходный характер нашей экономики, которая только делает первые шаги на пути создания современной рыночной хозяйственной системы. Значительная часть национального богатства (например, земля, недвижимость) пока не вовлечена в рыночный оборот, не может быть предметом купли-продажи и, следовательно, не влияет на покупательную способность российской валюты. Переходный характер нашей экономики особенно ярко проявляется в сфере цен на энергоносители. До самого последнего времени государство весьма жестко регулировало эти цены, фактически устанавливая их максимальный уровень. Либерализация цен на энергоносители имеет целью не повышение их до какого-либо уровня, а достижение равновесия между платежеспособным спросом и предложением. Это в свою очередь будет способствовать росту

рублевых издержек предприятий и ограничению предложения рублевых средств на других рынках, в том числе и на валютном. Инфляция издержек, о которой говорит автор, как раз во многом и порождена регулярно повторяющимся централизованным повышением, а не освобождением цен на энергоносители. Иными словами, укрепление рубля возможно только в случае, если ценообразование на большинство товаров будет рыночным, а не государственным. Конечно, это возможно только в условиях жесткой кредитно-денежной политики — когда количество денег увеличивается ежемесячно не на 16—20%, как сейчас, а гораздо более медленными темпами.

Наконец, автор забывает, что любой процесс надо все-таки рассматривать в динамике. Согласно расчетам Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей, в период с декабря 1991 года по настоящее время реальный курс рубля (то есть его обменный курс за вычетом темпов инфляции) постоянно повышается. Если в течение 1992 года цены в России выросли примерно в 22 раза, то биржевой курс рубля понизился только в 2,4 раза. Следовательно, покупательная способность доллара на российском рынке падает. Таким образом идет постепенное сближение рыночного курса рубля и ППС: за период с декабря 1991 года по февраль 1993 года разрыв между ними сократился почти в 6 раз.

2. Инфляция не может быть вызвана понижением курса рубля. Повышение цен и падение курса рубля имеют одну причину — увеличение количества денег, что в свою очередь вызвано необходимостью субсидировать неэффективные отрасли и отдельные производства, различные социальные программы.

3. Можно полностью согласиться с автором, когда он говорит, что высококлассные машины и оборудование продаются за границу по цене металлолома. Однако, наверное, не очень хорошо и когда импортное оборудование продается внутри страны по ценам,

рассчитанным на основе официального курса или различных дотационных коэффициентов (а поэтому бросовым), и потом просто гниет, как это было в недавнем прошлом. Плохо, когда дорожают лекарства или растут бюджетные дотации на централизованный импорт, но стоит задуматься — нужны ли нам такие большие дотации и, главное, на какие товары они должны распространяться.

4. Действующая система валютного регулирования предусматривает, что 30% (а не 50, как пишет автор) валютной выручки российских экспортных товаров продается Центральному банку РФ по рыночному курсу, а 20% продается уполномоченным банкам.

5. Автор забывает, что централизованный импорт дотируется прежде всего за счет импортных и экспортных пошлин, а не за счет дополнительной эмиссии. Более того, с 1993 года действует система централизованного экспорта (он установлен на уровне 19 млрд. долларов в этом году), поэтому государству нет никакого смысла выходить на внутренний валютный рынок.

6. Сколько бы процентов экспортной выручки ни проходило через валютные биржи, общий объем валютнообменных операций будет значительно выше, так как валютные средства покупаются и продаются и самими банками на межбанковском рынке, и самими клиентами «внутри» одного банка.

7. Действительно, объем продажи валюты зависит от «доброй воли» продавцов (что, впрочем, естественно для любого рынка) и от той цены, которую может предложить покупатель. Кроме того, со временем «объем» этой «доброй воли» почему-то меняется: если в начале года на ММВБ продавали ежемесячно около 20 млн. долларов, то к концу 1992 года уже более 400 млн., а в 1993 году — более 500 млн. долларов в месяц. Поэтому вряд ли можно говорить о каком-то произвольном ограничении предложения.

8. Автор полагает, что никакой импорт в Россию по существующему курсу не может быть эффективным и что все товары приобретаются по бартеру. Однако

он не учитывает, что, во-первых, закупленные импортные товары не могут быть немедленно ввезены и реализованы, то есть существует значительный временной разрыв между оплатой контракта и реализацией товаров. Поэтому сейчас мы видим на полках магазинов импортные товары, закупленные по «старому» курсу, что, в свою очередь, определяет и их цену. Во-вторых, бартерные операции не так дешевы, как думает автор. Дело в том, что при бартере применяются повышенные ставки экспортных пошлин, а сам экспорт сырьевых, то есть наиболее эффективных, товаров находится под достаточно жестким государственным контролем. Конечно, на долю бартера приходится значительная часть российских внешне-торговых операций, однако эпоха тотальной бартеризации экономики уже позади.

9. Автор считает, что на рынке покупают валюту только дельцы наркомафии и мошенники. Выходит, клиенты всех крупнейших, многих средних и мелких российских банков, осуществляющих валютнообменные операции на всех сегментах валютного рынка (в том числе и на биржевом), являются преступниками, а российские банки, таким образом, являются их пособниками. Более того, те граждане, которые покупают валюту, по мысли автора, тоже дельцы теневой экономики. Вероятно, нет смысла обсуждать подобные абсурдные обвинения. Еще более абсурдно утверждение о том, что биржа или, точнее, биржа (Московская, Санкт-Петербургская и другие) являются лишь «крышей», так как биржа не осуществляет собственных операций и фактически только сводит банки-покупатели и банки-продавцы валюты. И нет, наверное, смысла напоминать, что существуют определенные правила приема в члены биржи, что валютный рынок контролируется Центральным банком России, что валютный контроль осуществляется различными государственными органами, что у банков может быть отозвана лицензия за нарушение банковского законода-

тельства, коль скоро автор считает, будто всем заправляет мафия, отмывающая деньги.

Конечно, существуют различные мошенничества в финансовой сфере, которые наносят ощутимый урон российской экономике и являются тормозом на пути рыночных реформ. Борьба с такого рода злоупотреблениями и преступлениями требует, с одной стороны, укрепления мер финансового и банковского контроля, а с другой — создания более привлекательного инвестиционного климата. Действительно, отставание технической базы межбанковских расчетов привело к появлению фальшивых банковских документов; искоренить это явление возможно только путем создания современных электронных систем межбанковских расчетов и клиринговых центров.

10. В торгах на ММВБ участвуют сейчас 92 уполномоченных (то есть имеющих лицензии, в которых они наделяются правом покупать и продавать иностранную валюту) банка, и трудно представить себе предварительный сговор всех этих совершенно различных по своему профилю, структуре, характеру собственности и положению в российской экономике финансовых институтов. Тем более по такому вопросу, как валютный курс. Более того, отсутствие достаточной степени доверия между банками сдерживает развитие межбанковского рынка, в том числе и валютного.

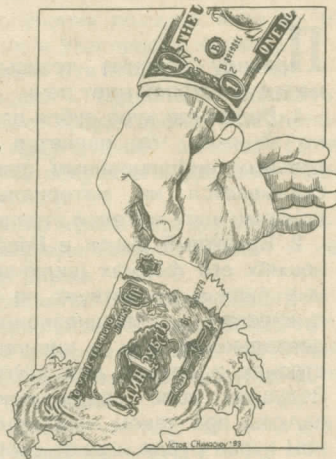
11. Вся логика автора статьи, видимо, направлена на обоснование «второго» «антилиберального» варианта валютного регулирования — по сути, введения государственной валютной, а следовательно, и внешне-торговой монополии, запрещения каких-либо операций по купле-продаже иностранной валюты. И, конечно, следует в этом случае «прикрыть» валютную биржу. Это так же логично, как действия больного, разбивающего градусник, если он показывает высокую температуру. Однако автор забывает, что при подобном подходе всю валюту будет распределять чиновник, а все валютно-обменные операции просто

уйдут в «тень». Игра же на разнице между официальным, формально отражающим ППС (оттого в действительности полностью нереальным) курсом рубля и его рыночным курсом по отношению к иностранным валютам будет приносить сверхприбыли как раз тем мошенникам, о которых пишет автор: купить валюту по официальному курсу будет практически невозможно.

Это, естественно, не означает, что существующее положение на валютном рынке можно считать удовлетворительным. Но для того, чтобы укрепить рубль, необходимо развивать, а не загонять в подполье валютный рынок. Надо, наконец, допустить на него нерезидентов (что тоже не является панацеей), надо развивать межбанковские валютные операции, региональные финансовые рынки, внедрять альтернативные валюте высокоэффективные активы (ценные бумаги, депозитные сертификаты, векселя), развивать срочный финансовый и валютный рынки и т.д.

В заключение хотелось бы пригласить автора посетить Московскую межбанковскую валютную биржу, что, видимо, он забыл сделать, прежде чем браться за статью о ней.

Дирекция ММВБ

Комментарии
В.Косенко
читайте на следующей
странице

Владимир КОСЕНКО

Валютная лапша на рублевые уши

Отрицательная реакция дирекции ММВБ на мою заметку вполне закономерна. Еще Маркс, говоря о деятелях католической церкви, заметил: они скорее простят нападки на девять из десяти символов их веры, чем на одну десятую часть их доходов.

Приведу главные тезисы из заметки, о которой идет речь.

1. Валютный курс рубля искусственно занижен, что является дополнительным инфляционным фактором и сказывается на материальном положении всех жителей страны.

2. Валютный рынок в России в нынешних его формах (включая валютные биржи) существует не для обслуживания внешнеэкономической деятельности, как в цивилизованных странах, а совсем для других целей. Ведущую роль среди покупателей валюты при таком ненормально низком курсе рубля играют скорее всего те, кому эти рубли достались неправедным путем.

3. Если мы ввели свободу валютного обмена, то должны обеспечить и полную конкуренцию продавцов и покупателей, в том числе допустить на внутренний рынок валюты иностранные банки и позволить им

открывать рублевые счета. Если же этого нет, то лучше вернуться к валютной монополии государства. Такая монополия успешно использовалась в качестве одной из антиинфляционных мер во многих странах, строящих рыночную экономику.

Какие же доводы «против» приводят господа биржевики? Первостепенное внимание они уделили механизму формирования валютного курса рубля. Я в своей заметке лишь констатировал тот всем очевидный факт, что валютный курс рубля не отражает

ни покупательной способности валют, ни реальной величины производимого в России национального богатства.

Мои оппоненты полагают, будто я не учитываю рыночного характера формирования валютного курса, игнорирую то обстоятельство, что он складывается под воздействием спроса и предложения и может отклоняться от паритета покупательной способности валют.

Как же, как же... Наслышаны о рыночном механизме формирования спроса и предложения...

Но почему, позвольте спросить, эти колебания в наших условиях происходят лишь по одну сторону от паритета покупательной способности рубля и доллара?

Поясню читателям: обменяв доллары на рубли по биржевому валютному курсу, в России можно купить парного поросенка всего за четыре доллара, в то время как в США он стоит минимум в 10 раз дороже.

Колебания валютного курса под воздействием спроса и предложения, о которых ведут речь мои оппоненты, на паритете покупательной способности отражаются следующим образом: вчерашний валютный курс позволял осуществить указанную покупку за 3 долл. 98 центов, а завтра на это потребуются затратить 4 долл. 3 цента.

Иными словами, эти колебания никак не влияют на факт существования заниженного в несколько раз валютного курса рубля. Исходная база, вокруг которой происходят колебания, не та — вот в чем дело.

Мои оппоненты утверждают: соот-

ношения между рублем и иностранными валютами по их покупательной способности будут существенно различаться в зависимости от выбранной товарной корзины и в некоторых случаях паритеты покупательной способности будут близки к рыночному курсу рубля.

Что касается покупательной способности национальных валют для определения уровня жизни населения, то существует понятие — «потребительская корзина», в нее входят хлеб, картофель, овощи, молоко, мясо, яйца и т.п., а не экзотический набор из «мерседесов» и платы за проживание в интуристовских гостиницах.

Следующий аргумент, оправдывающий заниженный курс рубля, — переходный характер нашей экономики, в том числе то обстоятельство, что земля и другая недвижимость не вовлечены в хозяйственный оборот. Но это же элементарная неправда. И жилье, и средства производства, и даже земля давно продаются и покупаются.

В отличие от моих оппонентов я не стану утверждать, будто они не учли то и забыли это. Просто их доводы извлечены из корзины целевого назначения под названием «лапша на уши».

Последствия либерализации цен на энергоносители — отдельная тема. Я не встречал ни одной публикации, где бы подвергались сомнению такие последствия этой меры, как новый виток инфляции и дальнейшее снижение валютного курса рубля.

У дирекции ММВБ — противоположное мнение.

Не стану опровергать доводы моих оппонентов. Пусть этот спор разрешит время.

Семнадцатого июня с.г. было объявлено об «отпуске» цен на нефть и нефтепродукты. Эта мера, как считает дирекция ММВБ, способна остановить инфляцию и стабилизировать валютный курс рубля.

Последние торги на ММВБ (по времени написания этих строк) зафиксировали валютный курс рубля, равный 1080 руб. за доллар.

Когда эти заметки увидят свет, последствия либерализации цен на энергоносители, возможно, уже проявятся. Станет ясно, кто был прав, а кто ошибался.

Мои оппоненты вводят новое определение: реальный курс рубля — это его валютный курс за вычетом темпов инфляции. С моей точки зрения, это нововведение — абсолютная абракадабра.

Для любого здравомыслящего человека реальным является курс, обеспечивающий фактическое, а не рас-

четно-аналитическое отношение обмена валют: на сколько реальных рублей в данный момент можно обменять реальный доллар и наоборот.

Дирекция ММВБ опровергает связь между снижением валютного курса рубля и инфляцией.

Замечу: нигде и никогда я не утверждал, что единственной или даже определяющей причиной инфляции является падение валютного курса рубля.

Действительно, корреляция между уровнем цен и количеством денег в обращении более тесная, нежели между валютным курсом и уровнем цен.

Однако зависимость между количеством денег в обращении и ростом цен — сложная, диалектическая, поскольку не только цены растут с увеличением денежной массы, но и денежная масса приспосабливается к росту цен. (Вспомним кризис, вызванный нехваткой наличности.)

Не подлежит также сомнению и связь между снижением валютного курса рубля и инфляцией. Механизм этой связи настолько очевиден, что не заметить его может только слепой.

Либерализация внешнеэкономической деятельности привела к естественной тенденции выравнивания мировых и внутренних цен на энергоносители.

При снижении валютного курса рубля должны расти и внутренние цены на энергоносители (иначе все сырье, несмотря на все запреты и ограничения, утечет «за бугор».)

А повышение цен на энергоносители приводит к росту и всех остальных цен. Что тут неясного?

Несмотря на упорное отрицание влияния валютного курса на инфляцию, мои оппоненты сами же ненароком проговариваются.

«...обменный курс рубля, складывающийся на внутреннем валютном рынке, оказывает значительное влияние на состояние российской экономики и является одним из важнейших индикаторов, чутко реагирующим практически на все изменения общеэкономической ситуации в стране».

Именно это я и доказывал в своей заметке, говоря о самостоятельном влиянии валютного курса на инфляцию, следовательно — на само состояние российской экономики.

Но валютный курс должен быть только индикатором положения дел в экономике (как в цивилизованных странах), а не влиять на само это состояние. И валютная биржа должна выполнять модифицированные в духе времени функции меняльной лавки — и только. У нас же она, формируя заниженный курс рубля, усугубляет

кризисное состояние народного хозяйства.

И если мои оппоненты сравнивают валютную биржу с градусником, — то это *очень* своеобразный градусник, использование которого лишь повышает и без того высокую температуру больного.

Дирекция биржи утверждает, что централизованный импорт дотируется прежде всего за счет импортных и экспортных пошлин, а не за счет дополнительной эмиссии.

Выходит, наличность, поступающая в банк в качестве импортных и экспортных пошлин, маркируется особым способом, чтобы ее использовать исключительно для дотаций централизованного импорта и, не дай Бог, для чего-то иного? А вот социальные программы, конечно, финансируются за счет дополнительной эмиссии и тоже же, наверное, наличностью с особыми знаками...

Абсурдность приведенного тезиса, думаю, ясна даже самим его авторам, однако же...

Уникальный довод придумали оппоненты, чтобы опровергнуть такое мое утверждение: любой импорт в Россию в настоящее время неэффективен, если использовать для закупки товаров валюту, обмененную по действующему ныне биржевому курсу.

По словам дирекции ММВБ, импортеры сейчас продают товары, которые были закуплены на валюту, обмененную по «старому» курсу.

Ах, господа, господа! Вы же сами утверждаете, что внутренние цены растут быстрее, чем падает валютный курс рубля.

А коли так (а это именно так), то «старый» курс был еще более не выгоден для импорта, нежели нынешний.

Я попытался представить себе сценарий поведения импортера, каким он вырисовывается согласно пункту 8 публикуемого ответа дирекции ММВБ.

Картина получилась такая. Импортер должен, истратив свой капитал, закупить за рубежом партию товара и ввезти ее в Россию. Затем ему необходимо, как минимум на полгода, власть в состоянии спячки или анабиоза, дожидаясь нужного повышения цен на внутреннем рынке, ибо весь импорт в этом случае может совершаться только в расчете на будущую инфляцию.

Спустя полгода он должен очнуться, продать свой товар, обменять рублевую выручку на валюту, закупить за рубежом новую партию товара и снова залечь в спячку.

Время, в течение которого он окончательно разорится, будет определяться величиной первоначального капитала и длительностью периода спячки.

Можно понять дирекцию ММВБ. Рассматриваемый вопрос для нее — центральный. Ведь если биржа не служит посредником внешнеэкономической деятельности (а она им не служит, поскольку искусственно занижает курс рубля, делая неэффективным любой внебартерный импорт), спрашивается: зачем такая биржа?

Если нечего сказать по существу, приходится выдумывать доводы курам на смех. Вместо того, чтобы опровергнуть на конкретном примере мое утверждение об отсутствии при действующем валютном курсе рубля такой товарной группы, импорт которой в Россию был бы ныне эффективен помимо бартера.

В заключение — несколько слов о клиентах валютной биржи.

С продавцами основной валюты международных расчетов все ясно — это уполномоченные банки наших экспортеров и ЦБ России.

То, что среди покупателей валюты нет места импортерам, — мы выяснили, и дирекция ММВБ опровергнуть это предположение не смогла.

Я задаю риторический вопрос: кому выгодно покупать доллары (и другие СКВ) за рубли, если покупатель оказывается в постоянном проигрыше, поскольку на 1080 руб. можно купить значительно больше, чем на 1 доллар.

В своей статье я перечислял возможных покупателей валюты, классифицируя их по источникам и способам получения доходов, а не по их отношению к Уголовному кодексу.

Преступны эти способы или нет — компетенция судебных органов. Кроме того, среди прочих предполагаемых покупателей валюты были названы и получатели даровых кредитов...

Так что не нужно передергивать, господа: еженедельник «Столица» — не валютная биржа.

Могу сказать, что после вашего ответа на мою заметку я еще больше утвердился в своем мнении о валютной бирже, о котором имел возможность заявить публично.

Жаль только, что нам так и не удалось до конца выяснить: кто же в России за рубли покупает доллары?

Космическая орбита «Альфы»

Специализированный инвестиционный фонд приватизации «Альфа Капитал» — среди ведущих в России. Его представительства открыты в 87 областных и районных центрах России. Уставной капитал достиг 30 миллиардов рублей. Миллион россиян уже доверили ему свои ваучеры, из которых более 500 тысяч фонд вложил в акции предприятий перспективных отраслей промышленности. «Альфа Капитал» и его акционеры являются сегодня собственниками 25 предприятий России. На вопросы нашего корреспондента отвечают президент «Альфа Капитал» Алексей Архипович ЛЕОНОВ и председатель Совета директоров фонда Андрей Николаевич КОСОГОВ.

— Перефразируя поэта: если фонды создаются, значит, это кому-то нужно. Так кому это нужно? Государству, владельцам ваучеров или...

А.К.: Даже если бы не было западного опыта создания подобных фондов, следовало бы их придумать самим. В конце прошлого года россияне получили ваучеры. И помните, сколько сразу возникло у людей вопросов: что же теперь делать? Чиновники ответить на них не могли и отфутболивали к нам, благо уже появились первые инвестиционные фонды. У нас обрывались телефоны, люди хотели разобраться, как принять верное решение. Поэтому в фонде сходятся интересы всех сторон, и в первую очередь — держателей ваучеров и приватизированных предприятий.

Если же говорить о серьезности наших намерений, достаточно взглянуть на список учредителей, это предприятия-лидеры консорциума «Альфа». Во-первых — «Альфа-Банк», холдинговая компания «Альфа-Эко», известная фирма по торговле недвижимостью «Альфа-Эстейт», а также австрийская банковская группа Райффайзен. Первоначально оплаченный уставной капитал составил 50 миллионов рублей. Кроме того, была обеспечена финансовая поддержка фонду и управляющей фондом фирме. Так что продажей ваучеров мы не занимаемся, в чем нас пытались упрекнуть руководители иных фондов, видя нашу широкую рекламную кампанию. Эти претензии необоснованны и, видимо, исходят от собственного неумения грамотно организовать дело.

— Половина успеха — как начать дело? С чего начали вы?

А.К.: С определения стратегии, ее стержня. Объяснять не надо, что экономика у нас в плачевном состоянии. Приватизация не дает предприятиям ни копейки. Ее суть — смена собственника. Раньше было — государство, теперь — частные лица. Но у большинства наших сог-

раждан нет денег, чтобы помочь предприятиям. Директорам выгоднее, чтобы их акционерами становились крупные инвестиционные фонды, компании, фирмы. Исходя из экономической ситуации в стране, мы строим нашу стратегию, которая опирается на реалии сегодняшнего дня. А они таковы — нужны деньги! На модернизацию, на экологию, на социальные программы... Наши российские банки, при нынешней инфляции, их не дадут. У государства денег нет, только печатный станок. Мы для решения этой задачи привлекаем западных инвесторов, сейчас ведем переговоры с представителями крупнейших фирм и инвестиционных банков Европы и Америки.

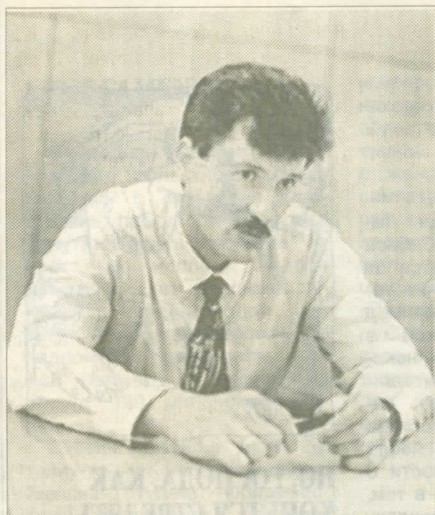
— Не боитесь ли вы, что вас начнут упрекать в пособничестве распродаже Отечества?

А.К.: Да, действительно, упрекать у нас принято. Особенно не разбираясь в сути вопроса. Если реально оценить ситуацию на большинстве приватизируемых предприятий, то станет ясно, что без участия западных партнеров в технологическом перевооружении производства, создании системы сбыта продукции, улучшении условий труда невозможен перспективный прорыв в нашей экономике. Понятие западного кредита для нашей страны уже стало привычным, но, поверьте, это не лучший способ привлечения капитала — хотя бы потому, что его, естественно, придется возвращать. Другое дело, если акционером российского предприятия станет достойная иносфирма. Тогда она уже будет привязана к России собственностью. И даже если контрольный пакет акций предприятия в конце концов будет у иностранного участника — трагедии не произойдет. Скорее всего, это будет предприятие с хорошими условиями труда и высокой зарплатой сотрудников — граждан России, экологически безопасное. Налоги оно будет платить в российскую казну, а прибыль, вероятнее всего, вкладывать в развитие бизнеса в России.

— Андрей Николаевич, вашему фонду не только бизнесом приходится заниматься, но и вести просветительскую работу с директорами.

А.К.: Верно, собрать ваучеры не самое главное. Важнее их правильно разместить. И тут начинается рутинная работа с директорами предприятий. Это люди 50—60 лет, старой закваски. Чисто психологически нам порой с некоторыми из них сложно находить взаимопонимание. Наша молодость выходит нам боком. И представить не могу, что бы мы делали без Алексея Архиповича, президента нашего фонда. На его плечах чрезвычайно ответственная работа, ему часто приходится участвовать в переговорах с директорами, от результата которых зависят дальнейшие взаимоотношения фонда, как акционера, и предприятия.

— Алексей Архипович, вы, человек известный в мире, стали президентом фонда

А.Н.Косогов

«Альфа Капитал». Не слишком ли рискуете? А вдруг, как в С.-Петербурге, соберут ваучеры и... до канадской границы. А вам укрыться негде.

А.Л.: Впервые я узнал об идее создания фонда от нашего общего с Андреем знакомого, он знает меня давно, работал с Сергеем Павловичем Королевым, а сейчас один из учредителей нашего фонда. Мы встретились, и он рассказал суть дела. До этого я наблюдал, как пожилые люди за бесценок продают свои ваучеры, не зная, что с ними делать. А тут реальная возможность помочь людям распорядиться их ценной бумагой с наибольшей выгодой для них. Долго не соглашался, пока не вник в структуру, не встретился со всеми людьми, стоящими теперь у руля фонда. И только оценив серьезность намерений и порядочность этих молодых людей — дал согласие.

— И вы уверены, что, несмотря на молодость, они решат наши сложные проблемы?

А.Л.: Молодость порой вводит в заблуждение их деловых партнеров. Вот я, имея высшее образование, ученую степень, к своему сожалению, лишь азы настоящей экономики знаю. Мне кажется теперь, что наше поколение специально не учили этому, чтобы не возникало лишних вопросов. Но ведь 2х2 и в социалистической, и в капиталистической экономике — 4. Вновь надо учиться! Вот слушаю ребят, совершенно другие представления, до тонкостей видят проблемы. Как станет работать фонд? Как ваучер сделает человека собственником и тот начнет получать прибыль?

— Полагаю, ответы на эти вопросы интересуют и наших читателей. И, кроме того, как человеку правильно сориентироваться среди множества фондов?

А.К.: Непростая задача для владельцев ваучеров. На мой взгляд, следует знать учредителей, обратить внимание на величину оплаченного уставного капитала, а

также на сумму окончательно заявленно-го уставного капитала. По нашим прогнозам, перспективу имеют те фонды, у которых он составит от 15 до 40 миллиардов рублей. С меньшим капиталом — не выдержат конкуренции, с большим — эффективность от инвестиций будет падать, так как среди приватизируемых предприятий лишь малая часть — высоко-рентабельные и перспективные. Следующий момент — куда фонд собирается вкладывать ваучеры? Почему-то люди считают нефть самым выгодным вложением своих средств. Не все так просто: действительно, выгодно приобрести в собственность нефтяные месторождения, но они по закону не подлежат приватизации. Мы считаем наиболее выгодные вложения в предприятия, выпускающие продукцию первой необходимости для человека. И на сегодня мы владеем более чем двумя десятками таких предприятий по всей России.

— Акционеров «Альфа Капитал» можно поздравить, они, благодаря вашему фонду, наконец-то обрели утерянное чувство хозяина. Но помимо этого любой хозяин желает получить материальную выгоду.

А.К.: Наша политика однозначна — получение максимальных дивидендов для акционеров. Но не обязательно — сразу! Если их нет на первоначальном этапе, это не значит, что они уходят на сторону. Они вкладываются в развитие предприятий и работают на увеличение последующей прибыли. Мы будем следить за сбалансированностью этого процесса и оберегать интересы наших акционеров, не откладывая выплату дивидендов на светлое будущее.

— Однако некоторые инвестиционные фонды уже сейчас грозят своим акционерам выплатить 200—300 процентов.

А.Л.: Как-то по телевидению диктор объявила, что такой-то фонд выплачивает акционерам за один ваучер крупные дивиденды. Мы оценили это как рекламный ход. Так оно и вышло, через пару недель тот же фонд предложил всем желающим стать его акционерами, присылать свои ваучеры по почте. Чудес ведь в экономике не бывает, тем более в рыночной, невозможно в короткое время получить прибыль для выплаты дивидендов.

А.К.: Кстати, существующее законодательство запрещает фондам гарантировать конкретные дивиденды и рост стоимости акций. Иначе начнется рекламная гонка: кто больше! Но ведь наступит время выполнять свои обещания и где-то брать деньги для выплаты нереальных процентов. Путь тут много, и ни одного праведного. А сегодняшние выплаты завышенных дивидендов в последующем могут привести к краху фонда.

— Андрей Николаевич, чтобы стать вашим акционером, обязательно надо приезжать в Москву?

А.К.: В январе, когда мы начинали свою

А.А.Леонов

работу, все приезжали в Москву. У главного офиса стояли очереди, люди записывались, толкались, ругались. Сейчас это уже история. У нас широкая дилерская сеть, охватывает областные и районные центры России, работает около 500 приемных пунктов, в день они принимают до 15—25 тысяч ваучеров от населения.

— Алексей Архипович, а свой ваучер вы куда вложили?

А.Л.: Мы с супругой ваучеры вложили в «Альфа Капитал». И дети, думаю, последуют нашему примеру. Недавно с космодрома Байконура, звонили, там ведь граждане России живут, хоть и территория Казахстана, говорят, что хотели бы ваучеры к нам сдать. Чуть ли не весь Звездный городок к нам собирается. Когда прихожу в подразделение, где работал, там просят рассказать, что и как в нашем фонде. Рассказываю, объясняю. Шучу — я от вас не убежу, вы найдете, весь аппарат тоже не убежит, а вот что правительство сделает?..

— А что, есть опасения на сей счет? Могут курс поменять?

А.Л.: Думаю, чтобы повернуть вспять, уже такой силы нет. Мы перевал прошли, миновали пик, где был баланс сил и могло качнуть в любую сторону.

А.К.: К тому же наши акционеры взамен погашенных своих ваучеров уже получили наши акции, а сам фонд владеет большой собственностью. И при повороте назад придется повторить путь семнадцатого года: национализация и конфискация собственности. А это уже гражданская война. С конца апреля процесс пошел безвозвратно. Никакие политические события, ни съезд, ни референдум не поколебали динамику прироста числа наших акционеров. Это видно на графике роста нашего капитала, линия которого поднимается круто вверх.

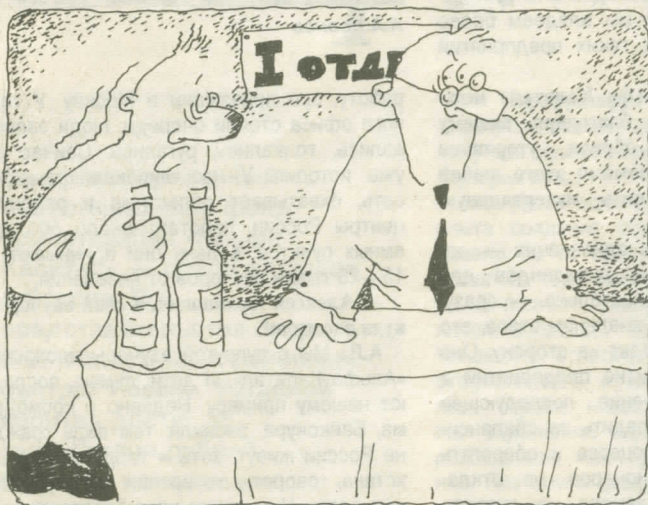
Валерий РАЗУБАЕВ

Фото Ю.Бритова

ОСОБИСТ МЕНЯЕТ КОЖУ

Кто это утверждает, что в КГБ-МБР ничего не изменилось?! Еще как изменилось, особенно в военной контрразведке — в особых отделах. Рыночная стихия захлестнула охотников за агентом 007, а они не только не захлебнулись, но сумели верным чекистским нюхом выбрать самое нужное направление.

Вот, например, майор Н., на-

чалник особого отдела элитного авиационного полка, дислоцированного в Подмоскowie (фамилия особиста и номер в/ч редакции известны). Что он делал раньше? Излюбленным его занятием было затащить к себе только что прилетевший из заграничной экипаж какого-нибудь транспортника и устроить допрос: кто с кем там пил и сколько выпил, кто с кем переспал (не забывая довести до сведения иных, что, пока они там ошастливливали, скажем, африканок, их жен тут тоже без ласки не оставляли)... После таких бесед члены экипажа высказывали из «особого» кабинета как ошпаренные и тщетно пытались выяснить: какая сука наступала, да еще и с такими пикантными подробностями?! В общем, престиж сей службы был необычайно высок и каждый пилот мечтал о том дне, когда с пролетающего над аэродромом боевого самолета прямо на особый

отдел ненароком свалится фугасная бомба.

Каково же было изумление пилотов полка, когда они в одно прекрасное воскресенье увидели своего особиста в винном магазине на улице Ленина (того же городка) за прилавком — майор госбезопасности торговал водкой! Нет, пилоты рано обрадовались — в понедельник они опять лицезрели ловца шпионов на боевом посту, в особом отделе. Но в следующее воскресенье начальник полковой контрразведки вновь был на ином по-

сту и вновь бойко торговал огненной водой с «чекистской наценкой». Теперь весь полк в недоумении осторожно совершает по выходным вылазки в этот магазинчик поглазеть на чудо, но брать водку у своего чекиста все же побаивается.

В гарнизоне на сей счет ходят самые разнообразные слухи и даже заключаются пари. Одни утверждают, что особист просто подрабатывает. Другие говорят, что это очередное задание Лубянки и майор скоро станет полковником, пойдет на повышение — будет торговать спиртным в посольском магазинчике какой-нибудь африканской страны. Третьи же уверены, что все гораздо банальнее — по профессиональной привычке чекист просто хочет все знать: кто, что и сколько пьет. А разве можно для этого найти лучшее место, чем винный на улице Ленина?

Г.Б.

«САХАРИЗАЦИЯ» СИБИРИ. НЕ САХАР...

Недавно «Сибирская газета» сообщила, что Сибирь уже ничем не отличается от Сахары. В подтверждение тезиса был приведен пример со станцией Ербинской в Хакасии. Как известно некоторым тонким ценителям политических изысков, Хакасия вышла из состава Красноярского края, после чего и начались трудности с водой на станции. Дело в том, что единственная водонапорная башня в поселке принадлежит Красноярской железной дороге, которая решила, что за «экспортируемое сырье» надо платить. С каждого двора берут ежемесячно по четыреста рублей, а с тех, кто держит скотину, — шестьсот пятьдесят. Льгот не предусмотрено никаких.

А совсем недавно «африканизировался» Барнаул: на три дня была отключена горячая и холодная вода. Поскольку о бедствии было сообщено заранее, люди в квартирах водой запаслись. А вот в государственных учреждениях типа больниц и столовых «водяной кризис» в сочетании с известным желанием найти причину, чтобы не работать, давал удивительные плоды. Например, в столовых первое и второе накладывали в одну тарелку — чтобы лишний раз посуду не мыть. В роддомах и больницах для новорожденных (каковые граждане обычно все свои проблемы решают прямо в пеленку) после «мокрых дел» пеленки просто сушили, а в случае более серьезном сразу выбрасывали. Был бы Барнаул в Африке, всю бы Сахару пеленками удобрили.

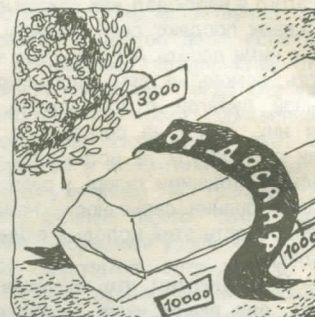
Сергей ТЕПЛЯКОВ

НО, ГОСПОДА, КАК ХОЧЕТСЯ СТРЕЛЯТЬ!

На Псковском участке российско-латышской границы задержан грузовой автомобиль с шестьюдесятью ящиками патронов. А сопровождал груз... председатель полицейского стрелкового клуба из латышского города Лиепая.

Анатолий ТИХАНОВ

...ТАМ ГРОБ СТОИТ

Альметьевские пенсионеры давно умоляли местную власть открыть в городе похоронное бюро. И вот наконец-то перестали быть дефицитом гробы. Их продают теперь в коммерческом магазине вместе с джинсами и конфетами. Торговая точка максимально приближена к потребителю — она располагается в доме, населенном преимущественно стариками. А еще рядом с магазином находится автошкола ДОСААФ. И вид гробов постоянно напоминает будущим водителям, как важно соблюдать правила дорожного движения.

Георгий КУЗНЕЦОВ

СЧЕТ ГАМБУРГУ

Очередная сессия Воронежского областного совета началась с сенсации: заместитель прокурора попросил депутатов дать согласие на арест их коллеги Андрея Ермизина. Есть весомые доказательства: молодой депутат и предприниматель по подложным документам сумел получить и пустить в оборот 130 миллионов рублей.

Сессия согласие дала, да толку-то... Как выяснилось, бывший студент юридического факультета местного

университета давным-давно находится за пределами и области, и государства. А точнее, в Германии. Ермизин с женой уже приобрел там симпатичный особняк, открыл собственную фирму. Последние сведения о нем сообщил заинтересованным лицам его друг, редактор газеты «Вечерний Воронеж». Эта газета, организованная в свое время на деньги г-на Ермизина, — единственное доброе воспоминание, оставшееся в городе о шустром депутате-предпринимателе.

Андрей КАЗАК

В «СПАЛЬНЕ» — ТОЛЬКО БАБУШКИ?

В Челябинске начала выходить новая газета «Спальня». От других местных изданий новинка отличается тем, что большинство печатающихся в ней фотографий и материалов имеет эротическую направленность. Своего рода «СПИД-ИНФО» областного масштаба. Что интересно, новую газету издаю две популярные челябинские журналистки предпенсионного возраста.

Виктор ЗОЛОТУХИН

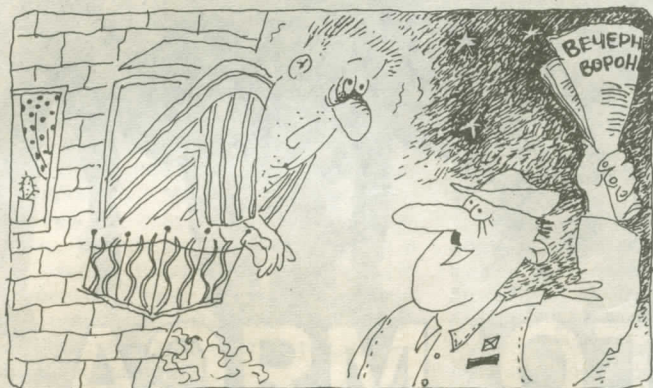
ТИМУР И ЕГО ПОМОЙКА

Предприимчивости нынешней молодежи можно только позавидовать. Так, в городе Сочи объявилась группа подростков-тимуровцев. Тимуровцы помогают взрослым избавиться от домашнего мусора. Подростки ходят по домам и предлагают хозяевам вынести ведро.

Такса — пятьдесят рублей. На отсутствие клиентов тимуровцы пока не жалуются.

Дмитрий ЕРМАКОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

А может, с этого и начинается война?

Погожим летним днем здание акционерного общества «РТВ-пресс» было захвачено милиционерами из телерадиокомпании «Останкино». Вооруженные дубинками и автоматами, они устроили охрану и на следующий день уже не пускали сотрудников «РТВ-пресс» в оккупированное здание. Внутри находились только четверо заложников, оставшихся с вечера.

Изгнанные журналисты организовали круглосуточное пикетирование. Под проливным дождем. Забыв дела домашние и прочие.

Вереница судебных процессов между «РТВ-пресс» и «Останкино» началась давно — с момента отстранения Егора Яковлева от руководства телерадиокомпанией и вверения ему изданий, учрежденных «Останкино».

Алексей МИТРОФАНОВ

ВОЙНА

На одном из многочисленных этапов распри арбитражный суд решил передать здание «РТВ-пресс» в руки телерадиокомпании. И вопреки законам, не дожидаясь рассмотрения кассационной жалобы, она насильно овладела помещением.

Случившееся никого не удивило. Я позвонил в отделы информации нескольких газет — их сообщение не заинтересовало. Прохожие просто не обращали внимания

на расположившихся лагерем РТВ-прессовцев. Еще лет пять назад такое происшествие вызвало бы массу шума, взволновало бы народ и половина москвичей пришла бы к зданию, а половина села бы у радиоприемников и слушала бы «вражьи голоса». Впрочем, нет — лет пять назад такое просто не было б возможно.

Значит, мы стали ближе к войне.

Слова «захватчики», «за-

ложники», «пикеты» сделались привычными и, больше того, надоели. На вечеринках подпившие брокеры хватаются друг перед другом оружием — заряжают и разряжают пистолеты; сосед к соседу ходит одолжить не спичек, а патронов. Газовый баллончик приравнивается к расческе и носовому платку.

Война приходит постепенно. Комендантский час — уже вводили, особое положение — тоже. И мы теперь готовы ко всему. И будем биться до последней капли крови. И даже не поймем с кем. И даже не заметим, что уж начали.

...И был еще один суд. «Останкино» его проиграло и спорное помещение освободило.

Но хотелось бы, чтоб был еще один закон. По которому руководителя «Останкино» могли бы судить, кроме всего прочего, за разжигание войны.

Николай ПОПОВ

ЗАГОТОВКА

ПУШЕЧНОГО МЯСА,

или Что такое «уклонист» и как с ним бороться?

Иду это я как-то по улице, жую себе «Сникерс», «Марс» или, там, «Баунти», пивком свеженьким-холодненьким запиваю: по сторонам гляжу. А из малюсенького окошка ближайшего здания вдруг ка-ак детина этакий полезет! Пыхтел-пыхтел, вылез на волю — и тикать!

Захожу я за угол того здания, гляжу — вывеска. Военкомат, значит. А-а, понятно, думаю. Старо как мир, думаю. Ну через туалет парень из армии сбежал, думаю, — эка невидаль! Так и в мое время люди бегали.

А потом думаю: разобраться надо бы. Может, рекомендации кой-какие дать. Например, военкомат, чтоб присобачили наконец решетки на оконца в туалетах.

С отсрочки в башке — с законом в руке

Эта глава — для любителей жить по Закону. Несмотря на обилие средств массовой информации, мало кто из призывников слышал, что с 1 марта вступил в силу закон «О воинской обязанности и военной службе» — вместо опостылевшего закона «О всеобщей воинской обязанности» образца 1967 года. А еще меньше знает, что в мае в него ВС внес столько поправок и изменений, что он стал почти как старый.

Это очень напоминает игру в кошки-мышки с Минобороны. Что же осталось? Поиграем?

Заделал двух детей — черт с тобой, такой любвеобильный папаша МО вообще не нужен. Если ты нашел дурочку, родившую тебе наследника, а потом отказавшуюся от него в твою пользу, — радости твоей не должно

быть предела, ведь это вечная отсрочка.

Но тебя все равно забирают, если даже ты остаешься у родителей единственным попечителем. Правда, надо еще доказать медикам, что папа нуждается в посторонней помощи. А мама может помочь тебе и по-другому — родив еще двух детей. При этом нужно, чтобы и папы не было!

Дети — цветы жизни твоей. Но и некоторые профессии — тоже. Интересный выход связан с сельской местностью. Если ты плюнул на городскую жизнь и стал, ну, скажем, сельским учителем или врачом — быть тебе свободным и счастливым, в меру, конечно, зарплаты. Для этого необходима лишь «корочка» о высшем образовании, так как халва с «учителем начальных классов» или «воспитателем детского сада» не проходит.

Завоевание I съезда народных депутатов СССР — отсрочка от призыва для студентов-дневников, разумеется, сохранится. (Как это легко говорится — «разумеется»! А помните, как за нее бились? Небось забыли уже...) Если же и это не подходит — смело записывайся в депутаты любого уровня. Срок их полномочий — пять лет, а там кто знает... Либо падишах умрет, либо ишак подохнет, либо сам Ходжа Насреддин Аллаха душу вручит.

Но все это полнейшая чушь по сравнению с новой возможностью, открывшейся только с марта этого года. Ну конечно — альтернативная служба!

Делается это так. Совершенно официально приходишь в родной военкомат, пишешь заявление, что, мол, из-за идейных разногласий с существующим антинародным оккупационным режимом клики Ельцина служить в его Вооруженных силах не желаешь, но готов пройти альтернативную службу. И... тебя оставляют в покое?

Как же, держи карман шире! Действительно, в новом законе четко зафиксировано право каждого россиянина на такую службу. Действительно, о порядке ее прохождения в том законе ничего не сказано. Но Верховный Совет с поразительной оперативностью уже успел приостановить действие этой статьи, так что — обломчик выходит.

Руслан Имраныч любезно «уточнил» и еще одну священную корову — статью об отсрочках для учащихся средних профессиональных учреждений. Учишься в колледже на менеджера? Изволь теперь проходить практику у полкового замполтыла, очень кстати. Ведь у частных учебных заведений нет государственной аккредитации, их программы отличаются от пэтэушной долбежки. А хочешь долбежку — армия подождет. Блеск!

Лучше быть богатым и больным, чем бедным и здоровым

Если тебе хочется более весомых гарантий, чем хлипкая неразбериха с законами, — отстегивай.

Автором этих строк было проведено мини-исследование в восьми районах Москвы, расположенных в разных концах города. Конечно, устойчивых расценок за право носить кирзачи только на рыбалке не существует. Но разница между районами невелика — перезваниваются они между собою, что ли?

За пятьдесят—семьдесят тысяч (в ценах апреля—мая) обычные советские врачи в обычной советской

больнице выдадут тебе справку о негодности к службе: язва желудка, шизофрения, зрение, щитовидка, легкие, прикус — что хочешь, на выбор. Для этого надо, правда, заключение военкоматовской медкомиссии о необходимости предварительного обследования в гражданской больнице перед призывом. По статистике Мосгорвоенкомата, каждый второй призывник имеет какое-либо физическое отклонение, так что за этим дело не станет — просто раздуешь свой недуг до внушительных размеров. На бумаге, разумеется.

Плох тот вариант тем, что такое же месячное обследование тебе придется проходить через каждые три—пять лет (а вдруг выздоровеешь?). Физически это превращается в какой-то вид рассрочки — легче заплатить всю сумму сразу. И не гражданским врачам, а прямо тем, кто принимает окончательное решение, — военкоматовцам. А то мало ли... Не почувствовав хруста твоих купюр в своих карманах, командиры вправе устроить тебе все новые обследования хотя каждые полгода — в разных больницах.

За 250—300 тысяч рублей прапорщик, работающий с документами, может изъять все твои бумажки из архива. Ты как бы растворился в небытии и для МО существовать перестанешь. По загсам и паспортным столам никаких проверок никем не проводится, во всяком случае, пока. Представляю, сколько неучтенного «товара» там бы обнаружили!

За такие же деньги тебе могут устроить «белый билет». Только советую все же посмотреть, что за «статью» те-

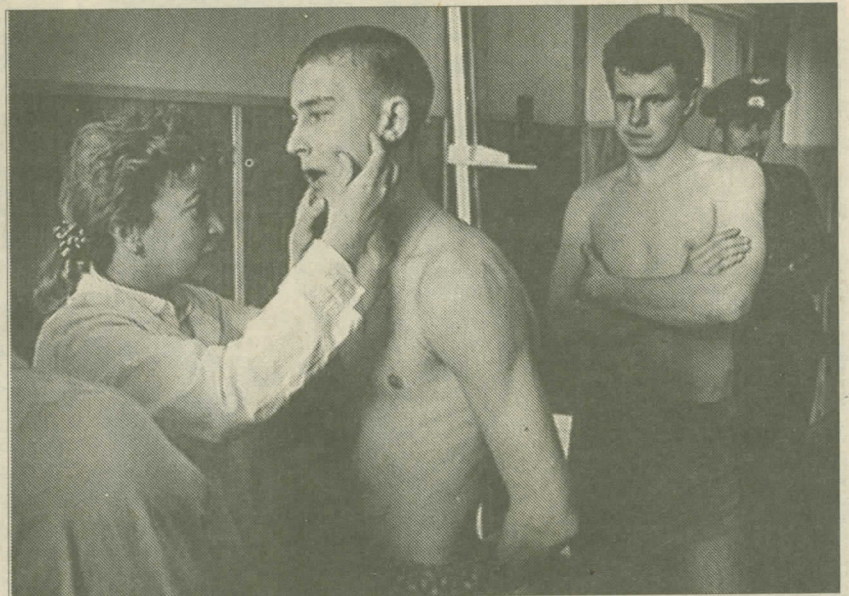
бе услужливо поставят военные. А то, кто знает, как жизнь повернется, — придешь на работу наниматься, а там скажут: так ты же шизанутый, братец кролик! Это ведь только Невзорову позволено вести телепередачи. А ты не Шурик, ты — другой, еще неведомый избранник.

Плох этот вариант тем, что придется привлекать к операции высокое начальство, вплоть до самого военкома. А ему, прежде чем иметь с тобой дело, нужно убедиться, что ты — не дурак и умеешь держать язык за зубами. За тебя должны замолвить ласковое словечко, а это далеко не всем под силу. И только после «рекомендации» тебе делают документ, что ты — дурак. Учти, что деньги обычно берет мелкая сошка, какой-нибудь писаришка-сверхсрочник. Чтoб ты ненароком никого не замарал из больших людей.

Интересная подробность: в последнее время взяточники тоже встали на рыночные рельсы и берут столько, сколько человек в состоянии заплатить. Многодетных матерей и отпрысков инженеров просьба в этом месте не вздрагивать в предвкушении «льгот», я имел в виду совсем другое. Указанные суммы действительны для людей среднего достатка (50—150 тыс. руб. в месяц). Сыночек бизнесмена так просто от РВК не отделается.

Деловые люди обычно платят не деньгами, а борзыми щенками: поездкой за границу, скромным автомобилем, захудалой квартиркой или еще чем.

Но самый простой способ для всех категорий — попросту подкупить кого-то из членов военкоматовской

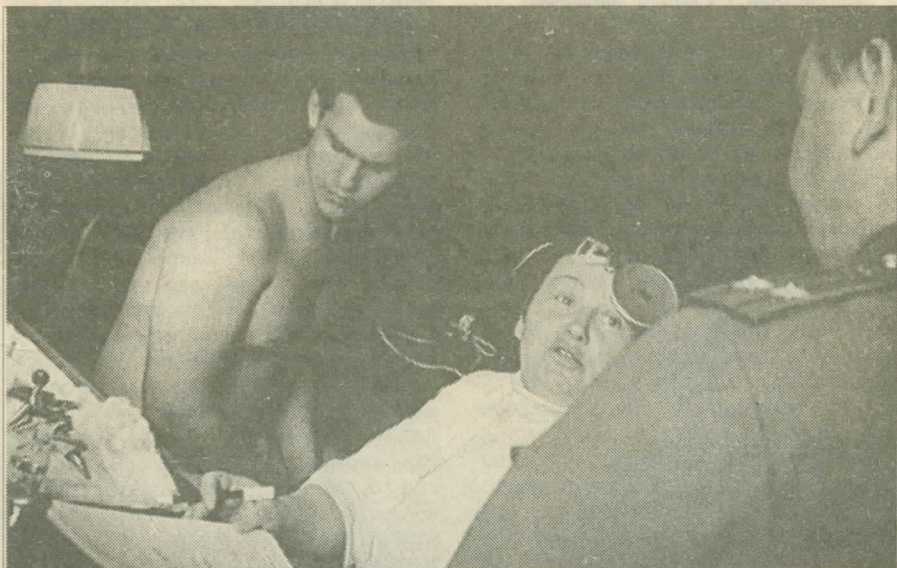
медкомиссии. И расценки ниже — каких-то там 100—150 тысяч, и обращаться можно напрямую, без пресловутого «звонка». Если же тебе нужна всего лишь непродолжительная отсрочка (от недели-другой до полугода), не хнычь! Ибо задачка упрощается. Всего 25—30 «штук».

Твой покорный слуга, например, чтобы досдать сессию в 1988 году, подрядился отпечатать в типографии две тысячи формуляров для родного Октябрьского РВК. Взял я образцы у солдафона, договорился, отпечатал — и пошел трубить свои «30 дней в сапогах» не 2, а 22 июня. Так просто! И с девочкой своей успеешь еще погулять и поссориться, и экзамены вступительные в вуз сдать — да мало ли зачем человеку «гражданское время» нужно!

Ты только спроси, чего им надобно. Они выяснят, на чем ты сидишь — то и попросят. Что охраняешь — то и имеешь, как говаривал Мих. Мих. Жванецкий. РВК же имеет наши души, ни больше ни меньше...

Облава. По сигналу «три зеленых свистка»

« 1. ...обязать супрефектов, руководителей предприятий, учреждений, организаций и учебных заведений... по согласованию с военкоматами обеспечить явку юношей на прохождение

комиссии.

2. По заявкам военкоматов проводить действенный розыск призывников, не являющихся по вызовам в военкомат, совместно с военкоматами создать группы розыска...

3. Просить прокурора города: ...выработать рекомендации о порядке применения принудительных мер воздействия к лицам, уклоняющимся от призыва на военную службу».

Страшно? Это, братцы, недавнее

постановление правительства Москвы № 922, достать которое мне было совсем не просто, хоть оно и без грифа «секретно».

Какие «группы розыска»?! Какие «явки»?! Неужто война началась, неужто «наши» уже в городе, а?

Ага. Только эта война длится уже ой как давно — с уклонистами, несостоявшимися защитниками все той же Родины. На сей раз защитников отечества призваны вылавливать,

правда, сугубо гражданские люди, причем неизвестно, на какой законодательной базе. Давайте-ка поконкретнее: имеют ли право эти «группы розыска» выламывать двери квартир? Применять насилие к призывнику и его родителям? Лишать их свободы передвижения?

Нет, нет и нет. В таком случае за решетку должен по идее загреметь сам супрефект или как его там...

А призывник ночью непростой пошел. Военкоматовские повестки рвет, да и в урну. Если бедный участковый придет вручать повестку лично — оставлять автограф на корешке домашние считают ниже своего достоинства: «Миши нет, давно не было и неизвестно, когда он будет». Правильно, ведь ежели подпишешь бумажку — потом не отвертеться. А без бумажки мент — букашка.

В Прибалтике, говорят, призывников вылавливали с помощью до зубов вооруженных гвардейцев ОМОНа. Теперь такие же слухи упорно ползут по северу и северо-западу Москвы, но это всего лишь слухи.

Да и ночуют-то парни дома очень редко. Могут подсказать милиционерам и РВК одну клеветную наводку: ребята, ищите их не по домам, а у девочек. Пойдите по жэкам, дэзам и РЭУ, соберите адресочки и телефончики девочек соответствующего возраста. Один звоночек, и, если на заднем плане услышите мальчишеский фальцет, — смело берите. Не бойтесь, он же те-е-епленький. А девочка — она ж ведь растеряется, дверку-то и откроет...

Бывают, правда, случаи, когда призывники и их близкие весьма настойчиво предупреждают, что наряды милиции лучше по этому адресу в другой раз не приходить. Один участковый в Черемушкинском районе не послушался и... Обнаружил свое тело только наутро в довольно тяжелом состоянии. Но, к чести «клиента», в заднем кармане форменных брюк мента лежали два «куска» новенькими купюрами — компенсация за ночные акробатические этюды. Этот случай — полублеф, можно ли ему верить — не знаю.

Зато точно знаю другое: прокуратура Москвы отказывается возбуждать против «уклонистов» уголовные дела. Если тебя, малыш, туда вдруг вызвали «побеседовать» — пожалуй, чего ж! Умные дяди часика два будут тебе втолковывать, какой ты нехороший, как ты нарушаешь все законы. Тут расчет идет лишь на психическую обработку, внушаемость твою. Хлебни пару банок пивка — и тебе сам черт не страшен!

У Политковского в «Политбюро» как-то прозвучала цифра: из сем-

надцати тысяч призывников в Москве пошли-таки в армию лишь три. Эти данные — по осеннему призыву 1992 года. Думаю, что, когда начнут подбивать бабки текущего, весеннего призыва, картина получится примерно та же, если не хуже. В начале мая райвоенкомы отвечали мне, что поставили в строй только 30—35 процентов от списочного состава.

Что делать Минобороны?

Прежде всего следить за «базаром». Это я к тому, что Павел Грачев звонил еще когда заявил, мол, все россияне будут проходить службу недалеко от дома. Все, кому надо, запомнили. И — что?

Да и молодежь нынче грамотная пошла, иностранные журнальчики читает. Вот, к примеру, раскрывает она, молодежь, свежий «Фокус» (Германия). А там — красноречивая сравнительная табличка сроков службы в европейских странах. Приведу некоторые цифры.

В Люксембурге и Великобритании пацанов не «забривают» вообще, там контрактная система. В Швеции они служат 7,5 месяца. В Финляндии, Португалии — 8. В Испании, Дании — 9 (вероятно, у них этот срок — хороший повод для скользких шуточек). В Швейцарии, Франции, Италии, Бельгии — 10 месяцев. В Румынии, Венгрии, Норвегии, Голландии — ровно год. В Греции, Турции — 15 месяцев. А венчают ту таблицу, естественно, Польша и Россия — 18 месяцев.

И то такой срок приняли лишь в прошлом году. И им, конечно, военные

вешают спагетти на уши, что за столь короткое время невозможно качественно овладеть дико сложной техникой. Но объясните вы призывнику: в Испании техника вдвое примитивнее или наши пацаны вдвое тупее испанцев?

И последнее. Минобороны у нас очень щедро на ж/д и авиаперевозки «живой силы» на громадные расстояния (велика Россия!) за казенный счет, а вот выдать хоть раз приличное денежное содержание «бойцам» — денег жалко почему-то.

Выдавайте ребятам нормальные деньги, не увозите их далеко от дома, уменьшите срок службы — а там, глядишь, и процент «косильщиков» уменьшится. Я уж не говорю о продуманной, умной рекламной кампании в масс-медиа. Вместо набора штирлицев и шварценеггеров в военкоматовские «группы захвата».

Заходит как-то генерал в казарму. Все солдаты-офицеры стоят по струнке, шевельнуться боятся. И только в дальнем углу на кровати кто-то безмятежно валяется. Офицерский генерал подходит к койке:

— Вста-а-ать, солдат! Ты кто?

— Дембель (зевая и переворачиваясь на другой бок).

— А я — генерал, мать твою!!!

— Тоже неплохо...

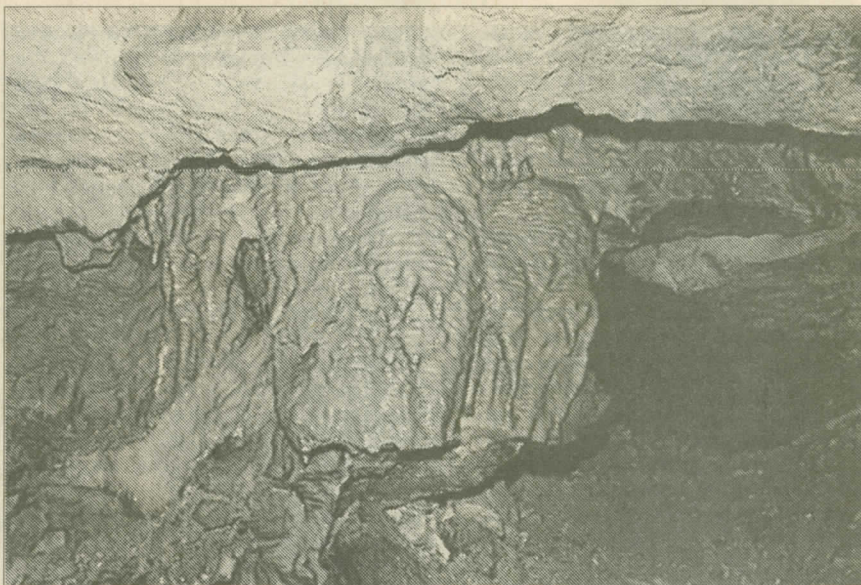
Чтобы почувствовать подобное блаженство, в армию все же сходить стоит. Даже в эту, российскую.

Фото РИА—Новости и Э.Кудрявцового

Еще неизвестно, где этого города больше — на земле или под землей. Да и явился он на свет, согласно легенде, из пещеры.

Когда весть откуда обрушились татаро-монгольские орды, спастись сумел только один человек. Древняя старушка чудом уцелела, схоронившись в одном из многочисленных подземелий. Отсюда и название городка, возродившегося от той безымянной старушки, — Старица.

Заброшенный штрек

Кирилл РЫБАК

СТАРИЦА — НОВЫЙ НОВЫЙ АФОН

Москва Белокаменная, кстати, тоже начиналась в старицких пещерах: и колокольня Ивана Великого, и Успенский собор, и первый «капитальный» Кремль тоже.

Когда именно в окрестностях Старицы начали добывать известняк («белый камень», «старицкий мрамор»), того историки точно сказать не могут. Известно, однако, что для строительства, например, Астраханского кремля (XIII — XV вв.) здесь специально заказывали белокаменные изразцы. Изразцы эти приходилось сплавлять вниз по Волге на многие сотни верст, но овчинка стоила выделки: такого чистого, пластичного, прочного строительного материала нигде больше на Руси не знали.

К XVI веку город жил уже главным образом за счет белокаменного промысла, целиком зависая от строительной «конъюнктуры» в Московском государстве. Вдоль волжского берега протянулись цепочки каменоломен, сотни мастеров ежедневно спускались под землю. Там, в катакомбах (местные жители называют их «заломками»), умельцы вырезали из больших известняковых плит мельничные жернова, сложные детали орнамента для строящихся зданий, плиты перекрытий, колонны, каменные резервуары для воды и льда. Небольшие по размеру камни шли на изготовление кирпича и бруса для мощения дорог; мелочь, осколки — так называемый «бут» — пережигались на известь в

специальных печах.

К началу нынешнего века в окрестностях города насчитывалось уже около полутора тысяч «заломок», штреки протянулись более чем на тысячу километров.

Последняя артель старицких каменотесов сгинула в 1928 году, не пережив «великого перелома». Прочивающий промысел попросту прикрыли директивой сверху. Кто-то из артельщиков, слегка попив с горя, подался в Тверь, в Ленинград на заработки. Тех же, кто остался в Старице, накрыли в один день, «раскулачили» и отправили куда подальше в Сибирь — перевоспитываться. Красной республике белый камень оказался без надобности.

Октябрь 1941 года. Красная армия в панике отступает (точнее, бежит) из города в направлении Калинина. В день сдачи города при загадочных обстоятельствах гибнет секретарь райкома ВКП(б) А.Смирнов, назначенный руководить партизанским движением района. Выстрел в спину — и никаких следов убийц.

Смирнов унес с собой в могилу еще одну подземную тайну — тайну складов оружия, устроенных Красной армией для предполагаемых подпольщиков в нескольких «заломках».

Может, из-за внезапной смерти «хранителя», а скорее, из-за того, что немецкая оккупация была не столь

долгой и не столь жестокой, как монгольская, — партизанское движение в Старицком районе толком развернуться не успело. 1 января фашистов из города выбили, и об оружейных запасах на некоторое время забыли — не до того...

Говорят, складов было около десятка. Сейчас уж, конечно, значительно меньше: часть схороненного оружия ушлые местные следопыты сумели отыскать и выгодно перепродать. Винтовками и гранатами из старицких подземелий сейчас воюют, например, абхазские и ингушские боевики.

Ав начале восьмидесятых годов стали наезжать в Старицу и вовсе чудные люди, называющие себя спелеонавтами*. Копались в архивах, расспрашивали стариков, рыли землю. Спускались в известные полусасыпанные каменоломни, отыскивали новые. Но попадалась по большей части все какая-то мелочь, общей длиной ходов от трехсот метров до километра. А по всем данным выходило, что где-то неподалеку от города должна быть главная, самая обширная «заломка», в которой «старицкий мрамор» добывали вплоть до «раскулачивания».

Больше года исследователи Рос-

* Спелеонавтика — наука, изучающая поведение человека под землей.

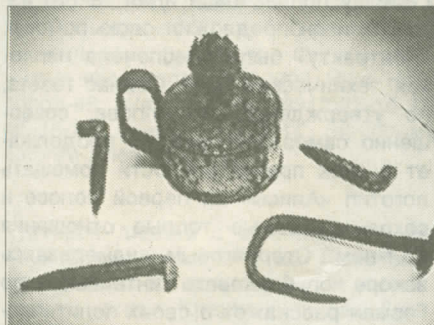
Президент РОС Сергей Гусаков потрясен размерами пещеры

сийского общества спелеонавтики (РОС) отыскивали эту «суперзаломку». Кто-то из старожилов припомнил, где именно в волжском берегу была самая крупная дыра (в 1947 году советское правительство ни с того ни с сего запретило всякие походы под землю для частных лиц — и дыру взорвали). Спец-лозоходцы побродили со своими рамочками по окрестностям, в двух с половиной километрах от центра города указали: тут копайте, вот эту барсучью нору.

Через десять минут в норе откопали охотничий капкан, а еще через два часа кирка провалилась в пустоту. Пещеру тут же решили назвать «Капканом».

Сенсация! Размеры подземелья потрясли исследователей. Несомненно, они вскрыли крупнейшие катакомбы на всем пространстве между Тверью и Ржевом. Коридоры, штреки, просторные купольные залы, в которых хороший дом может уместиться...

Реликвии «Капкана»:

Крюк, кости, масляная лампа, которыми пользовались каменотесы XVII—XIX вв.

Общая длина ходов никак не меньше тридцати километров. Но, скорее всего, много больше: спелеонавты то и дело натыкались на замурованные штреки, неизвестно куда ведущие. Президент РОС Сергей Гусаков считает, что объем «Капкана» примерно такой же, как у знаменитой Новоафонской пещеры. Но Новый Афон из-за абхазской войны стал абсолютно недоступен для туристов, а до Старицы от той же Москвы рукой подать, и никаких тебе таможен по дороге. И посмотреть здесь будет на что, точно. Во-первых, конечно, сама «заломка» — уникальное произведение подземной архитектуры. Во-вторых, впечатляют результаты карстовых процессов: тут тебе и сталактиты, и сталагмиты, и разноцветные кристаллы кварца, и фантастической формы натечи. Впрочем, потоки любопытных туристов — это дело будущего.

Группа РОС отыскала и заваленный взрывом выход на Волгу. Копнули случайно — ба, что за железяка такая? А вот еще и еще... Железяки оказались противопехотными минами. Стали осматриваться повнимательнее... Три брошенные как попало трехлинейки, полтора десятка стреляных гильз, остатки трех армейских противогазов советского образца. Тут же — множество пустых бутылок из-под шнапса и немецкого вина.

По всей видимости, трое красноармейцев осенью 1941 года держали в пещере оборону. Немцы же, разминировав часть входа в катакомбы, пустили внутрь фосген или хлор (который применяли при «выкуривании» партизан из аджимушкайских каменоломен в Крыму). Красноармейцы со своими допотопными винтовками были обречены... А бутылки свидетельствуют о том, что немцы тут же, в «заломке», шумно отпраздновали победу.

Но зачем, спрашивается, нужно было оборонять весьма сомнительный в стратегическом отношении плацдарм?

Неподалеку от подземного поля боя спелеонавты обнаружили коридор, замурованный сравнительно недавно. Кладка совершенно не походит на ту, которую делали каменотесы-артельщики. Аховая, прямо скажем, кладка. Так могли сработать, например, солдаты, особенно если торопились. Кто-то приметил тоненькую проволочку, тянущуюся между кирпичами. Росовцы предпочли ни проволоку, ни кладку до поры до времени не трогать. Они полагают, что именно за этой стеной Смирнов разместил главный оружейный склад.

Ну а на закуску — немного чертовщины. В том же «Капкане» исследователи наткнулись на вполне прилично сохранившееся «черное капище» — со всеми полагающимися дьявольскими атрибутами и изображениями (вроде перевернутой концом вниз пятиконечной звезды). Видно, тут отпраздновала свои таинственные обряды одна из сект сатанистов — в двадцатых—тридцатых годах прошлого века поветрие это было довольно модным.

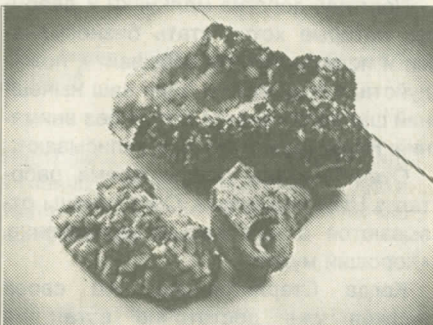
В общем, не пещера — целый музей со всеми тридцатью тремя чудесами и загадками. Да тут, наверное, и будет экспозиция. РОС намерен основать в «Капкане» первый в мире подземный музей истории добычи белого камня и со временем превратить Старицу в новую туристскую мекку. По крайней мере, с помещениями у нового музея никаких проблем не будет. Тридцать километров коридоров — такой «жилплощади» и Хасбулатов позавидует.

Во второй половине июля Российское общество спелеонавтики при помощи военных приступает к вскрытию предполагаемого оружейного склада и к масштабным исследованиям нового Нового Афона. Подождем новых сенсаций?

Фото Э.Кудрявицкого

Взрыватель от противопехотной мины, пенал немецкого солдата, стреляные гильзы от трехлинейки. 1941 г.

А вот такая красота падает в катакомбах прямо на головы исследователям...

«Сегодня Германа выгнали из лагеря»

Штрихи к «новому русскому» портрету

...Мы бегали с ним курить в лес. Это было в восемьдесят первом, в пионерлагере «Маяк». Во время наших тайных перекуров он часто повторял почему-то, что ему очень нравится песня Высоцкого «Я не люблю». Но, Бог мой, о чем же мы говорили еще? Не помню. Вроде бы о деньгах, но это может быть уже более поздней «интерполяцией», капризом Мнемозины.

Герман Стерлигов пробыл тогда в лагере неполную смену. В следующий раз я увидел его уже по телевизору. В качестве основателя биржи «Алиса» и самого молодого миллионера Страны Советов.

И у вашего скромного автора, без всяких особых к тому порывов, постепенно начала собираться коллекция фактов из жизни Германа Львовича. Некоторые подробности, вполне годные для литературной разработки характера, я счел возможным осветить.

Тем более что недавно мне посчастливилось изучить не без педантизма составленный дневник вожатого того отряда, где двенадцать лет назад числился Герман.

Поэтому, дорогие мальчики и девочки, которые хотят стать бизнесменами и политиками, не забывайте, пожалуйста, о том, что ни один ваш нынешний шаг не останется потом без внимания. Наши «вожатые» все записывают.

Отец Германа долгое время работал в НИИ педиатрии. Сослуживцы отзываются о нем весьма приязненно. «Хороший мужик».

Когда Стерлигов-junior со своей биржей уже достаточно встал на ноги, он как-то предложил директору НИИ взять научное учреждение под свою финансовую опеку. Однако ди-

ректор, по малопонятным для нас соображениям, отказался от этих услуг.

Из дневника вожатого:

«В первый день смены Герман чувствовал себя скованно, молчал. Если ребята предлагали ему печенье или конфеты, отвечал вежливым отказом».

Герман учился в хорошей школе в центре Москвы. Его одноклассником и другом был некто Павел Немцев. Между прочим, еврей. Создав свою замечательную биржу, Стерлигов не забыл приятеля, и Немцев возглавил службу охраны в «Алисе». Правда, сейчас там уже не трудится.

Общеизвестна любовь нашего героя и к своей собаке, в честь которой, собственно, биржа и носит свое изящное имя. Все мы имели счастье видеть домашнее животное бизнесмена в рекламе. Алиса тогда была уже в годах, и тот же Немцев возил суку в США поправить здоровье.

Из дневника:

«Мы играли в «картошку», и тут Герман проявил всю свою мелочность и даже пытался проявить садизм. Надо было видеть, с каким рвением он старался попасть мячом в девченок; кривился, если это не получалось».

Когда одного из близких друзей и соратников Германа «замели» и судили за ношение оружия, Стерлигов де-

лал все возможное, чтобы вызволить бедолагу. Нанимал хороших адвокатов и платил им огромные деньги. Но друга все равно посадили. Кстати, во время следствия фигурировало и новое слово «рэкет», но до суда словечко не «дожило».

Из дневника:

«...Герман, как всегда, попытался развести демагогию, причем в весьма невежливых выражениях».

Те, кто работал со Стерлиговым, рассказывают, что в своей фирме он — полный самодур. Кроме того, человек крайне неуравновешенный. Одну из служащих уволил просто за то, что она ходит «со слишком независимым видом».

Расслабление в «Алисе» наступает лишь тогда, когда шеф отбывает в Америку. При нем же — «ни-ни». Кто-то сравнил Стерлигова с вороном, который кружит над головами да посматривает недобрым глазом. (При этом отмечают контрапунктом, что старший брат Германа, который тоже управляет системой бирж, вполне «нормальный парень».)

Из дневника:

«Во время трудового десанта ребята из старшего отряда установили особый контроль за Германом, потому что он пытался исчезнуть тихой сапой».

Полтора года назад наш биржевик в очередной раз летел в США. В самолете с ним познакомился юный Игорь Филиппов — редактор газеты для молодых предпринимателей «Контракт». Герману понравилась идея такого издания, и он предложил свою помощь. «Контракту» была обеспечена неплохая техническая база. Сейчас газета, по утверждению Филиппова, совершенно самостоятельна, но продолжает в знак признательности помещать логотип «Алисы» на первой полосе и сохраняет самые теплые отношения с г-ном Стерлиговым, намереваясь вскоре опубликовать интервью, где Герман расскажет о своих политических убеждениях и о том, почему поддерживает Русский Национальный Собор генерала Стерлигова.

Дома...

Из дневника:

«Сегодня Германа выгнали из лагеря: он избил Володю Н. Произошел конфликт у Германа и с нами, водителями, но особенно с девочками. Мы решили убрать его из отряда. Вечером приехала мама и забрала Германа. Меня удивило, что все его приятели отнеслись к этому очень спокойно».

Но кое-что не попало на страницы дневника, да и не могло попасть. Те же водители и ребята из стерлиговского отряда очень хорошо помнят,

как Герман не упускал случая похвастаться своим дядей — сотрудником КГБ.

...Курил он уже тогда, в четырнадцать лет, довольно много. Странно, что я запомнил его имя. Было полно других мальчишек, чьи фамилии не вспомнишь, даже глядя на фотографию. А от Германа и фотоизображения не осталось.

На общей фотографии отряда побитый будущим миллионером Володя есть, его водитель есть.

А Германа нет.

Алексей БЕЛЯКОВ

...и в офисе

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Ангар — это не для самолетов, а для Вас: быстровозводимый склад, гараж, эллинг, ремонт, мастерская и т.п. Площадь от 96 до 360 кв. м. Цена — из первых рук. Дилер фирмы ответит на все вопросы: 603098, Ниж. Новгород-98, а/я 99. Тел. (8312)25-13-33, 25-15-72 (днем), 37-08-44 (вечером), Сергей Александрович

Утерян диплом с отличием Г 1 № 460210, выданный МГУ им. Ломоносова в 1982 г. по специальности «психология» на имя Крашенинникова Евгения Всеволодовича.
Тел. 329-96-20

Маленькой фирме нужен умный, энергичный, надежный молодой человек. Желательно знание радиотехники или РС. Но главное — высокий духовный уровень. Тел. 292-47-08

Дома и на работе — уничтожение насекомых.
Тел. 387-00-31

Нужны штатные или внештатные референты иностранной научной литературы по органической химии.
Тел. 155-43-57, Любовь Михайловна Королева

Визы. Дания, Англия и т.д.
Тел. 481-47-71

ЗП, визы, приглашения, а/б. Тел. 194-19-26

Настройка пианино и роялей, качественно. Преподавателям ДМШ скидка. Тел. 291-34-62 или 442-96-69, Бронислав Ефремович.

Навсегда ликвидирую полноту уникальным методом.
Тел. 154-52-64, 149-00-80

Вера ПИСАРЕВА

ЗДЕСЬ ВЫЖИВУТ ЛИМИТЧИКИ И ПТИЧКИ

Сурово и загадочно наше правосудие: кого-то сажают за украденный на колхозном дворе мешок картошки (хотя он там стоял полгода), кого-то никак не осудят за попытку государственного переворота.

А вот экологические преступления... Такие есть вообще? Есть! Более того, это, пожалуй, единственный род преступлений, на который, оказывается, можно легко получить положительную санкцию у властей. И эти преступления имеют тяжелейшие последствия, так как они могут унести десятки тысяч, а порой — миллионы жизней. Уже погибло несколько десятков тысяч пострадавших от по-

ледствий Чернобыля. Наиболее «крутые» эксперты говорят, что на Москву уже надвигается экологическая катастрофа. А полем очередного сражения между представителями, по-научному говоря, экологически мыслящей общественности и городскими властями стали Люблинские поля фильтрации (ЛПФ).

Эти поля, созданные в конце прошлого века, почти сто лет служили для отстаивания сточных вод из московской системы канализации. Когда-то они располагались в соответствии с требованиями санитарии за городской чертой. А сегодня они стали частью территории крупного жилого ма-

ссива в Люблинском районе Москвы.

Тяжба идет уже не первый год, и сегодня положение уже стало критическим: того и гляди «жахнет» скопившийся на просторах тех полей метан. То, что «жахнет», — это точно: поля покрывают грунтом, как панцирем, и сверху ставят дома. А под панцирем-то собирается газ, и как... Это точно! Хотя, может быть, это и к лучшему. Выжить там все равно нельзя, так лучше уж сразу!

Люблинский район раньше был зеленым (говорят, там даже были правительственные дачи), а за последние четыре десятилетия превратился в зону экологического бедствия и те-

перь чуть ли не официально носит этот печальный титул. Наиболее тяжелой ситуация — в микрорайонах Марьино, Капотня, Братеево, между которыми и расположены ЛПФ. Кроме того, район взят в осаду такими промышленными гигантами, как нефтеперерабатывающий завод, литейно-механический завод, АЗЛК, ТЭЦ-22, и многими другими.

В выбросах этих предприятий содержится до 150 разных ядовитых веществ и тяжелых металлов. Промышленными предприятиями района обеспечивается пятая часть всех атмосферных выбросов города. Кроме того, мощная сеть уличных магистралей района перегружена автотранспортом, значит, и ПДК от выхлопов превышены: в 10 раз.

Результат очевиден: огромное число аллергических и онкологических заболеваний. Врачи местных поликлиник установили, что на их участке с 91-го по 92-й год более чем в два раза увеличилась заболеваемость острой пневмонией, хроническим бронхитом, хроническими не-

специфическими заболеваниями легких...

— Вы посмотрите, — говорит врач филиала 185-й поликлиники В.С.Костюк, — наш микрорайон — новостройка, новоселы этими заболеваниями успевают обзавестись за год. За весь 1991 год не было госпитализировано ни одного человека с хроническим бронхитом, а в 1992 году таких было уже десять; с острой пневмонией госпитализировали в 1992 году почти в четыре раза больше, чем в 1991-м.

Может быть, героические люблинцы и пошли бы в какую-нибудь рощу подышать кислородом, но... В Люблинском районе, считай, отсутствует зеленая зона: зелеными насаждениями покрыт всего 1 процент территории, а в самых кризисных микрорайонах — Марьино и Капотня — ее нет и вовсе. Душегубка по имени Люблино действует цепко: сотни астматиков (получивших это заболевание именно здесь) предпринимают отчаянные и безуспешные попытки переменить место жительства. Впрочем, задыхаю-

тся и «здоровые» жители района: «нечем дышать» — к такой фразе сводится их основная жалоба. Врачи районных поликлиник советуют не находиться на улицах больше часа, а во время туманов, частых из-за близости Москвы-реки, рекомендуют не открывать окна. Придите к какому-нибудь люблинцу в гости эдак в июле: посидите, поговорите о демократии, попейте чайку — поймете, каково там жить.

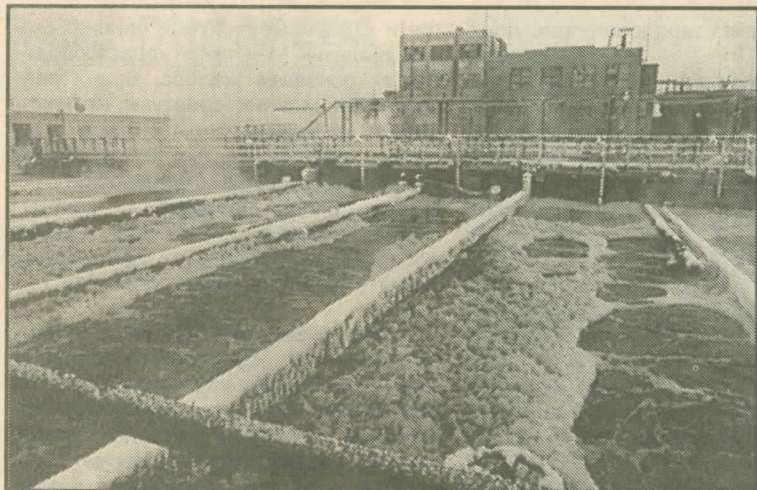
О чем, бишь, мы? Ах да, о полях. Они сами по себе являются мощнейшим источником загрязнения. На их территории скопилось огромное количество токсичных металлов: хрома, никеля, кадмия, ртути... Кроме того, илестые осадки образуют значительные количества биогаза, содержащего до 70% метана, до 20% углекислоты, а также сероводород, аммиак, окислы азота. Врачи считают, что именно поля являются причиной инфекционных болезней в районе — заболеваемость ими в 2,5 раза выше, чем в целом по Москве. В микрорайонах, прилегающих к полям вплотную, свирепствуют гепатиты, пищевые отравления, инфекции, корь, дифтерия, туберкулез...

Проведя целый ряд экологических экспертиз, специалисты пришли к выводу, что наилучшей мерой для нейтрализации действия вредных веществ было бы устранение этих полей и передача территории под лесные насаждения или парк-заказник, который стал бы филиалом лесопарка «Лосинный остров». Такая крупная по районным масштабам зеленая зона (поля занимают площадь в 300 га) стала бы мощным регенератором воздушного бассейна и стабилизатором разрушающейся экосистемы. К тому же надо знать, что в Москве, оказывается, есть территории, специально предназначенные под озеленение, — более 2000 га. Значит, парк частично может компенсировать чудовищные потери, которые Москва понесла в результате застройки таких территорий и вырубки лесов, попавших в черту города, — около 600 га.

Еще один аргумент в пользу заказчика: здесь обитает около 150 видов птиц, часть из которых занесена в Красную книгу. По мнению ученых, все эти чудом уцелевшие на территории ЛПФ птички представляют собой редчайший зоологический объект России и Европы.

Почему же городские власти не внемлют этим аргументам? Оказывается, еще в доперестроечную эпоху строительное ведомство разработало программу сплошной застройки Люблинских полей. Под эту программу можно выбить солидные госу-

дарственные субсидии. Сейчас идут подготовительные работы: уже вывозятся илистые осадки, что экологическими комиссиями Московского и Люблинского советов признано недопустимым.

Осенью 1992 года экологическая комиссия Моссовета поставила перед правительством Москвы вопрос об охране орнитоконцентрации, на что представители строительных организаций выразили свое удивление: «При наличии острой жилищной проблемы думать о птичках просто негуманно». Видимо, более гуманно заплатить уникальными пернатыми и здоровьем миллионов людей за 15-летнее процветание градостроительных структур.

Но кто из новоселов поедет сюда? «Да никто, — возражает жительница Марьино. — Говорят, что строят для москвичей... Не поедут сюда москвичи, они уже слышаны про ужасы нашего района. Сюда едут те, кто оказался в безвыходной ситуации: лимитчики, старые или безнадежно больные люди, которым все равно где умирать. Здесь настоящее гетто! Жалко тех, кто попадает сюда по незнанию...»

Невыносимые условия, резкий рост онкологических и инфекционных заболеваний, повышенная детская смертность, новорожденные-инвалиды и другие труднопредсказуемые последствия — такова цена, которая будет заплачена за безумное новоселье.

Градостроители на эти доводы реагируют спокойно, ибо, судя по всему, сами они здесь жить не собираются. Компенсировать «неудобства» они обещают довольно незатейливым способом: построить для детишек микрорайона спорткомплекс, а для их родителей — пивную.

А ведь раньше они обещали более соблазнительные вещи. «Когда нас

сюда вселяли, — говорит другой житель новостройки, — обещали, что вокруг будут парки, фонтаны. Какие парки?! Фонтаны, правда, есть... газовые и дымовые!»

Многие москвичи, попавшие сюда по неведению, живут мечтой о скорейшем переезде: «Живу я в Марьино лет семь. Через пару лет после въезда начались страшные головные боли. Ребенок болеет постоянно. Врачи говорят, что его чаще надо вывозить на свежий воздух. Я его лучше совсем отсюда вывезу. Уезжаем жить к ба-

бушке. Пусть здесь самоубийцы живут» — так решила для себя проблему Татьяна К.

24 марта 1993 года правительство Москвы подписало проект по застройке Люблинских полей, несмотря на отрицательные решения Москомприроды и санэпидстанции. Строители гарантируют, что доведут территорию до приемлемых санитарных норм. Правда, то же самое обещали шесть лет назад те, кто воздвигал на краю полей 3-й и 5-й микрорайоны Марьино. А только этого ничего «ну нет как нет». Экологи подсчитали, что понадобится десятки лет, чтобы сделать территорию полей пригодной для жизни людей.

«Я сама живу в этом районе, — говорит врач Ф.В.Погорелова, — это что-то ужасное! Даже врачи стали здесь больными. Мы все — астматики. Очень хочется познакомиться с человеком, который здесь ведет застройку! Очень хочется... заставить его пожить здесь хотя бы год».

И последнее.

В 1991 году администрация зоопарка отклонила предложение строить зоопарк в этих местах, объяснив, что ценные животные здесь будут себя плохо чувствовать. А наши-то «простые советские» люди, конечно, вынесут все, так, что ли?

Фото ИТАР—ТАСС

Индия — это совсем по-другому

отлично отдохнете

Отдых в необыкновенных местах на величественных курортах

отлично отдохнете

Отлаженные групповые туры

Лондон	6 ночей	330\$	+ авиабилеты
Париж	6 ночей	460\$	+ авиабилеты
Италия	7 ночей	470\$	+ авиабилеты
(Рим, Неаполь, Флоренция, Венеция)			
Греция	11 ночей	350\$	+ авиабилеты
Мальта	7 ночей	340\$	+ авиабилеты
О.А.Э.	3 ночи	160\$	+ авиабилеты
Таиланд	6 ночей	430\$	+ авиабилеты
Таиланд (Шоп тур)	6 ночей	235\$	+ авиабилеты
Сингапур	6 ночей	360\$	+ авиабилеты
Шри-Ланка	14 ночей	607\$	
Ливан	7 ночей	350\$	+ авиабилеты

ОПЛАТА В РУБЛЯХ ПО ТЕКУЩЕМУ КУРСУ

♦ Оформление загранпаспортов нового образца и въездных виз

Звоните: 281-07-64 281-51-06 281-84-93

Счастливого пути!

«ОТОВАРИВАНИЕ» ВETERАНОВ В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Александр Владимировичу Рудкому,
вспоминающему о ценах 1991 года,
посвящаю...

Вглядитесь в этот эпохальный документ, дамы, господа и товарищи! Где у него лицевая, где оборотная сторона — не сможет определить теперь даже Конституционный суд. На лицевой (оборотной) стороне, как вы видите, одна восьмая часть коммунистической листовки, призывавшей на первомайский митинг на Октябрьскую площадь. Чем закончился тот митинг — конечно, помните.

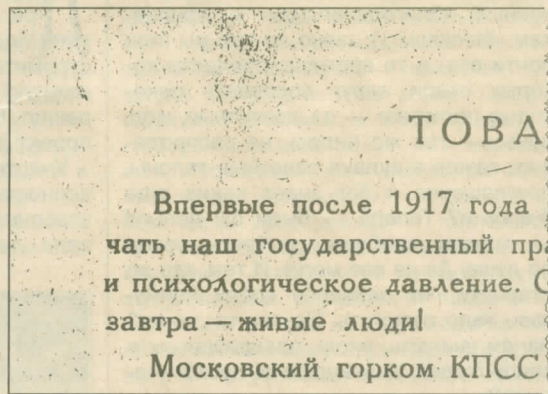
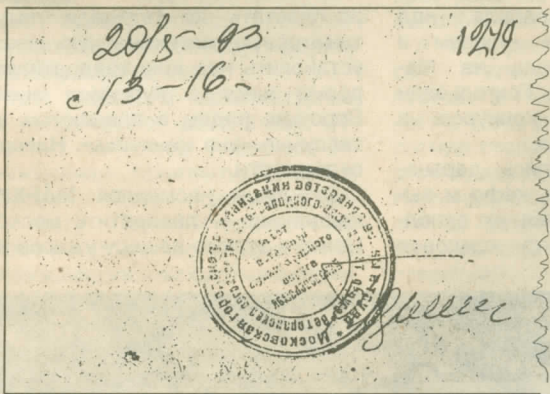
На оборотной (лицевой) стороне бумажки — приглашение в универмаг «Москва» для «отоваривания» по дешевке, как бы мы сказали в застойный период, или попросту на шоп-тур по «Москве», как мы говорим сейчас на аглицкий манер. Само по себе «приглашение» (оригинальный эвфемизм слов «купон», «талон» и проч.) в наши-то времена — почти раритет, существующий разве что для ветеранов войны и труда. То, что попало ко мне, — с печатью Совета ветеранов муниципального округа Ломоносовский.

Нет, не будем хохмить над нехваткой чистой бумаги у ветеранов, из-за чего пришлось даже пускать под нож большевистские прокламации. Я звонил в Совет. Оказалось, что после каждого мероприятия «оппозиции» образуются значительные излишки печатной продукции.

— Деньги под нас дают, листовки печатают, а расклеивать нам, старикам, тяжело, — заявил в разговоре неназванный сотрудник отдела распространения Совета ветеранов.

Не будем даже спрашивать о том, не лучше ли было бы отдать эти миллионы рублей, затраченные на бумагу и печать, самим неимущим старикам. В конце концов в своем монастыре ветераны пусть разбираются сами.

Давайте просто, не «нагнетая обстановки», пройдем с этой бумажечкой в назначенное место, в назначенный день и назначенный час.

Лицевая и оборотная стороны приглашения для «отоваривания» в универмаге «Москва»

Универмаг встречает нас привычными уже рядами коммерческих палаток, неорганизованными торговцами с ящиками пива и «Фиесты», вереницей толстых хохлушек с косметикой и сигаретами в руках — народ весело торгует сам с собой. Блещат серебряными божками иномарки, из динамиков студии звукозаписи несется титомировское «а-армия — школа настоящих мужчи-и-и-ин», солдатики-стройбатовцы тут же скидываются втроем на изящную бутылочку кока-колы 0,33 л, парочка разморенных нищих, плюнув на формальности, похмеляется портвейном даже не отходя от кассы...

Словом, все привычно. Но в дверях универмага нас встретит красочное объявление: «Сегодня обслуживаются ветераны войны и труда, имеюшие приглашения. Просьба приходить точно в назначенные часы!»

Удивляет отсутствие спроса на сами приглашения. Не так давно, помнится, подобные штуки спекулянты выцыганивали наперебой. А здесь — нет, все спокойно. Ладно, идем сквозь толкующийся народ на эскалатор.

В двух секциях второго этажа — новое объявление: «Носки — только по приглашениям, по пять пар в руки». Это похоже на митинг. Представьте сгрудившуюся вокруг прилавков толпу

стариков с авоськами, режут дети, размазывая по щекам жвачку, поверх седых голов то и дело вспархивают заветные носки в чьих-то руках. Носки постепенно плывут к выходу из этого кошмара... Некоторые «необлеченные» посетители пытаются интересоваться, что дают ветеранам, подходят к границе запретной зоны, вглядываются вглубь.

Ладно, поднимаемся этажом выше. О-о, тут тоже есть спецсекции. Одна торгует домашними тапочками под лозунгом «Три пары в руки», другая — зубной пастой в неограниченном количестве. То же столпотворение!

Завсекцией — молоденькая девуш-

ка — вдруг как выскочит из толкучки:

— А ну-ка прекратить торговлю!!! Прекратить немедленно! А теперь первые двадцать человек из очереди — быстро взяли по паре тапок из кучи. Че зыришь, старая?! В сумку клади, иначе торговать не будем!

Бред..

На последнем, четвертом этаже «Москвы», в непосредственной близости от филиала «Холдинг-центра», публика привычно давится за сапожками на баечке по 18 тысяч. Хоть и близок локоток, хоть и по приглашениям — да не укусишь. Дорого. Поэтому давятся просто посмотреть. А кассирша скучает — секция-то специфическая, так просто, без бумажки, отпустить товар нельзя. И чайник со свистком за две тысячи мало кого прельщает, тем более что в пяти метрах можно купить его же — свободно.

Ага! Про мыло-то и забыли. Ну-ка спустимся на этаж, секция за углом... Дают. Вы гляньте, дают! Хозяйственное! По пять кусков! Э-эх, навалились давай!

Вот черт, зачем нам это мыло? В стиральную машину мы его, что, строгать ножиком будем, а? Увлечлись...

Ветераны расходятся по домам ближе к вечеру, усталые и довольные покупками.

Меньше всего хотел бы своим рассказом обидеть этих стариков, согнанных «благодетелями» к прилавкам «Москвы». И давно ли все мы (или почти все) в те времена, прелести которых стали вдруг воспевать некоторые политики — за доступные, мол, цены, — так же бились на распродажах, зажав в кулаке заветные талоны, приглашения и бог знает какие еще бумажки? Теперь — были бы деньги! — можем свободно выбрать товар по душе. Да не все могут. И тем, кто на старости лет оказался среди неимущих, надо помогать. Но так-то зачем? Зачем унижать, вновь превращая их в толпу людей, давящихся за куском чего-то?

Между прочим, знаете ли вы, как я сам получил то приглашение? В нашем подъезде проживают семеро ветеранов. Так вот трое из них от услуг распространителя отказались, то ли посчитав себя достаточно обеспеченными, то ли зная по опыту, каких унижений потребует эта «льгота».

А распространитель от Совета ветеранов не знал, куда лишние приглашения пристроить. Я и подвернулся.

P.S. Обратите внимание, что на моем приглашении отсутствуют отметки о покупках. Ни одного неимущего старика я не лишил ни пары носков, ни куска мыла, ни чего-либо еще.

Николай ПОПОВ

Алексей МИТРОФАНОВ

Дело мастера У.

Я совершал прогулку по раскопу. Поясню для особенно непросвещенных: раскоп — яма, вырытая археологами. В отличие от могилы, котлована и траншеи.

Было это на Манежной площади, совсем еще недавно — площади 50-летия Октября. Под комментарий приятеля-археолога я бродил Обжорным переулком, существовавшим уже в XVIII веке и окончательно уничтоженным в 1938 году, когда все тут сносилось под площадь. Трогал каменную кладку столь же отдаленного столетия.

Чуть не наступил на основную конструкцию XVII века. Все это откопали археологи — для того, чтобы разрушить подземный, замурованный в асфальте и потому мертвый памятник, разобрать его на составные части, все их описать и снова похоронить — уже в музеях.

А на Манежной...

— Так что же здесь будет?

— Проект архитектора Ульякина, — объяснил археолог.

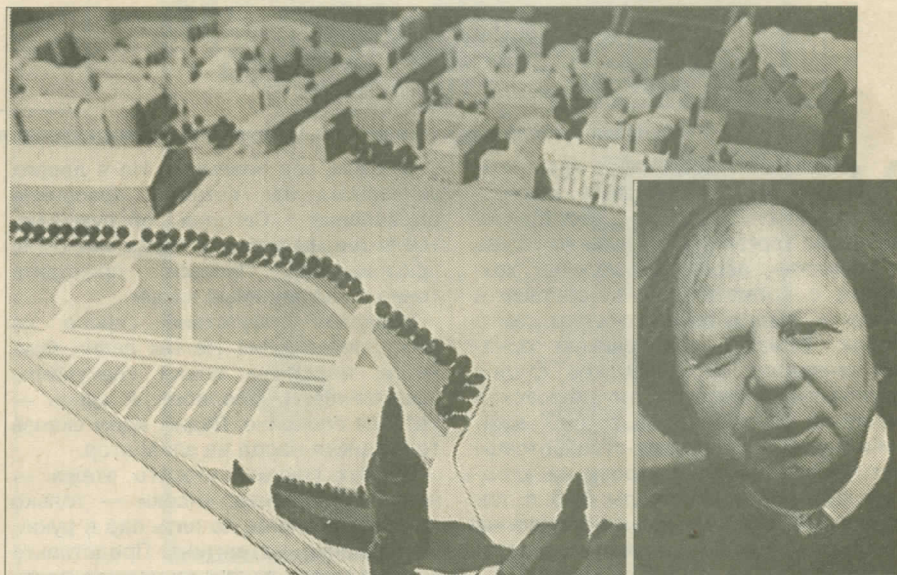
И вспомнилось.

Дерзновенная мысль архитектора Ульякина воспарила над Москвою, поискала клювом и стремительно спикировала на Манежную площадь. Борис Григорьевич решил поучаствовать в конкурсе на проект ее переустройства.

Участники не отличались дерзновенностью. Дальше сада, кафе и выставочного зала фантазия их заповелевала нечасто. Разве что кондовая

Гламосархитектура предложила распластать по площади пятнадцатиметровую пятиконечную звезду и установить над нею тридцатипятиметровый шест с кургузым знаменем. Впрочем, рядом с планшетом висела табличка «вне конкурса». Наверно, из скромности.

От души насмеялся МАРХИ. Его концепция — превратить московский Центр в этакую пещеру ужасов из «Лу-

на-парка». Рядом с восстановленными церквушками должен был появиться «коммунистический паноптикум» со статуями красных вождей и мыслителей. Огромная эстакада «Дом-стена» символизировала непреодолимую преграду на пути к прогрессу, а эспланада «социалистический выбор» венчалась Рабочим да Колхозницей.

Казалось, лучше всех к нашему городу относятся французы. Они намеревались разместить под площадью кафе и всякие уютные места для встреч, соединив их с метрополитеном, — чтобы в дождь и в холод можно было даже и не выходить на улицу.

Но первую премию взял Борис Ульянов.

Почему из множества «проектов века» стали «двигать» именно Манежную — по-моему, понятно. Обнести ее забором и нарыть на ней раскопов — задача не столько археологическая и градостроительная, сколько политическая. Иначе — ей не избежать демонстраций, пикетов и вшивых палаточных городков, что вряд ли сделало бы нашу жизнь прекраснее.

Но почему на щит подняли ульянский вариант?

Да, победил в конкурсе. Ну и что? Венок триумфатора отнюдь не равнозначен получению заказа, открытию финансирования и прочим жизненным реалиям.

Говорят, проект Бориса Григорьевича приглянулся самому Борису Николаевичу. Может быть.

Так или иначе, в архитектурных сферах недоумевают до сих пор. Существует не то чтобы иерархия, но подтвержденная практикой система авторитетов. Есть архитекторы-мэтры, есть архитекторы-приближающиеся-к-мэтрам, есть архитекторы-приближающиеся-к-приближающимся-к-мэтрам. И есть, оказывается, никому почти что не известный архитектор Ульянов, который и берется за Заказ Заказов. И ладно бы создал он нечто шедевральное, поразительное, невиданное. Так ведь ничем не выделялся вариант Бориса Ульянова. До оглашения результатов я и внимания-то на него не обратил.

Впрочем, пора рассказать про проект. Он предполагает восстановить Воскресенские ворота, Иверскую часовню и часовню Александра Невского. Площадь же саму благоустроить каменной мозаикой (с археологическими добавлениями), зеленью, расставить фонари, организовать диффузное звучание (то есть с рассеянным источником, когда идущий человек слышит приятную музыку, а откуда она — непонятно, словно сам воздух звучит). Снизу между мозаичными камнями установить подсвет-

ку — вверх.

Восстановить речку Неглинную. Не то чтобы вытащить ее, грязную, изпод земли и «возродить» традицию московских наводнений — нет. Сделать движущийся водоем с зелеными мшистыми берегами. Что-то вроде бассейна — из трубы А вытекает, в трубу Б затекает и при этом фильтруется.

Изменить границы Александровского сада, восстановить его решетку, восстановить ротонду, что была с восточной стороны Манежа.

Упразднить автомобильное движение по Манежной улице. Впрочем, это — затея Лужкова.

Под площадь вырыть подземную площадь, а под подземной площадью — еще одиннадцать этажей. В них — «Центр искусств» с выставочным залом, «оснащенный современной музейной технологией и оборудованием», киноконцертный зал на 1000—1100 мест, рестораны, кафе, бары, буфеты, магазины, мастерские, Иверская столовая на 120 мест с бесплатной кормежкой и гараж-стоянки на 3020—3100 автомобилей. Позднее добавлено и казино.

Улькин угодил всем вкусам — как в архитектурном, так и в социальном смысле. Тут вам и восстановление исторической застройки, и функциональное освоение подземного пространства, и даже световодомозаичный агрегат.

А не угодно ли в часовне помолиться? Автомобильчик здесь пока поставьте. Теперь пожалуйста в казино. Ах, у вас денег нету? Тогда в бесплатную столовую. Ну как вам наша выставка картин? Да вы поплавайте в Неглинной-то, поплавайте. А вот мы сейчас роля из-за кустов выкатим. Как, вы еще не посетили наши мастерские?

Синкретичность — главное, что настораживает в проекте. Он удовлетворяет всех. И потому уж вряд ли может быть хорош. Словно знаменитые бутерброды кота Бегемота — «ты еще виноградину сверху положи». Все по отдельности — приятно, в крайнем случае — терпимо, но когда оно валится в кучу...

Это уже не эклектика, это ассорти. К тому же принудительное. Как еще свежа в памяти нашей торговля с нагрозкой.

Увы, проект не сочетается ни с Кремлем, ни с Тверской улицей, ни с Манежем, ни с Москвой вообще. А подсветка «в никуда» — нарушение цветовой экологии. Правда, в нашей стране это понятие пока еще не популярно. Зато лицо, подсвеченное снизу, вряд ли станет красивее.

Появление у стен Кремля огромнейшего котлована и вовсе грозит ка-

тастрофой. Ведь в основе тех стен и кремлевских фундаментов — деревянные сваи. Они прекрасно сохраняются в воде, но быстро рушатся в сухой среде. Если грунтовые воды рванут к гигантской яме (а они просто обязаны рвануть), то Кремль может запросто рухнуть. Останется один лишь Дворец Съездов.

Впрочем, по мнению автора, все это — не беда. Подсветка никому не повредит, подземные потоки можно будет удерживать, а сочетание с Москвою даже философски обосновано. Автор и термин изобрел для своего проекта — «притчевая архитектура». Якобы есть Окуджава, есть Гиляровский, есть Охотный ряд, прочие московские явления — с ними со всеми согласуется новый проект. Звучит хорошо, а на деле...

Нетрудно представить, как под часовой валяются пьяные бомжи, у входа в казино стреляют смуглолицые, на глади Неглинной колыхается всякая дрянь, диффузный агрегат рекламирует картофелеуборочные комбайны, а «археологические добавления» выковырены из «каменной мозаики» и продаются за доллары на стадионе в Измайлове.

Впрочем, Борис Ульянов верит — архитектура может и должна воспитывать людей. Поэтому считает себя где-то и миссионером.

Кстати, его архитектура — уже воспитывает. Ведь единственный объект, построенный Борисом Григорьевичем в Москве, — пристройка к школе № 558, что на улице Тимура Фрунзе. Учителя относятся к нему с любовью, ласково зовут — «наш Ульянов» и сожалеют, что пристройки — «а она такая интересная» — как бы и нет. Ведь пристройка — тщательно продуманная, где все затейливо и не случайно, — просто не соответствует потребностям нормальной школы, в ней почти ничего не используется по назначению, а самую причудливую комнату — «с кривыми стенами и окном на потолке» — мне так и не показали. Очень хотели — да ключ не нашли.

И похоже, что новый проект тоже сделан для каких-то выдуманных людей. Для опрятных нищих, для добродетельных коммерсантов, для честных буфетчиков и трезвых гуляк.

Он — словно модная одежда (при этом — качества не высшего), расчитанная лишь на подиум. Людей, которые бы вышли в ней на улицу, — не существует.

Так и ульянский проект. Он, конечно, в чем-то интересен и, наверное, имеет право жить. Но не в Москве. А в городе...

Которого опять-таки не существует.

Екатерина Гончаренко

Товарищ генерал, наденьте эполеты...

Кити была в одном из своих счастливых дней. Платье не теснило нигде, нигде не спускалась кружевная борта, розетки не смялись и не оторвались; розовые туфли на высоких, выгнутых каблучках не жали, а веселили ножку... Черная бархатка медальона особенно нежно окружила шею. Бархатка эта была прелесть, и дома, глядя в зеркало на свою шею, Кити чувствовала, что эта бархатка говорила...

Лев Толстой. Анна Каренина

Успех у него с самого начала был грандиозный. Хотя и «в узком кругу» — среди посетителей курортного парка города Кисловодска, где он разместил мастерскую. Его рекламное объявление озадачило курортников. Прямо тут же случайные прохожие начинали отчаянно спорить между собой. Одни говорили, что это пошлость и мещанство. Другие восприняли идею с восторгом и — если у них были деньги — платили. «Других» было много.

«Клиентура моя в основном — жен-

щины. (Хотя и мужчин это иногда привлекает.) Возраст 30—40 лет. Большею частью жены богатых людей — кто-то ведь должен за это платить. Профессии самые разные — юристы, экономисты, сотрудницы министерств»...

Сотрудница министерства никогда не наденет черную амазонку со шлейфом и шляпу со страусовыми перьями. Рука экономиста не будет сжимать перламутровый веер, и в кружевах ее платья не запутается маленькая собачка. Юристы не носят широких рукавов из розового атласа, бросающего блики на их нежные лица. Мы живем в XX веке — ничего не поделаешь.

Может быть, это и к лучшему. Таскать в летнюю жару пышные наряды было неудобно. От корсетов деформировались ребра. В полуметровой высоты прическах заводились, говорят, «доисторические животные». И — окажись у них возможность выбирать — юристы, и экономисты, и сотрудницы министерств выбрали бы легкие платья и мини-юбки, леггинсы и свободу. Но одно дело реальность, а другое — мечта. Особенно в наше время, когда так много говорят о возрождении национальных корней, традициях русского дворянства и высокой духовности. Именно поэтому года четыре назад художнику из Кисловодска Вячеславу Полещуку пришла в голову гениальная идея — рисовать своих клиентов в костюмах прошлых веков.

Он раскладывает перед заказчиками целый веер репродукций со старинных портретов. Вот «Смолянки» Левицкого. Вот маркиза де Помпадур. Вот Натали Гончарова в декольте и прическе «Бидермейер». Вот она же в белом платье, шляпе с пером, прелестное детское лицо повернуто к нам вполоборота. Вот генерал Раевский, портрет из знаменитой галереи героев 1812 года.

Когда костюм выбран, начинается работа. Прежде всего, конечно, рисуются лица.

Лица юных девиц, в чьих широко открытых глазах отразились все увиденные в детстве индийские фильмы и просмотренные в юности «Санта-Барбары».

Лица немолодых женщин, у которых, до их нынешнего преуспевания, были годы очередей и общественно-го транспорта.

Лица деловых людей, которые не сохранили воспоминаний о том, как государь император вручал им саблю с золотым эфесом за храбрость, но зато прекрасно помнят, как их пару лет назад гоняла милиция с Белорусского вокзала во время облавы на наперсточников.

— Ко мне часто приходят люди такие... не очень красивые. Но я считаю, что задача художника — идеализировать своих героев. Я вообще родился идеалистом.

Я закончил Краснодарское художественное училище. В Союз художников не довелось вступить. Потом работал оформителем, стенды рисовал. Хотел, конечно, хотел открыть свое ателье. Но помните, какое было время... «Как это так, а как вам будут за портреты платить? Сдельно или по часам?» Не разрешили. А потом началась перестройка, на Арбате появились художники и у нас в Кисловодске тоже. И я начал рисовать. Но сейчас рост цен, инфляция, отдыхающих мало. И я перебрался в Москву.

— Сначала, как я понимаю, вы рисовали в современных костюмах?

— Да, но потом я почувствовал, что мне что-то мешает. Все великие художники прошлого идеализировали свою натуру. Вот и я делаю такой ангельский лик, а эти современные наряды просто убивают. И тогда я решил рисовать в одежде, которую носили 100 и 200 лет назад.

Сначала пришлось создать коллек-

цию костюмов. Но тут мне был просто подарок с неба. Умерла пожилая женщина, которая 25 лет собирала открытки со старинными портретами. Я поехал, купил все это, потом отобрал то, что мне нужно. Книги стал покупать, альбомы...

— Вы сами что-нибудь добавляете в костюм? Или хотя бы позу меняете?

— Художник, который это рисовал, уже все продумал. Он писал портрет по полгоду, а я за месяц должен управиться. И потом — в этих костюмах ничего менять нельзя. Над ними работала в те времена группа из пяти-шести человек. Модельер, ювелир, парикмахер, башмачник. Здесь все создавалось как единое целое — одежда, украшения, прическа.

— Кстати, насчет причесок. Вот у вас портрет дамы в костюме Урсулы Мнишек с портрета Левицкого. Что у нее с волосами? Надо лбом совершенно явно стрижка и химическая завивка, а потом начинаются локоны в стиле XVIII века. Это ваша фантазия или такова была производственная необходимость?

— Видите ли, я читал воспоминания великих мастеров. Если уж они говорят, что надо иногда уступать заказчику... Потому что я ведь живу этим. А с прическами вообще сложно. Вот эти вот, высокие, совершенно меняют лицо. Если женщина носит челочку, она обязательно хочет ее сохранить. Неважно, носили их тогда или нет. И приходится идти на компромиссы.

— У вас в вашей коллекции есть портрет Венецианова — женщина в крестьянском костюме. Он тоже пользуется популярностью?

— Нет. Все хотят быть нарисованными в светских костюмах. Я вообще считаю, что будущее — за салонным искусством. Наши миллионеры сейчас только начинают тратить деньги на себя. Я читаю «Коммерсантъ», поэтому знаю. Сейчас им надо построить коттедж, обставить его мебелью. А когда это будет сделано, что останется? Повесить портрет на стену. Через пару лет у меня будет самая дефицитная профессия. Потому что портретистов, пишущих маслом, мало. Шиллов пишет — у него клиентура, сами понимаете, какая. Глазунов ниже королей не опускается. А простым людям, значит, надо сюда идти.

— Вы не боитесь конкуренции со стороны профессиональных фотографов? В конце концов клиентку можно нарядить в какой-нибудь костюм и просто снять — дешевле и быстрее.

— Зато в живописном портрете нет точности возраста. Посмотрите — вот этим женщинам можно дать и 20 лет и 38. Фотоаппарат же берет все морщины, веснушки, мешки под глаза-

ми. А я все привожу в соответствие с канонами греческой красоты. Но в то же время портрет должен быть похож. Потому что чужое изображение никому не нужно.

— Какие костюмы предпочитают мужчины?

— Если военные — непременно хотят быть в мундире прошлого века. Тогда военная форма была чудесная. Если приходит подполковник — он непременно хочет, чтобы его изобразили в форме генерала. Или хотя бы полковника. Но они так объясняют: «Это — на будущее. Я свою карьеру еще не закончил».

Я вам сейчас покажу мою коллекцию мужской одежды. Вот, смотрите. Чиновничьи костюмы, они хоть и с орденами, но непопулярны. Вот такие любят. (Показывает на Барклая де Толли. Следом — портрет Лермонтова.) Нет, гусары не популярны.

— Почему? Такой красивый мундир.

— Ну, гусар — олицетворение удалства. Женщины, вино, дуэли... Клиенты предпочитают что-нибудь более сдержанное. Если штатские — фраки любят.

— А что вы считаете самым трудным?

— Рисовать семейный портрет. Тут надо и рассадить всех правильно, и освещение сделать, и, главное, костюмы подобрать, чтобы не были перемешаны эпохи.

— Вы с потомками дворян не поддерживаете отношений?

— Я звонил один раз в Дворянское общество, предлагал свои услуги. Но, когда они узнали про цену — сто долларов за портрет, испугались: «Что вы, у нас таких денег нет». А я не могу брать дешевле. Сейчас все дорожает — холст, краски, рама. Но, может быть, дворяне еще разбогатеют...

У него бывают клиенты из-за рубежа — бывшие наши соотечественники, которые приезжают на пару месяцев в Россию и увозят потом вместе с икрой и янтарем еще и собственные, свернутые в трубочку портреты. Он считает себя именно тем художником, который нужен нашему времени. Его идеал — Боровиковский, художник, который рисовал красивых женщин и перед каждой новой работой молился Богу, чтобы тот помог ему в его работе. На прощанье он подарил мне Евангелие и пообещал нарисовать карандашом в костюме времен Пушкина.

Согласилась ли я? Думайте сами.

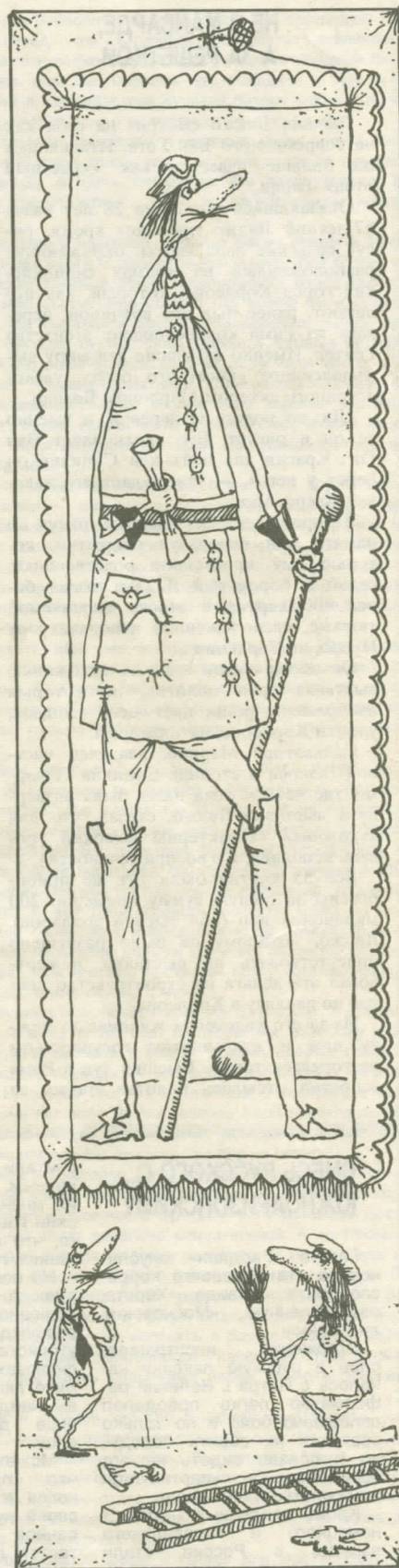

Рис. А. Зайца

НЕ В МАНСАДЕ, А ЗА РЕШЕТКОЙ

Лючано Лиджо смотрит на себя как на современного Ван Гога. Итальянцем он больше известен как «крестный отец» мафии.

Оказавшийся в тюрьме 28 лет назад 67-летний Лиджо проводит время, рисуя сельские ландшафты, окружающие расположенный на холмах сицилийский город Корлеоне, который, как полагают, ранее был его вотчиной, передат из Рима корреспондент агентства Рейтер. Именно Корлеоне дал миру вымышленного «крестного отца», увековеченного актером Марлоном Брандо.

«Лиджо родом из деревни, и именно ее он и рисует. Его вдохновляет Ван Гог. Краски для пейзажей Сицилии он берет у него», — утверждает его адвокат Пьеро Арру.

За прошедшее десятилетие, рисуя по памяти или используя открытки, которые ему присылают родственники, седой и бородатый Лиджо создал более 400 картин в строго охраняемой тюрьме, расположенной неподалеку от Нуоро, на Сардинии.

Он обрел новую славу — художника, выставив свои полотна, на которых изображены рожи цветущего миндаля, уточки Корлеоне, натюрморты.

Сальваторе Марино, владелец частной галереи в столице Сицилии Палермо, где четыре года назад была развернута выставка Лиджо, сказал, что для художника «характерны высокий уровень исполнения и восприимчивости».

Все 55 картин были тут же приобретены за общую сумму примерно 200 миллионов лир (164 тысячи долларов). Лиджо, которому не было разрешено присутствовать на выставке, пожертвовал эти деньги на строительство центра по диализу в Корлеоне.

Из-за его увлечения живописью между ним и итальянским государством разгорелась тяжба. Высший суд в Риме запретил отсылать полотна Лиджо за

пределы тюрьмы. Как заявил суд, таким образом он мог бы передавать гангстерам «сообщения, которые невозможно проверить, или же совершать другие нарушения закона».

Разгневанный этим запретом, Лиджо намерен с помощью своей живописи доказать, что у него есть источник существования и квалификация, способные улучшить условия его пребывания в тюрьме.

«Когда я беседовал с ним об этом запрете, он прореагировал как любой другой человек, которого лишили свободы самовыражения. Он живет живописью, это для него главный источник доходов», — заявил Арру в одном из интервью.

После выставки Лиджо получил заказы из США, Германии, Испании и других стран. Но покупателям придется подождать. Пока Лиджо может лишь вывешивать свои произведения у себя в камере или же хранить их на тюремном складе.

КАПУСТА НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ

Еще в 1988 г. французский фармацевт Клод Делайен подал заявку на регистрацию в качестве изобретения нового способа лечения пяти десятков самых разных заболеваний — от невралгии зубного нерва до рака и СПИДа. Оказывается, все внутренние и внешние, в том числе вирусные, возбудители болезней бессильны, если магнитное поле вокруг тела человека уравновешено. А для уравновешивания магнитного поля изобретатель предложил использовать жидкий препарат, содержащий 25 процентов экстракта броссельской капусты, 25 процентов экстракта белокачанной капусты и 50 процентов соевого масла. Но главное условие действенности препарата в том, что он должен приготавливаться только в странах Северного полушария и в строгие календарные сроки.

Как бы то ни было, патентное ведомство Франции изобретение официально зарегистрировало и описание его опубликовало. Так что теперь каждый может приготовить для себя чудодейственное средство. Так как в связи с нехваткой лекарств сейчас это особенно актуально, мы публикуем рецепт изготовления препарата полностью. Для получения капустного экстракта используют минеральную воду (содержание ионов в мг/л: кальция 88, магния 8, натрия 6, калия 1, бикарбоната 248, сульфата 41, хлорида 12, нитрата 0,1; pH 7,4).

10 апреля стеклянный сосуд на две трети объема заполняют нашинкованной броссельской капустой, заливают минеральной водой, закупоривают и выдерживают 40 суток. 21 мая сосуд открывают, содержимое фильтруют, отфильтрованную жидкостью заполняют другой стеклянный сосуд, на две трети заполненный нашинкованной белокачанной капустой. Сосуд закрывают, выдерживают 30 суток, 21 июня жидкость отфильтровывают и смешивают с соевым маслом. Препарат готов! Остается регулярно намазывать его на больное место или вокруг него на несколько минут и ждать выздоровления. Если заболевание имеет общий характер, то изобретатель рекомендует наносить препарат на лоб.

СМЕСЬ РУССКОГО С... ЮЖНОАРИЗОНСКИМ?

Газета «Гардиан» опубликовала статью своего корреспондента Дэвида Херста, озаглавленную «Московский дневник»:

Вторжение иностранных слов в русскую лексику началось с Петра I. Великий реформатор легко преодолел оппозицию бояр и не только заставил их сбрить бороды, но и обязал сидеть на его ассамблеях в «партикулярном» платье и пить вино.

Кроме введенных Петром I немецкого и голландского языков, в России стали пользоваться французским. Он выражал все, что русские

считали утонченным, изысканным, словом, то, чего, по их мнению, не выражал русский язык. Дело дошло до того, что многие дворяне разучились говорить по-русски.

Но если старый режим был плох, то не лучше были и революционеры. Они постоянно рассуждали о социалистах-утопистах, о синдикатах (профсоюзах) и идеологии. Возьмите любую работу Ленина, и вы найдете на каждой странице десяток иностранных слов.

Можете себе представить, что происходит сегодня, когда в моде отращивание к своей культуре, а все иностранное автоматическое считается лучшим, чем отечественное. К тому же в России нет никакой лингвистической

защиты, такой, как, например, Французская академия.

Английский язык стал языком так называемой демократической политической жизни, бизнеса, моды, рок-культуры, молодежи. Обычно вторжения в Россию удавалось останавливать где-то под Москвой, но на этот раз дело обстоит иначе.

Как отмечал Солженицын, вполне хорошие российские концепции вытесняются западными, которые лишь все запутывают. В России никогда не было парламента, обсуждающего проблемы, а затем проводящего голосование. У них всегда было правительство, которое не утруждало себя демократическими дебатами. У них никогда не было мэров, у них

были градоначальники, а это совсем иное дело.

Откройте сегодня любую газету, и вы будете сбиты с толку такими заголовками, как «Приватизация», «Нужны коррективы». Все говорят о «конструктивном решении проблемы». Однако такие слова, как «безработица» и «черный понедельник», здесь еще предстоит узнать.

Но, простите меня, я несколько отвлекся, а у меня еще так много дел. Как любой западный журналист, я ведь должен присутствовать на огромном количестве «брифингов», причем каждый из них продолжается минимум полтора часа. На них все хотят, чтобы у них взяли интервью об «оптимальных путях преодоления их кризиса».

Письмо Евгению Евтушенко

Уважаемый Евгений Александрович!

Странно, конечно, что целый год понадобился Вам, чтобы ответить на мою статью о Вас в «Столице» № 29, 1992 г. Она была написана к Вашему юбилею, но содержала, кроме высоких оценок Вашего творчества («был и остался самым знаменитым поэтом послевоенных десятилетий»), многие критические замечания. Особенно меня интересовал (и продолжает интересоваться) удивительный, парадоксальный симбиоз, который образуют протестующие «шестидесятники» и тогдашняя государственная власть. Она не могла без них, они не могли без нее, объективно обе стороны поддерживали друг друга, но при этом формально находились в состоянии противоборства.

И вот Ваш ответ («Литературная газета», 7 июля 1993 г.). Иначе как «субъектом» Вы меня не называете, пишете, что между мной и редактором «Дня» А. Прохановым нет никакой разницы, а мое «прошлое во времена застоя» называете «неоправимо бесславным». Вы даже пишете: «Мальгин не чурался ласково потереться одним боком о дойную корову соцреализма, а другим боком на всякий случай осторожно грелся в лучах славы шестидесятников». Короче, сам дурак.

Похоже, что желчь, в течение года разливавшаяся по Вашему организму, добралась в конце концов до мозга. Иначе как объяснить, что Вы при Вашей «памяти почти электронной» (так, кажется, писал о вас Межиров?) забыли, о чем я писал на заре своей юности, «во времена застоя», в той же «Литературной газете» (куда поступил работать по Вашей же рекомендации) или в журнале «Юность» (где начал со статьи про Вас). Может, это прозвучит нескромно, но библиографические указатели подтвердят, что тогда я был первым из литературных критиков, кто стал резко полемизировать с журналом «Наш современник», кто поддерживал всеми силами молодое литературное поколение, утверждавшееся как раз в борьбе с соцреализмом, кто, наконец, не раз протягивал руку помощи Вам. Да-да, Вам, Евгений Александрович. Я обманул своих начальников в «Литгазете», сообщив им, что Ваш самоубытный фильм «Детский сад» уже принят в Госкино, и опубликовал первую восторженную статью о нем, а фильм был, напротив, не только не принят к показу, а запрещен. Статья помогла ему выйти на экран. Я защищал от несправедливых наскоков Ваш роман «Ягодные места». Несколько лет подряд, по указанию зампреда Гостелерадио Орлова, Вы не звучали по советскому радио. Я сделал часовую беседу с Вами, мы записали в студии Ваши стихи — и передача удалось пробыть (с помощью замечательных людей, работавших тогда в литературной редакции радиовещания), с Вашего имени сняли табу. Когда Вы написали поэму «Фуку!», где впервые был выведен Берия (правда, не названный по имени), разве не я придумал устроить ее публичное чтение перед рабочими в Доме культуры в Зеленограде, где у меня живут родители, — после этого, сославшись на «мнение народа», Вам было проще «пробыть» поэму в «Новом мире»... Эх, да что говорить! Как странно, что Вы все это забыли. Но я-то помню, я хорошо помню те годы, когда занимался литературой. Мне не в чем себя упрекнуть.

Как боевого коня Вы выставляете вперед некую «дойную корову соцреализма». Может быть, Вы имеете в виду три брошюры, выпущенные мной в издательстве «Знание», — оппоненты иногда припоминают их мне как «конъюнктурные». Я подарил Вам в свое время все три книжки. Они — о публицистической поэзии, о ее праве на существование. Если бы Вы заглянули в них, Вы бы увидели, что основное место в них занимает разбор Вашего творчества, Евгений Александрович. Так что главный «соцреалист» в них — Вы.

Вы вспоминаете о своем протесте против ввода советских войск в Чехословакию, упрекая меня, что я в те времена «вообще не высовывался». Как же я мог высунуться, если мне было десять лет? Я высунулся позже. Но не буду, подобно Вам, расписывать свои героические поступки. Вернусь лучше к тексту Вашего ответа в «ЛГ».

Кстати, он называется «Синдром Мальгина—Проханова». Да будет Вам известно (а может, известно все же?), что первая попытка выгнать меня из «Литгазеты» была предпринята после того, как я широко распространил по Москве самиздатским способом неопубликованную статью Виктора Конецкого как раз о Проханове, статью, в которой от «соловья Генштаба» оставалось просто мокрое место? Проханов после этого заболел нервной болезнью (не забыв пожаловаться в ЦК), а мне моя начальница сказала: ищите другую работу. Как же Вы можете объединять нас с Прохановым в одно целое, как Ильфа и Петрова?

Да, действительно Вы бомбардировали власть прерывающую своими письмами протеста (не забывая, еще раз напомню, отправлять копии западным корреспондентам — для поддержания публицити). Вы даже написали (или подписали) письмо, протестующее против исключения из Союза писателей Владимира Войновича. Но ведь в те же дни и месяцы Вы всячески чернили его, советовали каким-то иностранцам не встречаться с ним,

убеждали всех подряд, что Войнович придумал, будто его преследует КГБ. Узнав полтора года назад, что «Столица» собирается публиковать воспоминания Войновича об этом факте Ваших с ним взаимоотношений, Вы по телефону стали угрожать мне. Вы говорили, что подадите в суд не на Войновича, а именно на меня, как редактора журнала, потому что мало ли что написал писатель, а редактор мог бы и не публиковать написанное.

Во время того телефонного разговора я впервые понял, что с Вами произошло. Ведь Вы вели себя точно так, как литературные генералы брежневской эпохи. Да Вы и были генералом. Вы забронзовели. Вы признавали упоминания своего имени только в положительном контексте.

Но вот после десятка вполне лояльных статей о Ваших стихах я решил написать статью и о Вашем месте в общественной жизни. Тем более что к тому времени Ваш общественный облик окончательно определился в моих глазах. Прочтите мою статью еще раз (за год можно бы и остыть). «Субъект», написавший ее, выразился вполне определенно: «Слов, брошенных на ветер, слов светлых, пустых, сиюминутных у Евгения Евтушенко было предостаточно. Но если их положить на одну чашу весов, а на другую поместить стихи, ставшие событиями политической жизни, нашедшие широкий общественный отклик, вторая чаша, конечно же, перевесит». Даже после всех Ваших оскорблений я этой точки зрения не изменил. А вот с других, нелитературных, сторон Вы раскрываетесь все больше. И не лучшим образом.

Лейтмотив Вашей литгазетовской статьи, да, пожалуй, и других выступлений последнего времени, — попытка разных мелких людей («мосек») примазаться к Вашей безмерной славе. Всю жизнь Вы вели себя как человек, одним взглядом своим приносящий людям счастье. Вы уверены, что Вы многим помогли. Я тоже знаю такие случаи, но Боже, Вы даже не замечали, что Ваша помощь могла быть оскорбительной для тех, кому Вы «помогали». Да интересовались ли Вы когда-нибудь дальнейшей судьбой своих протестующих посланий?

Вот Вы распространяете действие «синдрома Мальгина—Проханова» на талантливого поэта Андрея Чернова, позволившего себе осудить Вашего кумира Маяковского. При этом Вы не забываете напомнить: «Когда юного Чернова в застойные времена «зарезала» приемная комиссия Союза писателей, я написал письмо протеста. Чернов — одаренный человек».

Евгений Александрович, неужели Вы забыли, как было дело? После того заседания приемной комиссии мы сидели с Черновым в ресторане Дома литераторов, заливали горе вином. Вы подвели за наш столик, я познакомил Вас с Андреем, мы продолжили выпивку. И вот на салфетке (или даже обрывке салфетки) Вы написали буквально следующее: «В Московской организации Союза писателей 400 поэтов. От приема Андрея Чернова в ее состав качественный состав секции поэтов не ухудшится. Евгений Евтушенко». Вот и все Ваше письмо протеста. Само по себе двусмысленное, оно было совершенно ничемным, и Вы прекрасно понимали это. Что же, в Союзе писателей должны были эту салфетку подшить к личному делу Чернова? Или «письмо протеста» сразу изготавлялось как экспонат для будущего мемориального музея?

А Вы никогда не задумывались, почему того же Войновича, к примеру, после его писем протеста едва на тот свет не отправили, отовсюду повыгоняли, а потом и из страны выслали, а Вам — ордена, премии, собрания сочинений, а после каждого развода — все более просторную квартиру (дело закончилось при Брежневем тем, что Вы въехали в квартиру, в которой до вас жила его дочь Галина)? Да Вы позарез были необходимы советской власти, Вы, протестующий, независимый, скандальный! Вам орден за Ваши протесты вешали, как Вы этого до сих пор не поняли!

И последнее обвинение, на которое я не могу не ответить. Вы считаете, что я «грелся в лучах славы шестидесятников». Ну, во-первых, когда я в силу возраста, получил возможность «греться» в лучах славы шестидесятников, эта слава уже была довольно сомнительной. А во-вторых, я не грелся вовсе, а изучал шестидесятников, особенно их поэзию, как явление. Я написал и издал большую книгу о Роберте Рождественском. Писал (но недописал) две другие книги — об Андрее Вознесенском и о Вас. Жизнь закрутила и отбросила совсем в другую сторону. Но я все же надеюсь закончить начатое. Мне есть что написать о Ваших стихах, о Вашей общественной позиции, о Ваших человеческих качествах. Там я смогу высказаться по затронутым здесь проблемам более полно и, надеюсь, более доказательно.

Вы так много раздаете советов направо и налево. Выслушайте, если сможете, и один мой совет. Вы разменяли седьмой десяток. За Вашими плечами бурная, богатая событиями жизнь. Вы оставили свой след в истории этой страны. Не нервничайте. Не стремитесь снова оказаться впереди прогресса — Вы можете стать просто комическим персонажем. Не читайте газет. Садитесь за мемуары. Во всяком случае, это более достойный жанр, чем жанр литературного доноса.

Впрочем, что Вам мои советы? Ведь я теперь для Вас «субъект» и «моська». Тем не менее остаюсь

Ваш
Андрей МАЛЬГИН

Кадр из фильма

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

«Окно в Париж»
К/ст. «Фонтан» при
участии ст. «Троицкий
мост», «Фильм дю Булюа»
(Франция), реж. Ю.Мамин

Героиня другого фильма под названием «Увидеть Париж и умереть» никакого Парижа не увидела и умерла. Герои этого фильма Париж увидели, пожили в нем и не умерли. А одна из героинь (в исполнении звезды французского кино Агнес Сораль) не умерла, даже прямо в банном халатике и с полотенцем на голове шагнув из Парижа в утрированно ободранный и по-ноябрьски грязный Питер. Мало того, все герои к концу фильма вернулись на свои места. И, опять-таки, не умерли. Так что новый фильм Мамина — это очень оптимистическая комедия и потому очень смешная. Простенький сюжет про волшебное окно, через которое можно попасть в Париж, как всегда у этого режиссера, оброс невероятным количеством бытовых подробностей. Характеры «стоят» на месте, и персонажи сразу же наводят на мысль: «Маска, я вас знаю». Зато ситуации, в которых крутятся эти живые марионетки, мелькают, как в калейдоскопе. Смотреть на яркие картинки легко и приятно. И можно не чесать затылок в поисках угрюмого подтекста, потому что все ясно, как в сборнике народной мудрости: хорошо, где нас нет, но в гостях-то

хорошо, а дома еще лучше, хотя свинья везде себе грязь найдет, даже на стеклянных мостовых Парижа. Но почему-то в фильме все эти малые истины и бородастые анекдоты не обращаются в пошлость. И это лишний раз подтверждает тот факт, что анекдот, байка и знакомая ситуация как детонатор киносюжета порой гораздо интереснее, чем толстый и умный роман. Главное, чтобы в каждой шутке была доля не только шутки.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

СИЛА СЛОВ

Выставки галереи
«Москоу Файн Арт»

Свеженькая галерея «Москоу Файн Арт», открывшаяся впервые в марте этого года, показала свою вторую выставку. Художники один другого лучше и известней: А.Туманов, Г.Литичевский, вся семья Мамоновых, В.Колейчук, С.Шаблавин, Б.Жутовский, И.Вулох, М.Молочников и т.д. То есть с уровнем искусства все в порядке. И контраст обеспечен — за окном кичует наш славный Арбат-мартр. Но что-то не дает безоглядно радоваться моему слабому сердцу критика. Может быть, дело в том, что работам тесно, а мыслям от этого не просторно? Помню, что на первой выставке «Абсурд и гармония» большая работа Литичевского убивала

маленькую работу Туманова, подвешенную над ней. Теперь обидно за скульптуру Е.Суровцевой, которая не столько поставлена, сколько приткнута. Но самое убийственное — это все-таки «искусствоведческое обслуживание». В бледных от учености листочках пресс-релизов и про «Инь и Янь» сказано, и про великолепную триаду-армаду («единое — ум — душа»), и всякое такое прочее. Читаешь, и нисходит облегчение, поскольку предсказано, что «каждого зрителя заинтересует хотя бы один из представленных видов искусства. Таким образом, зритель также представляет собой триаду — «единство — все — не все»... Впрочем, бывает еще хуже — на выставку Кати Васильевой в «Пурыгин-геллери» я и вовсе побоялся идти из-за силы слов, пропечатанных на буклетной бумаге: «Абстрактная живопись удивительно живуча — она подобна жирной устрице, чьи створки заманчиво приоткрыты, а студенистое тельце достается настойчивому гурману...» Нет! Не хочу быть «настойчивым гурманом», лучше попрошусь к Кате в мастерскую, там посмотрю и поговорю с художницей. Не хочу быть со «всеми».

Вильям МЕЙЛАНД

«У КОГО НЕТ КУХНИ, ТОТ НАС НЕ ПОЙМЕТ»

«На кухне»
диск группы
«ВА-БАНКЪ»
«Фили Рекордз»

Крепкий и качественно сделанный во всех отношениях, новый альбом московской пост-панк-группы «ВА-БАНКЪ» здорово отличается от предыдущих работ команды. Он акустический, хотя электрические инструменты кое-где присутствуют. Сюда вошли новые версии старых хитов: часто гоняемый по радио боевик «Черное знамя», ва-банковская версия песни Петра Мамонова «Досуги-буги» и масса классных хитов, из которых особенно хороша «Пьяная песня». Совершенно неожиданный для этой группы саунд создается при помощи аккордеона, контрабаса, а кое-где даже псевдобалалайки. Ненадолго забыв про свое «кляшевское» (жесткое) звучание, «ВА-БАНКЪ» даже выиграл. Во всяком случае, гитарные пассажи в «Ване» и «Капризе» выше всяких похвал. Кое-где подпекает Гарик Сукачев и целая команда друзей. Вообще, действительно — «кухонная музыка». Не зря ребята поют в одной из своих песен: «У кого нет кухни, тот нас не поймет».

Алексей ПЕВЧЕВ

ТЕНИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕДКОВ

«Белые ночи»
К/ст. «Ленфильм»,
реж. Л.Квинихидзе

Пионером в славном деле воскрешения теней литературных предков Леонид Квинихидзе никак не является. Но зачем он потревожил персонажей Достоевского, в принудительном порядке переселив их из призрачного Петербурга в унылый пост-Ленинград начала девяностых, — решительно непонятно. Несмотря на то, что официальным производителем «Белых ночей» значится «Ленфильм», само это простодушное кино выдает своих тайных и заинтересованных инвесторов. Во-первых, это наверняка министерство народного образования, отчаявшееся заставить школьников прочитать белоночную повесть. Видимо, чтобы достичь желанной цели, мечтательный герой был пересажен за руль грузовика-хлебовозки, а ветреная героиня поступила в техникум. И сразу же ветхий сюжет стал роднее и ближе. Второй инвестор, судя по всему, — руководство хлебопекарной промышленности. Иначе к чему этот долгий вставной клип, демонстрирующий наши достижения в области выпечки и транспортировки буханок? Третий — общество охраны памятников, по чьей указке герой ведет бесконечные разговоры с героиней, изъясняясь в любви к опустевшим домам и скрипучим мостикам. При этом его машина кружит по одним и тем же улицам, как ни пытается оператор создать иллюзию разнообразия. Как выяснилось из фильма, о быте современной мафии режиссер имеет представление самое смутное. Это, наверное, хорошо. Плохо только то, что инфляция галопирует и сегодня никак нельзя разделить восторгов бедной домохозяйки, которая принимает из величественных рук

жильца-мафиози тысячу рублей в качестве месячной платы.

ДМИТРИЙ САВЕЛЬЕВ

ВЫСОКОЕ ДНО

«На дне»
Российский
национальный
драматический
театр, реж. В.Тепляков

Надо надеяться, что создатели спектакля сумеют, что называется, встать на ноги и наладить регулярный прокат (впервые он был на сцене театра им. М.Н.Ермоловой). Если это произойдет, то я рекомендовал бы водить на спектакль школьников. Это не ирония, а как раз комплимент, тем более что никакому начальству, кажется, не взбрело еще на ум выкинуть прекрасную пьесу Горького из школьной программы. Для сегодняшнего зрителя, не только вдоволь наглядывшегося на многообразные виды «дна», но и — зачастую — побывавшего там, «На дне» — просто текст, и притом, как все «классическое», — из скучных. Удача создателей спектакля в том, что они приняли весь этот груз «классичности» как данность, и отнюдь не отрицательного свойства. Пьеса сыграна с той страстью к иллюзии, к воображаемому персонажам и их конфликтам, которая и составляет главное притягательное свойство театра. Со вкусом и силой играют практически все актеры, причем никто не смущается соседством и премьерством могучего Алексея Петренко-Сатина: многое сделано «на Петренко», но и все прочие не обделены. Отсюда видно, какая «На дне» все-таки «бенефисная» пьеса, а с нынешней точки зрения — еще и чуть ли не уютная и «домашняя»: вот, Актер на пустыре удавился — значит, все своим чередом идет... В общем, впору вспомнить, как, не замечая, видимо, некоторой двусмысленности, писал после своей постановки

Немирович-Данченко: «Перед «Дном» театр катился в тартарары», а затем — «сразу поднялся на достойную высоту». Заменяем в этой цитате слово «театр» на слово «жизнь» и выставим себе «пять» за хорошее знание классики.

МИХАИЛ СМОЛЯНИЦКИЙ

моды. Тем более что эта встреча с Казахстаном для нее — первая, сама она признается, что «до сих пор не знала о существовании такой страны». И тут наглядно демонстрируется патриотизм, которым и без того пронизан буквально каждый кадр «фильма»: в качестве эквивалента

Патрисия
Каас

БЛЮЗ ПО-ВОСТОЧНОМУ

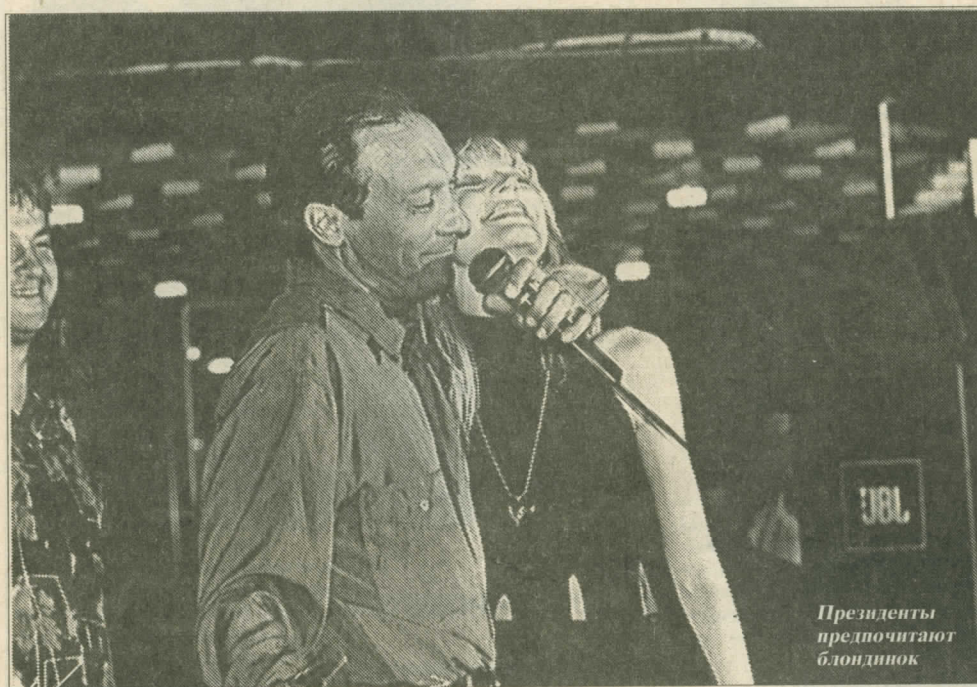
«Патрисия Каас:
воспоминание о
Востоке»
Фильм-концерт,
«Останкино»,
ред. «Народное
творчество»

Не в традициях этой рубрики рецензировать телепередачи, но какое правило без исключений? Тем более что создатели телеверсии выступления Патрисии Каас на конкурсе «Голос Азии—92» в Алма-Ате неосторожно назвали свое произведение фильмом. Не сомневаюсь, что певица будет долго вспоминать Восток, где ее встречали с истинно азиатским энтузиазмом, куда входило и водружение ей на голову тюбетейки с «волшебным поворотом», и аккомпанемент на домре песне «Мадемуазель поет блюз», и посещение местного Дома

французскому слову «pays» переводчик дает русское — «страна» (хорошо, что не «государство»), а каждому мало-мальски знакомому с языком Вольтера и Руссо очевидно, что Каас говорила лишь о «местности». Забавно, что показ концерта совпал с неоднократными заявлениями «известного певца» Акима Салбиева, что его свадьба с мадемуазель дело почти решенное, «во всяком случае, у меня больше шансов, чем у Алена Делона», уверял певец. Увы, поговаривают, что очаровательная Патрисия выходит замуж не за него и даже не за Нурсултана Назарбаева, а за парижского эротического модельера Пьера Жильи. Остается утешаться, что алма-атинским закрыщиком (туалеты от которых во множестве представлены в передаче) не хватило лишь небольшого зигзага «эротической фантазии», чтобы затмить удачливого купюрье.

ЭДУАРД ДОРОЖКИН

ТРИ МНЕНИЯ ОБ ОТКРЫТОМ РОССИЙСКОМ КИНОФЕСТИВАЛЕ

Президенты
предпочитают
блондинок

Жить нужно в кайф.
Лада Дэнс

Море было большое.
Тоже классика

Алексей
ЕРОХИН

*Апельсин
как мечта
идиота*

Всей правды не знает никто. И по большому счету. И в частности — по поводу Открытого Российского.

Например: кто главные герои этого кинофестиваля? Добрый ветеран Тодоровский с очередной трогательной киноисторией (водевиль-хаки, срывающийся в кромешную драму)? Вдумчивый прозектор-коллажист Ковалов с его «Островом мертвых»? Нет-нет: им дали по призу — и не более. Сведенный судорогой озабоченности Абдулов с его сороковником, отмеченным на арене цирка? Но он, увы, не столько «гения» напоминает, сколько «официанта с золотым подносом» (см. одноименные фильмы). Пичул, оскорбившийся за свои «Мечты идиота» и обложивший прессу, художественность его идиотства недооценившую? Так это не герой, а жертва (другой вопрос — чего: стереотипов

традиционного мышления или собственной изощренности). Замечательные Татьяна Васильева и Александр Збруев, выплывшие из полубабения и увенчанные наконец заслуженными лаврами? Но они не звездами смотрелись, а умиленными ясноглазыми детишками, невзначай попавшими в тусовку трудных подростков, затеявших в кои-то веки праздник послушания.

Кое-кого мне лично, правда, доводилось носить на руках — и не только охромевшего на почве гусарства и высоких заборов корреспондента «Коммерсанта», — но это просто любовь и дружба.

И все же герои на фестивале были. Просто у каждого свои. У меня так целых три: Чих, Шкет и Белка.

У Шкета одно полусогнутое ухо стояло торчком, другое вопросительно клонилось долу, что прида-

вало его усатой морде выражение удивленной сосредоточенности. Любимая позиция Шкета — возле дорожки, ведущей на пляж: он внимательно разглядывал дефилирующих мимо него гостей и участников, явно озадаченный их отличием от традиционного контингента сочинской «Жемчужины». Во взгляде его читалась тихая симпатия.

Белка обитала возле маленького кафе на набережной, которое автор этих строк и К^о усердно посещали, взалкав вина «Черные глаза», какое, впрочем, быстро покончалось, так что приходилось обходиться «Саперави». Распластавшаяся на асфальте Белка задумчиво смотрела вверх наших голов, с англазированной чопорностью не реагируя на всяческие наобумные «тузик-бобик-шарик». И только услышав свое подлинное имя, выведенное любознательными путешественниками у аборигенов, сделала вежливое лицо и поплелась к столику с меланхолической снисходительностью. Отведать импортного шоколада, однако, отказалась и вернулась к своим непростым думам — оставалось только сконфузиться от собственной фамильярности и подивиться возросшему самосознанию хвостатых курортных бродяжек.

А Чих — он и есть Чих: семенящее лохматое недоразумение, одержимое движением, словно хлопотливый муравей, — ноль внимания на окружающих, весь сосредоточен на цели, ведомой только ему. И что-то такое он все-таки нарыл: как-то на закате вся троица озабоченной трусцой попилила куда-то, ведомая именно им, карапетом Чихом, — и так хотелось подстроиться к ним...

Ведь там, куда они бежали, было наверняка интересней, чем на президентском (янковском) приеме, где в декорациях почти французского

парка бродили смокинги с бокалами, а отсеченный непреклонными кордонами «народ» безмолвствовал, сияясь издали разглядеть знаменитостей.

Между тем режиссер «Острова мертвых» поутру находит на диком пляже труп, а цена кружки пива в баре «Морской» возрастает с 56 до 94 рублей. Некоторые наивные умы утверждают, будто это подорожание — временное, только на выходные, но более прозорливые личности с трудом припоминают, что нынче вообще среда, и смиряются перед ходом вещей, а про труп уж и забыли.

На площади перед театром с пофыркиванием рвется в небо здоровенный пестрый монгольфьер — но постромки держат крепко, не дают взлететь. А он-то так напыжился, расфуфырился... Какая-то грустная проступает тут метафора — вот и триумфальный абдуловский конь наделал прямо на манеж, но не будем об этом — тем более что лабаёт «Машина времени», и под старый-старый «Новый поворот» и стар и млад, и суперстар пустились в дружный пляс, полный атас, и только скептик из «Столицы», который лажовый этот песняк сроду не переваривал, одиноко кукует за столиком, морщась на резковатый коньяк и вспоминая апельсин.

Тот апельсин из странной пантомимы, разыгранной на зеленом газоне, на фоне магнолий: задумчивые духарики во фраках и камзолах изображали нечто вроде светского раута, постепенно переходящего в безмолвный бедлам, когда со стола сдергивается скатерть, падают бокалы, катятся апельсины, с грохотом начинают рваться петарды и сомнамбулические девы проходят сквозь толпу зеваяк отстраненно, будто зомби, и некто в полиэтилене как знак напастей суших и грядущих, — искусство, блин, а апельсин живой, он

светится в траве, оранжевая, — сигнал надежды, счастья, путь свободен, притворства и перформансы вторичны, ты поднимаешь теплый плод с газона, что влажен от недавнего дождя, вот так искусство воплощается в реальность, похаваем культурки, господа, чья шкурка так податлива, внутри — есть утоленье жадны, жадды жизни (понятно ли, к чему свой бред клоню?).

Тем апельсином шло к закату солнца, когда уж закрывался фестиваль, и полунинская команда лицедеев устроила на площади бардак — пардон, спектакль с копотью дымов, пальбой шутих и прочим черт-те чем, пожарные машины подкатили, нагнали пены по колено, в ней резвились дети, гремел хард-рок, им весело там было, — но свысока, с балкона одиннадцатого этажа «Жемчужины», картина была иной: пенно-дымный пляшущий котел (как будто кто поджаривает снизу) — и обступившие шумный тарарам задумчивые вечерние деревья, а за ними — тишайшее море с двумя недвижно стоящими на рейде кораблями, по паре фонарей-глаз на каждом, — ну словно ждет природа угомону и знает что-то — впору ль нам понять, ровная покойная гладь воды до горизонта, за который сползает апельсин — его б отведать.

Пляшут в ПРОКе на столе в одних трусах Жванецкий и Шакуров (или Шванецкий и Жакуров? — поди пойми...), танцует фестиваль на дне бассейна, шаршит ослепительный салют над головами («Ого, — толкает в бок коллега, — как бы грузины не отозвались «Градом»), финита последняя милейшая халява.

Не надо морщиться, словцо-то не обидное, поскольку и сама жизнь-то дана каждому из нас — просто так, на халяву, как апельсин в траве и в небе.

Это, разумеется, не вся правда — но что-то в этом есть, верно?

Ирина
ЛЮБАРСКАЯ

Салонные
игры
аутсайдеров

Что показал фестиваль стороннему наблюдателю, строго дозировавшему море и фильмы в утренние и вечерние часы, а среди дня переживавшему болевые уколы активного солнца и вялых пресс-конференций?

Во-первых, что, оказывается, не только Пушкин — наше все, но много чего другого. Табличку «не трогать» кинокритика готова повесить и на право с важным видом говорить прописные истины, и на способность увлекательно нести околесицу, и на 60-е годы, и на 70-е, и на ихнюю «Великолепную семерку», и на родную советскую мифологию, и на Ильфа, и на Петрова. Если на то пошло, то и мне бы этого хотелось, но, чувствую, — не

надо. Или — не нужно. Претензии к отобранному в программу фильмам бесплодны, хотя и небеспочвенны. Они отобраны, и можно себе представить из какого сора. Шедевров на нашей кинопочве за это время не произросло, зато вызрели анекдоты, страшные байки и высосанные из пальца житейские драмы, к счастью, вполне профессионально снятые и иногда здорово придуманные. Кроме того, вырос так называемый стеб — размером с гигантский лопух, к сожалению, не слишком забавный и слишком затянутый.

Во-вторых, ясно видно, что Америка и вообще заграница как русская мечта по-прежнему имеют место быть, но вот зато ностальгия по большому

сталинскому стилю сменилась ностальгией по более близким временам. О времени, правда, сегодня говорить у режиссеров не получается, потому что больше хочется — о себе. И это нормально. Это — одна из главных тенденций.

В-третьих (для округлости), заметен невыдохшийся диалог глухих: рассказчики о том, как надо снимать, не устают упрекать «показчиков» в том, что фактура-де у них богаче содержания, забывая, как долго нас кормили ну очень богатым содержанием без какой бы то ни было фактуры. Или не думая, что сегодня именно так и надо, чтобы кино, всегда бывшее недохудожественным, стало художественным. Или не замечая, как в триумфальной «Барабаниаде» обратная закономерность привела к тому, что притчевая структура картины в конце концов не выдержала под бременем бесконечного наращивания сюжетного материала, и в последней трети фильма после очередного топтания героя на одном месте хочется увидеть спасительный для него титр «продолжение следует».

Ну и во всех остальных — действительно, хочется увидеть, хотя бы и *déjà vu*, но чтобы обязательно *vu*.

Логику раздачи призов и сопутствующие ей шампанское, смокинг, пляжные романы и закулисные интриги придется оставить в стороне — не была, не состоялась, не участвовала. Позиция аутсайдера в бурной (наверное) фестивальной жизни, собственно, и продиктовала ракурс взгляда на фестивальную программу. Самыми интересными мне показались

фильмы, по разным причинам более или менее блистательно провалившиеся.

Как показал конкурс, 90-е — это вам не 80-е. Если в прошедшем десятилетии жанр у нас не любили и не делали, предпочитая являть миру кисель собственных рефлексий и презирая стремление зрителя к определенности на экране, то сегодня все, от мала до велика, захотели снять нечто определенное — детектив, комедию, мелодраму. И это хорошо. Играя названиями фильмов, можно сказать: чтобы выжить, нам нужно побольше патриотических комедий и — удачи вам, господа. Однако и в этом деле обозначились свои центровые и аутсайдеры. Последние мне милее. Они уже не в первый раз доказывают, что во время кризиса и застоя, пока рыба гниет с головы, ее хвост вполне может трепыхаться и развиваться. Естественное и неожиданное обновление подчас идет не из центра, где решаются мировые проблемы, а от пограничных столбов, где основным вопросом современности может стать и такой: почему огурец вкусный? Иными словами: почему не поиграть в жанровое кино с умом? Ответ на этот вопрос до боли предсказуем: потому что результаты игры будут объявлены горем от ума.

Горе от ума № 1 — это, безусловно, самый блистательный провал фестиваля. Фильм В.Пичула «Мечты идиота», снятый по роману «Золотой теленок», строго осудили все. За то, что он далек от «коллективного бессознательного» представления о книге Ильфа и Петрова, то есть разру-

шает несокрушимый и легендарный храм смешного, а Остапа Бендера (С.Крылов) представляет толстым и некрасивым парнишей. Пичул попытался доверить сообразительности зрителя собственное видение *déjà vu* и, действительно, просчитался, имея в виду массу и кассу. Как просчитались организаторы, поставив этот фильм в основной конкурс не глядя. Но режиссер не просчитался в главном: в сценарии, вытянувшем из знаменитого романа «романный четырехугольник» Зося—Остап—Корейко—деньги, и собственной изобразительной его трактовке — фронтальные мизансцены, симметрия построения кадра, стерильные интерьеры храмового комплекса ВДНХ, открытость видов, «обморочные» расцветки пиджаков и т.п. Понятно, что внутренняя мифология каждого требует, чтобы экранизация сакрального романа была бы как минимум менее разреженной, а как максимум — более заполненной мельтешением героев и событий. А тут — набор персонажей как для античной трагедии, да и событий всего на рупь. Вернее, на миллион, но *это и так всем известно*. В последних словах обоснование коллективной ошибки. Сегодня растасканная на цитаты и анекдоты книга — это пустота, невидимка. Пичул и Хмелик, найдя в ней самое неотыгранное, сделали из миража мультяж, из героев комикса — объемных персонажей мультфильма. Конечно, загримировали их, раскрасили. Сделали очень красиво. Сделали кич. Ой, не надо думать, что я кино ругаю. Как известно, кич — это искусство чувственного восприятия обыденных вещей, счастья и красоты для всех. А поскольку первоизданный кич в современном искусстве невозможен, это уже целая мифология эстетского салона, и обязательным условием его существования является большое наличие большой культуры. Кич в фильме Пичула очень современен, он целиком вырос из, условно говоря, культуры района метро «Аэропорт», а не из субкультуры блошиного рынка. Он прямо пахнет дорогим парфюмом, а язык его адресован тем, кто, безусловно, понимает, почему не стоит сегодня на основе сатирического романа ломать комедию. Очень странно, что именно у них он вызвал не слишком уважительное недоумение.

Горе от ума № 2 — это самое блистательное умолчание фестиваля. Как и предыдущая, картина А.Хвана «Дюба-дюба» относится к *petits jeux* — салонным играм интеллектуалов в жанровое кино, где обаятельные (обязательно!) «страшные сказки» рассказываются по законам контрапункта: полный серьез и ирония то

— Не горюй, мэтр!

Ирина Алферова: ход конем

обгоняют, то отстают мелодически друг от друга, а из бульварного детективчика, как и полагается, выглядывает Достоевский. Но, конечно же, бульварное живет и побеждает. И даже умирая, побеждает. По всем законам жанра, где «кровь» рифмуется с «морковь»: аляповато, бессмысленно, натуралистично, но — очень красиво. В рамках плодотворной идеи: почему бы в Эльсиноре не сыграть «Трех поросят»? Действительно, почему бы анекдотически нелепую в пересказе историю про то, как бедный студент ограбил одного из ны-

нешних new Russians, чтобы выкупить из зоны бывшую возлюбленную, не снять как шедевр? И в результате она действительно обрела качества такового, во многом благодаря игре Олега Меньшикова, который вместе с фильмом стал «фигурой умолчания» для жюри, отдавшего приз попросту крепкой актерской работе А.Збруева. А ведь Меньшикову совершенно не за что было ухватиться в роли — там нет ни одной бытовой сцены, как нет и жизни. Есть только знаки быта и жизни, а все остальное — развернутая цитата из моего

любимого déjà vu. Фильм Хвана — законченная мистификация от начала до финала, которых, правда, у фильма многовато — реалистический (смерть героя), романтический (его воскрешение) и символический (закалывание клинка). Я бы выбрала первый. Хван выбрал все три и, закольцевав последний с началом фильма, по-своему был прав. Это уже красивое изображение в чистом виде. Искать в нем какой-то особый, *нужный людям* смысл все равно что переживать за героев балетного спектакля. И то и другое сделано для другого. Последний аргумент в споре, почему это может нравиться: а потому что красиво придумано.

Были и другие варианты горя от ума. «Дети чугунных богов» Т.Тота, о котором как-то подразумевалось, что он получит большой приз, но не случилось, хотя картина эта абсолютно новаторская, не имеющая аналогов и контекста, а сама собой создающая контекст. «Дикий Восток» Р.Нугманова, аннотированный в каталоге как «посткоммунистический вестерн на обломках СНГ» (представляет?), но оказавшийся на деле увлекательным истерном, построенным из обломков масс-культуры. Жанр в этих картинах скрывает под искусным гримом естественные черты лица, сочетая культурный багаж эстетствующего интеллектуала и внятную культуру обывателя. Можно ли на этом пути достичь идеала? Никогда. Однако, чем не задача — не только радовать зрителя сюжетной канвой, но и продвигать кино в сферу искусства, к которой оно, в общем-то, имеет отношение по касательной? На сем и кончаю.

Алла
БОССАРТ

Икарыйские
игры

Чем хорош цирк — это честным мастерством. Тут класс не боится ничем. Ни декорациями, ни музыкой, ни неким новым языком, про который можно сказать, что неискушенному он непонятен. Класс акробата, наездника, жонглера предъявлен в чистом виде и доставляет удовольствие сам по себе. Жалею людей, которым недоступна чистая беспримесная радость цирка, тех, кто считает это искусство вульгарным и примитивным. Они безнадежно испорчены цивилизацией. Их мозг иссушен, сердечная ткань потеряла упругость, их аппетит к жизни нуждается в допингах, их органы чувств требуют искусственных возбудителей, и адреналин поступает в их кровь путем инъекций.

Примерно таков был ход мысли, когда после нескольких дней, клейменных кинотавром, и нескольких же вакхических ночей мы оказались в сочинском цирке, где с упаднической роскошью Александру Абдулову справляли юбилей, а именно — сорокалетие. Оно бы даже и забавно, если бы у юбиляра и режиссеров зрелища

скоростижно не скончалось чувство юмора. После отличной цирковой программы и вполне капустных товарищеских реприз вдруг откуда ни возьмись поползли какие-то ангелочки со свечами, а следом выскочила пара верховых — разбитая семья Абдулова и Алферовой под фонограмму о неумирающей любви. Первой не выдержала веселая цирковая кобыла Абдулова. В тягостной тишине на арену обрушился залп свежих конских яблок, отчего красавец Саша, весь в белом, совершенно смешался.

Так честный цирк реагирует на лажу, что в переводе с языка лабухов означает «фальшивая нота».

Кино в этом смысле — одно из самых двусмысленных искусств наряду с живописью. Художник всегда может сказать: «Я так вижу». Никогда нельзя с уверенностью установить лажу, фальшивку. Старые холсты, сваленные на чердаках, через сотню лет вдруг оказываются бесценными шедеврами, а старые фильмы, удостоенные орденов и высоких наград, в беспощадном

Фото И. Гнезашева

Евгений Миронов и Валентин Гафт, пьющие за здоровье Ирины Розановой («Анкор, еще анкор!»)

свете проекторов нового поколения выцветают как прошлогодние газеты.

Критике доверяться нельзя. Ее оптика — несовершенный, грубый, субъективный человеческий вкус, терпящий рабскую зависимость от физического возраста и исторического момента. Меня неизменно ставят в тупик капризы человеческой природы, когда на фестивальных просмотрах, где публика состоит в основном из специалистов, — половина зала, плюясь, уходит после трех частей картины, а оставшаяся половина аплодирует стоя.

И мне уже как-то неловко сказать, что Наталье Пьянковой, например, совершенно необязательно снимать кино, как и ее актерам — сниматься. Ведь такой мастер, как Сергей Соловьев, утверждает, что «С Новым годом, Москва» — особенная картина, новое слово в кинематографии, что уникальная органика, что завораживающая статичность действия... И, видимо, замороженные этой статичностью, многие мои коллеги впадают прямо-таки в экстаз. И мне неловко заметить, что статичность действия — это оксюморон. Что когда на экране не происходит ничего — это не новое кино, а НЕ-кино. Что когда актер не владеет своим телом и голосом — это не уникальная органика, а профнепригодность. Что добросовестное отслеживание камерой новогодней суеты в компании своих ребят — это любительская забавка, которую, на мой взгляд, так же совершенно необязательно представлять на фестиваль отечественного кино. Он, конечно, открытый — но не до такой же степени.

Со сладким ужасом следила я за виртуозной работой цирковых мальчишек в «икарийских играх» в честь Абдулова. Но, хотя зрительский восторг справедливо расточался этим замечательно ловким

пацанам, бесстрашно летающим, словно птички, над головами взрослых, — понятно, что блеск их сальто в большой степени зависит от старшего партнера. Насколько точно и умело он мальчика подберет и примет — на руки, на плечи, на голову, которой в буквальном смысле отвечает за опасные игры пернатых детей.

В кино степень физического риска, конечно, не такова. Но в известном смысле она даже больше. Независимо от того, что служит тебе трамплином — твой мастер, или твой опыт, или традиция, или виток в пружине времени, — приземляешься, приходишь ты, как выражаются в спорте, — всегда только на собственные ноги. Или на голову. Но тоже — исключительно на свою.

Поэтому мне непонятно деление фестиваля на Большой конкурс и конкурс авторского кино. (Что в смягченной форме сохраняет прежнюю кастовую суть расклада «кино для всех» и «кино для избранных».) Почему неуклюжие попытки изобретения нового киноязыка при отсутствии у, скажем, Натальи Пьянковой речевого аппарата как такового — более авторское кино, чем вольная, щемящая и простая, как гитарный перебор, мелодия Петра Тодоровского, создавшего свой глубоко индивидуальный кинематограф? Все авторы рискуют одинаково — независимо от меры таланта, опыта и технологии эксперимента. Потому что любая новая работа для автора — экспериментальна. Да, разбуди любого среди ночи, и он скажет, что «Скорбное бесчувствие» — это Сокуров. И, может быть, иной раз с усилением вспомнишь, что «Военно-полевой роман» — это Тодоровский. Есть обостренный высоковольтный стиль Платонова и как бы отсутствие стиля у Бунина. Есть фраза, как факсимиле автора, и есть тек-

сты, живущие отдельно от автора. Тодоровский — мастер, пишущий шлягеры. Но это те шлягеры, на которых можно учиться, что такое кино. Дорогого стоило услышать именно от Юрия Арабова, преданного авангарду сокуровской школы, что «Анкор, еще анкор!» — это наглядное пособие для студентов ВГИКа, показывающее, как надо снимать кино.

«Мороз и солнце, день чудесный...» — тоже шлягер. Лично я люблю этот жанр. Честный, как цирк.

Вообще ветеран в компании молодежи рискует особо. И побеждает лишь в одном случае: когда имеет мужество оставаться самим собой. Вышла осечка у моего любимого режиссера, вошедшего в жизнь нашего поколения блистательной эпохой, — у Георгия Данелия. Его приз во всех смыслах масштабен, но есть в нем сумеречный оттенок: «За заслуги перед отечественным кинематографом». В формулировке тактично опущено ранящее слово, но кто не догадается о нем? Мы выросли на неувядаемых фильмах Данелия, и больно думать, что он переходит в ранг «прошлого». За ту черту, где давно уже с комфортом обустроился чудесный Эльдар Рязанов, до сих пор привычно осыпаемый киношными почестями. И я по

этому случаю дважды отмечаю добросовестность жюри фестиваля, отдавшего гран-при Большого конкурса старшему Тодоровскому и впервые, по-моему, за последние десять лет промолчавшего, наконец, о Рязанове.

Лажа в цирке виднее, чем лажа в кино. А в кино «традиционном» она заметней, чем у «новой волны» (термин, на мой взгляд, более осмысленный, чем «авторское»). Жанр уходит из кино, и Тодоровский едва ли не единственный, кто еще умеет рассказывать истории и сохраняет искренний интерес к человеку — не к эпохе, не к исторической личности, не к проклятым вопросам, а к ЧЕЛОВЕЧКУ в его дурацких, трагических, смешных, позорных и безысходных обстоятельствах. И то, что фильм о тоске, безнадеге и страстях офицерской жизни в военном городке назван по картинке Павла Федотова, — жест, пожалуй что, программный. Адрес традиции обозначен точно. Не опытный Рязанов, утопивший жанр в концерте по заявкам, и не молодой Астрахан, впадающий в плакатную сентиментальность, не грубый социолог Лунгин и не холодно-насмешливый Месхиев, — именно Петр, последний апостол жанра, сумел сберечь почтенную и самую коренную русскую традицию и чисто,

свободно, без напряжения и вспомогательной лажи дышать в ней.

И есть некий знак в том, что в прошлом году той же свободой обитания в естественной среде покорила жюри грузин Бабулани, чье «Солнце неспящих» названо словами из старой грузинской песни.

Думаю, что при прочих равных «традиционалисты» — группа большого риска, чем «авангардисты» (кавычки объясняются условностью деления). Ибо традиция коварна, неуловима, она уродливо костенеет в руках чужака, изгаляется, как волшебный барабан Страдивари. Зато руками преданного барабанщика она овладевает сама, помимо его воли, как тот же нелепый инструмент. Можно ведь и так прочитать притчу Овчарова «Барабаниада» (Специальный приз конкурса безусловно авторского кино). И хотя Сергей Овчаров в обнимку с дополнительным призом «За уникальный вклад в развитие отечественного кинематографа» сочиняет свой вклад при помощи лично изобретенного языка с персональным синтаксисом и орфографией, — его неологизмы, как у Хлебникова, растут из древних корней, и алфавит — очевидная кириллица. Не потому ли так красивы, веселы и замысловаты его сальто-мортале, что

трамплин упруг и механизм его хорошо знаком и отлажен?

Честно говоря, мне не нравится время, в которое мы живем. О причинах говорить долго, собственно, только об этом я обычно и пишу. И поэтому мне очень по душе и очень понятно, что самые талантливые работы на нашем фестивале существовали вне сегодняшнего дня. Слава Богу, кино уходит от актуальности, от социологии, от политики. Слава Богу, кино вливается в поток культуры, для которой Хасбулатов — даже не эпизод. Это нормально, что в космогонии художника центр мироздания — он сам, его воображение и грешный его язык.

Но, помещая себя в центр, художник все-таки строит систему, где существуют силы притяжения и отталкивания, физические законы, благодаря которым можно управлять своим полетом и приходиться на ноги в искомую точку. Строить же, как Ковалов, Овчаров, Тодоровский, Хотиненко, как умеет, например, несмотря ни на что, Данелия, — дело, как любил выражаться один крупный поклонник кино, «агхисложное». Если демиург не владеет геометрией хотя бы Эвклида (а желательно, и Лобачевского), он всего лишь дитя, что лепит крепости из песка и болтает тарбарщину.

Василий Пичул заявил, что «создал совершенную картину». Тучное недоразумение со старанием троечника бухтит репризы Остапа Бендера, зал хранит тяжелое молчание, нонконформистская критика писает кипятком вместе с автором, упоенная гениальным выбором на роль Остапа круглого шоумена Сергея Крылова. Фабула в целом соблюдена, как изложение троечника же, произведена лишь замена пружины действия: за вождельным миллионом великий комбинатор охотится с целью... сложить его к ногам любимой. Спасибо, что не вложить в акции «Менатеп». «Мечты идиота» — действительно в своем роде совершенство. Вопрос о приземлении Икара не стоит. Бедный Вася Пичул даже не подпрыгнул: это невозможно в совершенном мире, которым является пустота.

Почему, вы спросите, я так пекусь о традиции? Да потому, что одна маленькая история научила меня, что ничего нельзя разрушать до-основанья-а-затем. Никакого «затем» в этом случае не бывает. Одни мечты идиота.

Прошу вас: ступайте в цирк! Не живите и не умирайте в нем, но наведывайтесь хотя бы изредка — освежить критерии.

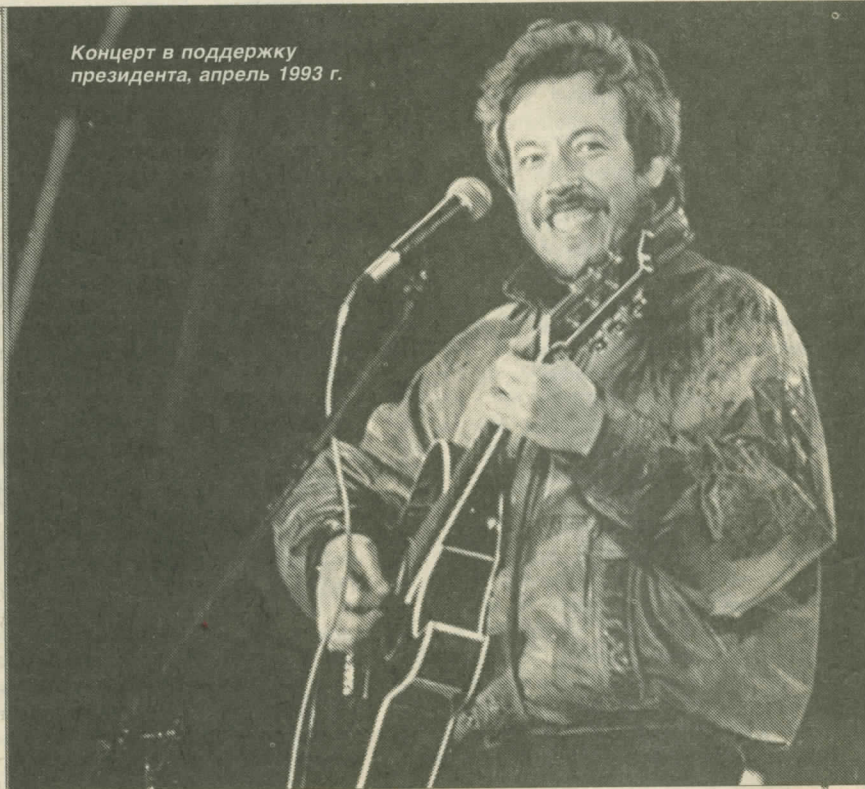
Примечание. Хочу все же поделиться самым ярким впечатлением от конкурсной программы. Сокрушительна по силе отдельно взятого таланта работа Олега Меньшикова в фильме Александра Хвана «Дюба-дюба», о которой на фестивале не было сказано ни слова.

Большая ловля фортуны в разгар звездного сезона

ЖИЗНЬ В ЛЕСУ, ИЛИ НЕ НАДО МУСОРИТЬ

Концерт в поддержку
президента, апрель 1993 г.

Интервью с Андреем Макаревичем,
которое он все-таки дал Михаилу Смоляницкому

Несколько месяцев на просьбу об интервью я получал приблизительно один и тот же ответ, произносимый неизменно благожелательным тоном: «К сожалению, на этой неделе ничего не получится — я уезжаю».

Я было прекратил попытки. Прошло немало времени, прежде чем снова, без особой надежды, я набрал номер Макаревича; было 19 июня, и я услышал приглашение приехать в ДК им. Горбунова перед концертом «Greenpeace Rocks». Я отправился в «горбушку». Полчаса беседы, подаренные классиком русского рок-н-ролла, укрепили меня в следующем. Во-первых, слова «я забыл о буре и о громе, мне теперь дороже тишина», пропетые моим визави впервые лет 12 назад, сохраняют сегодня свою убедительность. Ничто не может вывести Макаревича из состояния невозмутимости, в которой столько же радушия, сколько равнодушия: он с одинаковым туманно-благосклонным выражением взирает на осаждающих его любителей автографов, на репортеров, протягивающих микрофоны, и на фотографов, щелкающих аппаратами, а сквозь орущую толпу фанатов

пробирается так, как если бы шел в погожий летний день через слегка колючие кусты. Во-вторых, эта редкостная внешняя уравновешенность зиждется у лидера «Машины времени» на довольно трезвом отношении к антуражу нашей «фельетонной эпохи». Все эти «опросы известных людей по актуальным проблемам,.. при которых, например, маститых химиков или виртуозов фортепианной игры заставляли высказываться о политике, любимых актеров, танцовщиков, гимнастов, летчиков и даже поэтов — о преимуществах и недостатках холостой жизни, о предполагаемых причинах финансовых кризисов и так далее» (Г. Гессе), — какую цену они могут иметь в глазах особо часто опрашиваемых?.. Вот почему мне не стыдно своего журналистского фиаско (а это именно оно): в поражении такого рода за обтекаемыми ответами можно обнаружить не меньше поучительного, чем в победе, добытой с диктофоном у горла жертвы. Например, можно сообразить, что лучше всего еще и еще раз послушать старые песни «Машины времени».

— «Машина времени» неизменно исполняет большой набор своих старых песен. Почему?

— Ну, прежде всего, мы и теперь с обычной интенсивностью продолжаем записывать новые альбомы — примерно раз в полтора года. Вот очередной выпустим в сентябре, он уже готов. А то, что нам захотелось поиграть те вещи, которые мы не исполняли 15 лет, так это потому, во-первых, что собрался тот состав, который эти вещи когда-то делал, а во-вторых, очень уж нас об этом просят. Что ж, действительно, почему бы и нет, все-таки это было... удачное время.

— После изменения положения вашей группы во второй половине 80-х годов что вы потеряли и что приобрели?

— Наше положение изменялось дважды. В 1980 году, когда мы попали в Росконцерт, и — в 1986 году, благодаря Михал Сергеичу. Я считаю, что вторая перемена была более принципиальной и серьезной: окончился цензурный гнет, который мне был очень противен. Что касается первой, то от нас отвязался ОБХСС и почти отвязался Комитет (госбезопасности. — М.С.). Мы получили возможность выступать на очень больших площадках и расстаться с нашими предыдущими местами службы, которые, так или иначе, мешали нам заниматься музыкой. Больше мы не получили ничего: ни денег, ни грамзаписей, ни ТВ, ни радио. Правда, и это недолго продолжалось, потому что года с 1981, а затем особенно с приходом Черненко гайки стали закручиваться снова, и я удивляюсь, как нас не расформировали: попыток было как минимум пять — тут и худсоветы министерства культуры, и звонки из горкома и ЦК партии, и статьи в газетах типа «Рагу из синей птицы». Я не понимаю, что помешало довести до конца хотя бы одну попытку.

— Я недавно читал в «Правде» интервью с Гребенщиковым. Оппозиционная газета спросила, как он относится к нынешней трудной жизни народа. Он ответил, что его личное положение улучшилось, поскольку в 1985 году он сдавал пустые бутылки, чтобы жить. А ваше?

— Мое тоже улучшилось. Хотя я себя не считаю богатым человеком, но все-таки могу купить себе инструмент, о котором мечтал 15 лет. Могу жить, не особо думая о том, на что я буду завтра покупать хлеб и колбасу. То есть на жизнь мне хватает.

— Но только «на жизнь»?

— Да. А остальным я, честно говоря, не очень озабочен, потому что организаторская или коммерческая жилка во мне отсутствует начисто. Поэтому, кстати, у «Машины времени» до сих пор нет какого-нибудь центра, как у многих сейчас — у того же Киселева или Стаса Намина...

— Ну, Стас Намин уже давно ничего ни на чем не играет...

— Мог бы, если б захотел. Но сейчас ему уже не до того. А я бы не смог заниматься тем, чем он. Мне это не интересно.

— А деловой стороной жизни «Машины времени» тоже занимается какой-то посторонний продюсер?

— Нет. Нам даже с администраторами

не везет, они у нас периодически меняются.

— А говорят, что теперь без этого никуда.

— Ну, если ты начинаешь, то, наверное, никуда. А если начал 24 года назад... Помоему, мы в раскрутке не очень нуждаемся. Хотя, вот, приходится все делать самому. В Росконцерте мы четыре года клячили себе валюту на аппаратуру и выбили ее в конце концов. Сейчас этой надежды на доброго дядю, который придет и даст, нету. Так и должно быть, в общем. Хотя противно все же, что приходится самому богатеть и заниматься поиском денег на съемку клипов, поиском режиссеров, операторов, сценаристов.

— А вам не хочется помочь молодым на правах мэтра?

— Я не очень хорошо себе представляю, в чем может выражаться моя помощь. Вот Саша Кутиков, например, является президентом «Синтез Рекордз» — независимой компании, выпускающей пластинки. Значит, он может оказать реальную помощь. А я чем могу помочь? Привести человека за руку на телевидение? У меня вообще люди, просящие помощи, вызывают недоверие. Чем человек талантливее, тем меньше шансов на то, что он будет кого-то просить. А чем бездарнее, тем он активнее. Это пережиток совкового мышления: где-то нас должны подобрать и все нам дать. Нет такого места.

— Об «Аквариуме» часто говорили, что это не группа, а образ жизни. А о «Машине» можно так сказать?

— Не знаю, не задавался этим вопросом. Со стороны виднее. Я не очень люблю это все: здесь музыка, там образ жизни... Мы занимаемся тем, что нам нравится. Мы всю жизнь позволяли себе заниматься только тем, что мы любим, и никакие силы нас не могли заставить заниматься тем, что нам неприятно и неинтересно. Наверное, поэтому мы вместе.

— Ну а вы лично какой ведете образ жизни? Скажем, вы — домосед (насколько это возможно для гастролирующего музыканта) или наоборот?

— Трудно сказать. Встаю я достаточно рано. После чего часа полтора занимаюсь ответами на телефонные звонки. Дальше все зависит от того, чем занимается в данный момент группа: если это съемки — я занимаюсь съемками, если репетиция или запись альбома — еду на репетицию или запись. В общем, свободного времени почти нет. А вот гастролируем мы немного. Да и никогда не пускались в «запойные» гастроли. Поскольку команда работает живьем, то сил хватает только на несколько дней. А дальше уже хочется домой.

— Ваша жена...

— Давайте не будем о семейной жизни.

— Жаль, хороший вопрос пропадает.

— Ну, вы его сформулируйте как-нибудь...

— Формулирую. Что если бы близкий вам человек оказался настолько мо-
ложе вас, чтобы можно было сказать, что он, то есть она выросла на ваших песнях? Как бы это повлияло на ваши

отношения?

— Да никак бы не повлияло. Я не думаю, что это главный критерий — выросла ли она на моих песнях или на песнях Цоя, скажем... Или вообще на музыке Вивальди. Главное, чтоб человек был хорошим.

В этом месте мы совершили устрашающий переход сквозь толпу поклонников через улицу. Отдышавшись и закури-
в, было естественно спросить:

— И что — так всегда?

— Сейчас уже не всегда. Во-первых, потому, что наш слушатель тоже стал старше, и фанатическое безумие (в хорошем смысле) уже в меньшей степени ему присуще. Во-вторых, вообще утихает ажиотаж вокруг рока — это нормальное явление. Он перестал быть запретным плодом, все обвелись, каждый выбрал себе по своему интеллекту и вкусу — от Юры Шатунова до Гребенщикова.

— Есть попытка третируют «Машину времени» как недостаточно ортодоксально «роковую»...

— Я еще не получил удовлетворяющего меня объяснения, что такое рок. Ни у музыковедов, ни у журналистов, ни у музыкантов. Если это формальное музыкальное понятие, то я, конечно, занимаюсь не только рок-н-роллом. А если это определение, относящееся к состоянию духа, тогда, наверное, им. А что касается разговоров о «Машине», то я столько всего про нее слышал за эти годы, что, если честно, меня это совершенно не интересует. Я достаточно хорошо знаю все наши минусы и плюсы. Если меня будет интересовать мнение Бори Гребенщикова по поводу наших новых записей, то я ему дома у себя их прокручу, и он мне скажет. А что пишут обо мне и говорят — да наплевать совершенно. Это единственный способ нормально заниматься своим делом и не расстраиваться по поводу плохой погоды. Иначе после статьи «Рагу из синей птицы» нам надо было повеситься. У нас очень непрофессиональная музыкальная жур-

Экспонат
музея
восковых
фигур

налистика. Почти нет пишущих музыкантов, хорошо разбирающихся в том, что происходит. Ну вот, мне иногда было интересно читать Троицкого. И... все. А остальное — это мнение прохожего. Ну, господи, сколько прохожих, столько и мнений.

Ажиотаж, повторяю, спадает. И отчасти еще и по финансовым причинам: все дорожает, и концерты тоже. Хотя если мы будем сравниваться с нормальными странами, то там билет на концерт известной группы стоит 30—40 долларов, а у нас 4000 рублей — это уже считается очень дорого. И вот парадокс: при этом концерты у нас — единственное, на чем можно заработать. А во всем мире они убыточны, деньги же зарабатываются на пластинках. В то время как мы с пластинки не получаем ничего. Вот такая странность. Но я надеюсь, что лет через пять-шесть все утрясется.

— Как вы относитесь к музыкальным передачам на телевидении?

— Вас, может быть, это удивит, но я хорошо отношусь к нашему телевидению. Мне есть с чем сравнивать — я сидел перед телевизором в гостиницах разных стран. Несмотря на все минусы, наше ТВ, по-моему, одно из самых интересных. Мне очень нравится, что за короткий отрезок времени оно от совершенно беспомощных попыток съемок музыки перешло к клипам, которые находятся на мировом уровне. Я нормально отношусь к «Обозу» — говорю сейчас не о музыке, которую они крутят, а о про-

фессиональном уровне передачи. Я хорошо отношусь к «Программе А». Нормально отношусь и к программе «У Ксюши» — она идет в живом эфире, это совсем особое дело, сложное, но имеющее свои преимущества.

— О политике: перед недавним референдумом вы в числе других известных музыкантов приняли участие в агитационной кампании. Почему?

— Вообще, я стараюсь держаться подальше от того, что у нас сейчас называется политикой. Очень мне это все не нравится... Да и раньше я не любил это дело. Но в той ситуации я был уверен, что нужно поддержать Ельцина — не потому, что он лучший президент в мире, а потому, что Верховный Совет в том виде, в каком он сейчас существует, просто не пригоден для управления государством.

— Ну а что вы будете делать лет через пять-шесть, когда «все утрясется»?

— Я не строю планов даже на следующий год. Как можно планировать? «Через пять-шесть лет я буду петь песни». Может быть, буду.

«Попробуйте угадать, какая будет песня», — сказал Макаревич, выйдя на сцену «горбушки». Духовая секция «Бригады С» — группы, которая аккомпанировала в тот вечер не только своему лидеру, но и всем солистам, — сыграла несколько тактов в темпе *andante*. Горластая аудитория притаилась в ожидании, а через мгновение, взревев, подхватила вслед за пев-

цом: «Годы летят стрелой, скоро и мы с тобой разом из города уйдем...» Запахло пионерским костром, сырой дощатой танцверандой с магнитофоном «Ока», подключенным к усилителю «Родина», зубной пастой, выдавленной на нежную щечку, которую еще не вышел возраст попросту поцеловать. Для меня песни Макаревича — это знак нашего затяжного, очень инфантильного и, в сущности, довольно чисто-плотного отрочества, которое парадоксальным образом использовало достижения цивилизации, знакомой понаслышке, для выражения весьма романтических, прямо-таки буколических идеалов. «Я не хотел бы быть записанным в герои вчерашних дней» — это уже одна из относительно новых песен, с которой, зная героев дней сегодняшних, я не согласен. Потому что есть разница между бодрым призывом не мусорить, который Джоанна Стингрей бросает в ревуший зал, и меланхолическими стихами о тишине, за которой, как за стеной, хватит места нам с тобой. «Если ты выстроил воздушные замки, твой труд не пропадет даром», — написал поживший в лесу Генри Дэвид Торо, «американский Руссо». Бродя в замках Андрея Макаревича — этого Руссо русского рок-н-ролла, — я убедился в свое время, что можно жить, как в лесу, среди стекла и бетона. И теперь мне кажется, что если лес погибает, то — внутри нас, а экологические проблемы и проекты здесь, увы, ни при чем.

Фото В.Шишова и ИТАР—ТАСС

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

ГОЛОД НЕ ТЕТКА

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Однажды кукушка Калерия, вместо того чтобы как следует накормить сына Шурку, привела его в гости к моллюску Адриану, якобы посмотреть, как у того интересно работает крышка.

Шурка два часа ждал, когда Адриан проснется, стучал к нему, даже ногами, а Калерия по своей привычке бросать детей улетела одна в лес, оставив Шурку стоять по колено в воде.

Адриан так и не открылся, смотрел у себя телевизор, пил из чайника, а Шурка, как дурак, стоял под дверью.

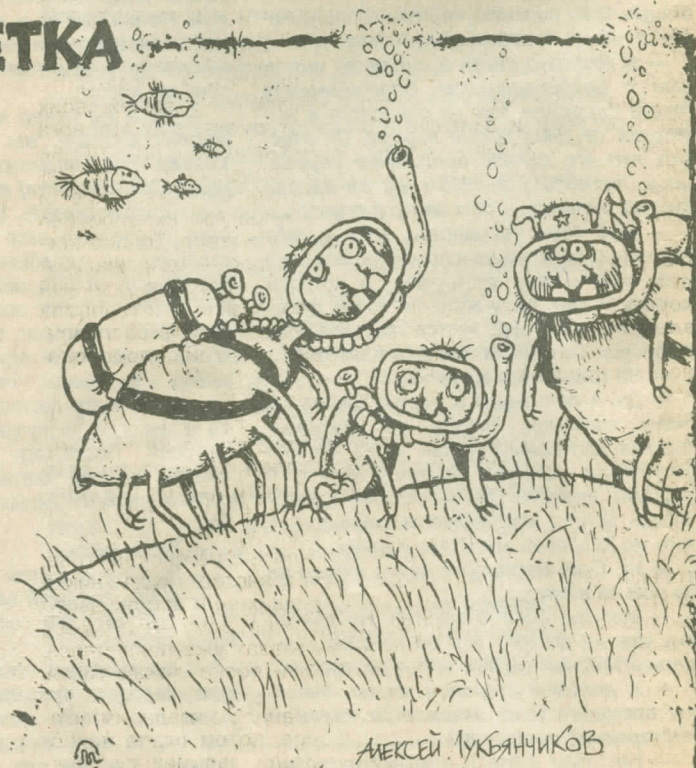
В это время на своей собаке Гуляше проезжала блоха Лукерья с семьей, и она посоветовала Шурке идти отсюда подальше.

Шурка, голодный и злой, вместо этого помчался к Гуляше с намерением склонуть Лукерью, но Гуляш сам был голодный и встретил Шурку как полагается, так что кукушонок опять помчался с бешеной скоростью обратно к Адриану в воду, а Гуляш побежал следом.

В результате на глубоком месте Шурка взлетел, а Гуляш уже обмакнулся в воду и вынужден был поплыть, а Лукерья с семьей, наученная горьким опытом, надела маски для подводной охоты.

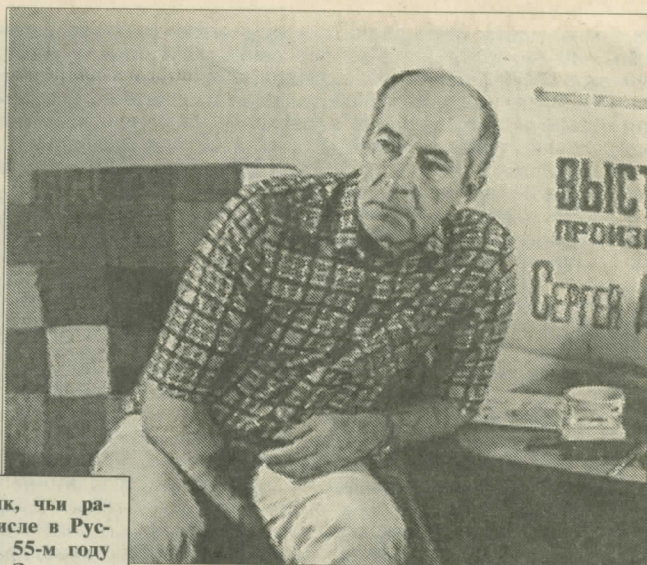
Однако все остались живы, что и требовалось.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22-27.

Сергей АНТОНОВ

БЕДА

Сергей АНТОНОВ — профессиональный художник, чьи работы хранятся в нескольких музеях страны (в том числе в Русском). Писать рассказы он начал совсем недавно, на 55-м году жизни. Первые публикации состоялись в журналах «Знамя» и «Аврора». В ближайшее время его рассказы должны выйти в «Неве», снова в «Знамени», в «Дружбе народов».

Вечером двое вошли во двор, сели на лавку под чьим-то окном и достали бутылку водки. Выпив, поговорили, и тут случайно один из них посмотрел на горящее за лавочкой окно, взял другого за рукав, сказав шепотом: «Смотри!» «Да, — протянул второй. — Сколько же их там?!»

Сколько и как зовут каждую и каждого, знала сидевшая в полупустой комнате перед старым телевизором пожилая женщина. Всякий проживший в доме знал главное событие в жизни этой женщины: слишком уж лихо обошлась судьба с ней и велика была ее беда.

Лучше писать о мокром от слепого дождя кусте сирени, где, если хорошо поищешь, обязательно найдешь сиреневые пять лепестков, сладкие на вкус. Конечно, лучше.

— Але-о-о-ша-а, Андрю-у-ша-а, — нараспев кричала, звала мать. Обидно нехитрая была мать, и весь двор повторял за ней, передразнивая: «Алеошаа, Андрюушаа». Нет чтобы подойти и тихонько сказать: «Домой!» — как делали все другие матери. Нехитрая была мать, и, когда Витька снял свой протез и ребята показали его звавшей своих детей матери и сказали, давась от смеха, что это нога Алеши, мать только обиделась и сказала: «Нет, это не Алешина нога». И все. Нехитрая и добрая была мать. Наверно, самая добрая во всей коммунальной квартире, и два здоровых бугая, сыновья домоуправши, входили без стука в комнату и пили водку здесь, у матери. Только когда дети были дома, не разрешала, а так — разрешала. А дети все равно знали, домоуправша выходила в длинный коридор, где дети играли и, наверно, визжали, и говорила злым шепотом: «А ну отсюда! Играйте у себя, в распивочной». И беда уже пряталась в темном углу коридора, около двери комнаты, за веником.

Нескладная была мать. Нет, внешне, наоборот, скорее красивая была, но какая-то не такая... Не такая как все, и, когда шла она по улице в толпе, шла отдельно, как будто выпадала из толпы; не как красное платье отделяется от темных и не как сделанный из бумаги цветок отделяется от настоящего, нет, не так просто, а как будто шла и не соприкасалась с толпой, шла как будто сама по себе, и по бокам ее фигуры жило и двигалось с ней какое-то ее, только ей принадлежавшее пространство, куда никто другой войти не мог. И никто из знавших ее и просто часто видевших — кто-нибудь из соседей по дому — не знал, почему и откуда в больших серых глазах уже появлялась, исчезая, и снова появлялась боль и тоска, такая тихая, что становилось не по себе.

Дети ходили в школу, и мать сначала читала им что-нибудь настоящей, красивое, доброе, потом стала приносить из библиотеки книги, дети читали, запоминали прек-

расные стихи, и тогда она была довольна и молчала, думая: хорошо, что так, что именно так и хорошо.

Годы, дни проходили сначала совсем медленно, потом время пошло быстрее, но все так же выходила во двор мать и, словно боясь двора и стоя у двери своего подъезда, все так же звала: «Алео-ша-а! Андрю-у-ша-а», и двор подхватывал и подвывал: «Алеошаа, Андрюушаа». А нужно было просто подойти и тихо сказать: «Домой!» — и все.

Свет из квадратной, стеклярусной лампы, привычной, как и резные с высокой спинкой стулья, как большой стол на круглых тумбах-ногах, слишком большой в этой комнате, и старую ширму, тоже большую и высокую, почти до высокого потолка, все давно знакомое, каким-то образом отгораживающее их троих, мать и детей, живших здесь, от чужих, от домоуправши, — все это собирал свет, соединял, отгораживал от улицы, делая два больших окна темными, почти черными, как слепые ширмы, и тогда оставались они одни: два угловатых подростка и мать. Им было хорошо вместе, и любовь не делилась на большую и маленькую и светила ровно и равно, и так, что бы не быть замеченной, мать иногда глядела коротко на детей, и тогда в косом взгляде серых открытых широко глаз светила кротко и иступленно любовь, и тут казалось, что это даже слишком, если можно так сказать про любовь...

Но вот как-то вечером, когда были они одни, Алеша, глядя в черное слепое окно, сказал: «Мама, ты не зови нас больше со двора, не зови, мы сами придем». Ничего обидного не сказал сын, но слова эти, короткие, как на телеграфном бланке, прошли в нее, и она испуганно прикрыла рукой место, где они прошли и засели, поняв, что только что у нее что-то отняли важное для нее, сказала только: «Хорошо, не буду» — и досидела этот вечер с ощущением потери, а ночью ей приснился сон: сын домоуправши поднял рюмку с водкой, выпил и сказал ей Алешины слова и засмеялся потом.

С того дня мать не звала детей, стоя у подъезда, а сидела за одиноким большим столом и ждала, когда звонок входной двери нажмут пять раз, потому что комнат и семей было пять и, когда звонили один раз, или три, или четыре — четыре было лучше всего, потому что тогда оставался только один до пяти — и, наконец, пять раз — это было к ней, потому что это пришли ее дети, и мать все думала, что лучше, гораздо лучше, если бы им, Кирпичниковым, нужно было бы звонить только один раз: даже когда звонили четыре или два раза, все равно, — вначале ведь был один звонок.

Но ничего, дети были у нее хорошие, иногда шумные, и тогда домоуправша стучала в стену, иногда тихие и се-

рзные; часто дети рвали одежду, играя и где-то зацепившись за гвоздь, что-то постоянно ломалось в любопытных несмышленных руках, падала и разбивалась старая вазочка, давным-давно стоявшая на окне, а раз, придя с работы, мать увидела изрезанный перочинным ножом стул с высокой спинкой. Она отчитала Андрюшу за это, конечно, отчитала, ну и что? Дети и дети. Ее дети. И никого ей не нужно, кроме них.

Своего времени и пространства у нее не было, она жила в треугольнике, составленном из них троих, соединенном жизнью сыновей, а она только участвовала в их жизни, и поэтому и времени своего у нее не было, были механические часы на стене комнаты или на улице, но стрелки часов только указывали ей, когда она должна понадобиться сыновьям, и выходило, что всегда.

Но время, чье-то чужое время, придуманное кем-то, зачем? — ей оно было не нужно, совсем не нужно — это время шло. Оно шло все быстрее и быстрее, и если дети радовались ему, то мать только терпела его.

Она подобрала котенка на улице, рыжего с белым, котенок, играя, переворачивался через голову и вцеплялся в брюки сыновей, сыновья смеялись, высвобождая ногу, и уходили. Они уходили, удалялись в свой мир, куда матери не было ходу, она знала, что так и будет, она знала, что, уходя, они помнили о ней и любили ее, но все-таки они уходили, все дальше и дальше, постепенно и неотвратимо, и рыжий с белым котенок, вцепляясь в их уходящие ноги, тоже не мог остановить их.

Кто-то, сбоку, со стороны комнаты домоуправши, с глубокими нависшими глазами, этот кто-то задвинул слепой черной заслонкой два окна их комнаты, и по одну сторону за большим пустым столом сидела она, а где-то там, в темноте улиц и дворов, были ее сыновья, и только не скоро, когда отзвенели все звонки: и первый, и второй, и третий, и четвертый, — рыжий с белым кот бросался к двери комнаты, потому что звонков, наконец, было пять, и мать, открыв дверь комнаты, вместе с котом пройдя по коридору, встречала детей, открывая входную, обитую железом дверь.

Была зима. Злое косматое солнце неподвижно стояло над городом, вымораживая улицы и тротуары, оно подняло ветер, который грохотал кровельным железом крыш, потом солнце ушло, оставив вместо себя пустое черное небо и ветер, гнавший по ледяным тротуарам людей и городской мусор.

Мать сидела за большим столом и смотрела в темные высокие окна и слышала вой ветра, как дребезжат стекла в высоких окнах под его напором. И вдруг, совсем неожиданно, услышала звук гармошки, вернее, обрывки звуков — гармонь боролась со звуками непогоды, и звук ее приближался и прошел совсем рядом, под окнами, и еще недолго играла гармонь, но потом пропала, сгнула в мертвом вое ветра. Звук гармоны пропал, но мать помнила его, он таил в себе какую-то опасность, чужой звук, враждебный, он прошел под окнами, опасный, пробравшись сквозь вой и холод, звук был еще сильнее ветра и холода, а может, был с ними заодно на скованной морозом улице. Мать сидела, вслушиваясь в ветер, но ветер неожиданно стих, словно сделал паузу, и в эту паузу позвонили пять раз и, открыв входную дверь, мать встретила совсем пьяного сына. Забыв закрыть дверь, она увидела, как он, не видя ее, прошел коридор и вошел в комнату, она шла за ним и видела, как он спиной упал на диван, а сзади на плечи навалился кто-то тяжелый, обнял ее холодными, красными от ветра руками и задыхал водкой ей в шею, и она услышала: «Вот так, мать!» Не «мама», а «мать» — и это напугало ее больше всего. Она не заметила Алешу в полумраке лестницы, и теперь он повис на ней, обнимая ее красными худыми детскими руками.

Проиграла за окном гармошка, словно подав сигнал кому-то, и Беда, хоронившаяся в темном углу, за венником у двери в комнату, вошла и тихо поселилась, сев за большой стол напротив матери, точно примеряясь, как бы обдумывая, вглядываясь в испуганные красивые глаза женщины, как лучше, без хлопот обделать свои бесовские дела. Рыжий с белым кот только обходил муром и безмолвно это место за столом, он знал эту тварь и видел ее на улице, знал ее беспощадность и знал, что он мал, рыж

и слаб и ничем не сможет помочь и защитить их всех, живших в этой комнате под беспомощной, старой, терявшей иногда свои бусинки стеклярусной лампой.

Посреди учебного года дети бросили школу и устроились на завод учениками. Год проработав, они ушли с завода. Андрюше было семнадцать, Алеше шестнадцать, но что-то они подчистили или как-то с кем-то договорились и неожиданно устроились в театр, рабочими. Неожиданно прежде всего для себя, потому что денег в театре платили совсем мало. А может, совсем не неожиданно? Веселее было в театре, свободнее, разношерстнее проходили дни. Приходили дети поздно, и мать, дождаввшись, ставила на стол обед. Алеша и Андрюша, не сняв зеленых рабочих курток и сапог, съедали обед и, едва раздевшись, падали замертво на свои постели, а по ночам вдруг кто-то из них вставал и долго пил воду из чайника. Говорили они теперь не «мама», а только коротко «мать», иногда это у них выходило как у рабочего в кино, а иногда ломался голос, срывался на мальчишеский фальцет, и хоть говорили они «мать», а выходило «мамочка», жалобно и беззащитно.

В этот вечер уж очень беспокоен был кот. Он то терся о ноги матери мягким рыжим боком, то шерсть у него поднималась и он фыркал куда-то в сторону. Дети пришли поздно и, поев, легли, а мать стала укладывать их одежду на стуле, рука ее уткнулась во что-то твердое, и никогда мать не смотрела, что у детей в карманах, но тут не любопытство, нет, испуг заставил ее выгащить темный тяжелый предмет из кармана Андрюшиной куртки. «Ну, что задумалась? Нашли», — прошептала Беда, и мать нажала металлический выступ, и, щелкнув по-дьявольски, выскокило длинное лезвие ножа, и, держа нож в руке, дико, отчаянно закричала мать, она вся выгнулась, закинула голову и, вытянув руку, все протягивала нож кому-то вверх... Когда прибежали соседи, они увидели только уже тихо сидящую за столом женщину, а рядом наполовину одетых сыновей. Ничего не произошло, и соседи ушли, а Андрюша, открыв форточку и загнав лезвие в рукоятку, выбросил нож на улицу.

Два темных слепых окна, в которых только отражался свет лампы над столом, только эти окна — сначала черные, потом, с наступлением весны наливавшиеся цветом и светом, — только окна напротив, по другую сторону стола, знала мать и, слушая тишину, ждала, и, когда дети приходили, только тут отступали окна, черные зимой или налитые цветом весеннего закатного солнца пришедшей наконец весной.

В конце весны или в начале лета уехали с театром на гастроли сыновья, и мать, проводив их, купила букет сирени и, налив воды в стеклянную банку и поставив в банку сирень, долго перебирала лепестки и никак не могла найти цвететия с пятью лепестками. «Это в таком большом букете? Не может быть», — шептала она себе и поворачивала банку и так и сяк, но не смогла найти и расплакалась. Потому ли, что детей проводила, потому ли, что пахло на нее дурманящим запахом свежесрезанных с куста веток, только взяла и горько заплакала. Сидела и плакала, как девчонка, и так долго плакала, что, казалось, выплакала все невзгоды, начиная с того зимнего студеного вечера с пьяной гармошкой под окнами.

Дети приехали в августе. Рано утром они вошли в комнату и крепко, поочередно обняли мать. Однако к вечеру, по какому-то своему, известному только им причинам они поругались. Съев обед в общей кухне за принадлежащим их семье, стоящим в углу столом, сыновья вошли в комнату, и мать, слыша их злой шепот, все не могла уснуть, никак не могла, хотя дети часто ссорились последнее время и их сегодняшний разлад был вовсе не первым.

Городское лето было жарким в этом году. Листья деревьев только набирали силу цвета, зеленого, желтого, оранжевого, солнце плавало асфальт, двери домов, окна, двери комнат в коммунальных квартирах были открыты, улица вливалась в дома и двери, звуки и запахи сливались в один, и дом походил на большой пятиэтажный табор. Бывает в городском лете такое время, когда, кажется, оно должно покатить к осени, но солнце застывает, печет ровно и жарко, и останавливается время. И кажется, так оно и будет всегда, когда и люди, и троллейбусы

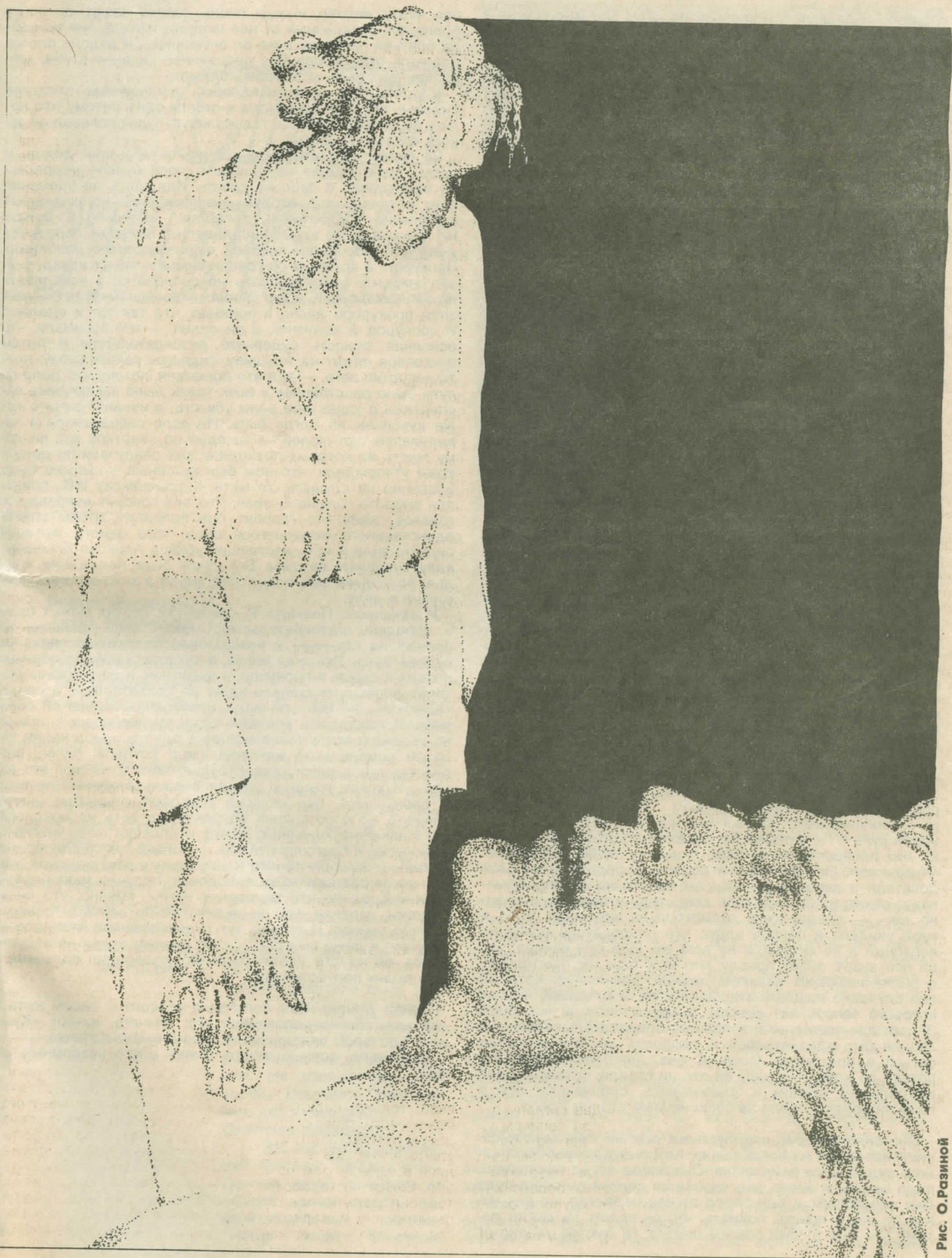

Рис. О. Разиной

вроде бы и движутся, но непонятно куда, без мысли и цели, а может быть, вообще стоят и только делают вид, что идут или едут, и если спросить прохожего, куда он идет, то прохожий не удивится, он только оглянет и небо без облака, и тебя, и красный троллейбус совершенно одинаковым невидящим и неразумным взглядом и пойдет молча дальше, таща за собой короткую хилую тень по горячему пыльному асфальту.

Такие паузы бывают в каждом городском лете. Бывают и проходят. А если не проходят и пауза растягивается, рождается беспокойство, и уже с нарастающим напряжением люди ждут чего-то: грозы, а может быть, чего-то ведомого им.

Под раскрытым настежь окном играл аккордеон и доносились голоса, и она долго не могла уснуть. Аккордеон все играл и играл бесконечно, и тогда она все-таки уснула и сквозь сон слышала, как открыли входную дверь и прошли на кухню, где был оставлен для них обед, дети.

Он еще не вошел, он только еще открывал дверь, а она уже следила за ним. Ее кроткий испуг, глубокий, давний, нежитый — полученный при рождении, этот испуг исчез, она поднялась и пошла ему навстречу, и когда он сказал: «Мама, Алеша мертвый. Там», она поверила сразу, не потому, что глаза, которые теперь видели в темноте, разглядели нож, который Алеша зимой выбросил в форточку, не потому, что услышала «мама», а потому, что пропал испуг. Уже произошло, раз он пропал, страшное, и в кухне, увидев лежащего на кухонном полу сына, она встала на колени подле него и стала гладить голову, щеки и шею мертвому, она делала это не торопясь, смотря только на сына. Это было ее дело и ее Время, только ее. Ей одной отпущенное сверху, и теперь она знала, отчего был с ней испуг и жил в ней страх. Она не знала — за что? Она только знала, что прошла свой путь, и сейчас конец пути, и это ее Время, и она гладила сына по мертвым щекам мягко и ровно. Сейчас и во веки веков это было самым важным, главным, гладить вот так... Мягко так...

Потом, когда пришла милиция, и потом, когда унесли сына, она все слышала совсем издалека голос домоуправши: «Запомни! Кухонным, не своим, кухонным ножом он пырнул...» «Почему кухонным? Почему? — отвечала мать себе. К чему это... Мне отдохнуть бы, надо отдохнуть мне...» И, сидя в комнате на кровати, под звуки аккордеона повторяла и повторяла про себя: «Кухонным, кухонным... Зачем... Отдохнуть бы мне... Кухонным? Почему...» И когда стих аккордеон и было уже утро, шептала: «Отдохнуть бы мне, отдохнуть...»

Следователь не вызвал ее, а пришел через день сам, он сел за стол, открыл тоненькую папку и, предупредив ее об ответственности за дачу ложных показаний, коварно спросил: «Нож, каким ножом был нанесен удар гр. Кирпичниковым, — кухонным или тем, который он держал в руке и на который показывают понятия?» И в ответ на его коварство мать тоже ответила ловко и коварно: «Кухонным». Она знала, что должна победить этого следователя и как-нибудь, чего бы ей это ни стоило, обманет и обхитрит его. «Да, все свидетели утверждают именно так», — следователь посмотрел на нее через стол, и мать увидела и поняла вдруг, что следователь вовсе не коварный и не хитрый, и не враг ей. Еще она поняла, что он все знает, знает правду: что нож был тот, настоящий, с выскакивающим лезвием, зимний, давнишний, который она случайно нашла у старшего сына, а младший, Алеша, которого теперь нет совсем, выбросил нож в форточку. Задав еще несколько вопросов, следователь, казалось, вполне был удовлетворен и, попросив ее только расписаться в протоколе, ушел. А она, приготовившаяся бороться до конца, чего бы ей это ни стоило, осталась одна за большим столом и, съевшись, собравшись вся в горький комок, сидела за бесконечным столом долго...

Она сидела перед еще пустыми, еще не занятыми высокими креслами на возвышении, которые должны были занять судья и его помощники. Она знала: когда они войдут, надо встать, и знала, что справа за спиной сын. Зал суда был небольшим, и сын сидел от нее недалеко, но она никак не могла понять, поймать, что он рядом. Не могла, потому что сын то был совсем близко, то быстро уходил от

нее назад вправо, иногда очень далеко назад, он почти пропадал, отделенный от нее людьми, и тогда она начинала бояться пропажи, рука ее опускалась, и ладонь плотно держала отполированное деревянное сиденье стула, возвращая ей реальность происходящего.

«Суд идет» — и мать неловко, придерживая откидное сиденье, встала. Она встала и стояла одна, потому что люди и судьи сели, и села, только когда судья показал ей рукой, что можно сесть.

За окном шел холодный долгий октябрьский дождь, и судья, раскладывая на длинном столе бумаги, недовольно поглядывал в окно на дождь. Идя сюда, он промочил ноги и теперь под столом чувствовал на ногах мокрые набрякшие полуботинки, досадовал на осень и дождь. Но прежде всего судья досадовал на лежащее перед ним дело, которое волей-неволей ему предстояло разбирать. Прокурор, с которым он говорил десять минут назад, сказал ему, что усердствовать не собирается и зваливать на себя его, судьи, долю в опросе матери не будет. Судья знал прокурора давно и понимал, что так тот и сделает. И прокурор, и защитник, и он, судья, — все понимали, что основная тяжесть судебного разбирательства и потом приговора ляжет на женщину, сидящую сейчас внизу, почти напротив него, — все это понимали, потому что дело по сути было простейшим: у всех троих было заключение экспертизы о характере раны убитого, и никакой речи о ноже кухонном не могло быть. Но если собравшихся и заполнивших зал людей — соседей по квартире или по дому, часть из которых проходили как свидетели по делу и тоже утверждали, что нож был кухонный, — можно было особенно не слушать, то мать, Кирпичникову И.В., придется слушать. Слушать, зная, что она говорит неправду, и, главное, зная, что говорит она неправду, чтобы спасти единственного оставшегося сына, того самого, который сидит в зале и есть настоящий убийца Алексея Кирпичникова, младшего ее сына. Вот такое было положение, и судья, последний раз посмотрев хмуро в мокрое окно, приступил к делу.

И началось... Поехало. И как-то так, где-то, может быть, в середине разбирательства, может быть, раньше, но произошла странная и невиданная, с крайней мерой им, судья, вещь. Людская масса, в которую каким-то образом попали и судья, и прокурор, и защитник, и секретарша (которая вообще, оказалась вдруг не секретаршей, а свидетельницей), — все эти люди, совершенно забыв об обвиняемом, говорили и кричали, казалось бы, совсем разное, но сводившееся в конце концов к одному: как и каким образом помочь этой женщине, лицо которой, белое, распластавшееся внизу, видел судья, хотя и не мог его видеть. И когда, наконец, выйдя в совещательную комнату и вернувшись, суд огласил приговор и назвал убийцу убийцей, но в состоянии аффекта (то есть не по надобности никакого кухонного ножа), и добавил сюда какую-то смягчающую приговор статью, — только тут судья обратил внимание на обвиняемого и увидел, что этот подонок плачет не от радости, что он, подонок, получил максимально низкий срок, но что он плачет оттого именно, что он — подонок и понял это он окончательно сейчас, только и именно сейчас. И только тут судья осознал, что дело он окончил и даже выиграл. У кого именно, судья не задумывался, он просто удовлетворенно пошевелил пальцами в просохших полуботинках.

Придя домой, мать погладила рыжего с белым котом и сказала, словно успокаивая его: «Ничего, ничего... Куська». А вечером она принесла серого худого котенка.

В октябре, осенью, много, очень много бездомных кошек...

СВЕТ СТЕКЛА

Москва. Пятницкая улица. Мастерская известных московских художников стекла Лидии Фоминой и Тимура Сажина. Их архитектурные, интерьерные работы — люстры, витражи, фонтаны — можно увидеть в общественных зданиях нашей страны и за рубежом. Сидим в мастерской и беседуем. Тимур вспоминает, как началось их с женой стекло, как впервые заблестело и засветилось.

— Я поступал в Строгановку в 1961 году на факультет скульптуры. Туда же тогда поступали Леня Баранов, Араик Шираз, Володя Кербель, Саша Косолапов и Леня Соков. Двое последних сегодня живут и работают в Америке. Поступить было трудно. Нас с Косолаповым направили на факультет стекла. Мы его тогда невзлюбили, но у меня воли не хватило уйти. Не поступать же было еще раз...

Преподаватели были разные. К счастью, случились и живые люди — Г.Антонова, С.Бескинская. Еще был Борис Александрович Смирнов. На нашем языке — «Боб». Дворянин, рассказчик, два языка знал...

Светлана Кавецкая:

— Это же был удивительный Мастер! Никаких стандартных идей. Он одним из первых начал делать нефункциональные декоративные вещи, блестяще

Художники Тимур Сажин и Лидия Фомина

использовал традиционные приемы и всегда очень широко мыслил, много рисовал. Его авторитет был не узко учебного, а высшего порядка. Идей Бориса Александровича хватило бы на несколько поколений «стекольщиков».

Снова Сажин:

— Лида была старостой и самой серьезной девушкой на курсе. Она тоже шла сначала не на стекло, а на ткани, но Арина Полянская всех уговорила. У Лиды была необычная дипломная работа — надгробие павшим воинам. Металл, камень, стекло. Тогда это было интересно, особенно на факультете, где в основном шли вазочки. Я на диплом сделал витражную решетку с птицами и цветами. Получил за нее награду и был распределен в Московский художественный фонд. Но напоследок мы с Лидой решили съездить на завод «Красный май» в Вышний

Волочек, где раньше бывали во время учебы. Там нам давали на 2—3 дня две печки, стекло 16 цветов — и делай что хочешь, лишь бы бригада не простаивала. Тогда-то я и увидел, что стекло — дивный материал! Горит и сияет под руками, и ты почти сразу видишь конечный результат.

Поездку с Лидой на завод помню до сих пор, всю дорогу и даже тамошнего мерина, Унылым его звали. Едем. Ивы в снегу. Тишина... И надумали остаться, попросили, чтобы нас распределили на «Красный май».

Было нам по 24 года. Жили трудно. Снимали комнату у бабы Мани, вернее, не комнату, а пространство за печкой. Все как в «Матренином дворе». Золотая бабка была! Получала всего 18 рублей пенсии, но в услужение не шла, дома сидела. Мужья погибли — один на войне, другой на шахте. Пока один из них живой

был, пилила с ним дрова на стекольном заводе. Директор там был лихой. Мог литр выпить и ведро картошки съесть, а яйца ел прямо со скорлупой... Навкальваешься на заводе (ведь старались еще и отгуды для поездок в Москву заработать), придешь домой, а бабка нам: «Жаленькие вы мои...»

Набирались опыта. Рабочие были разные, попадались замечательные мастера, но кое-кто приходил и «пьян до изумления»...

— **А как же в таком положении вы сохраняли связь с художниками и вообще художественной средой? Ведь тогда не было такой замкнутой жизни, как сейчас, когда Союз развалился и все сидит по своим углам или за границам.**

— О, у нас были замечательные художники! Это были праздники! Прямо как у Пушкина: «Гости съезжались на дачу...» Кто-то покажет свой хрусталь, кто-то в сульфиде работает. Всем интересно, что делает В.Шевченко, что Е.Яновская, что В.Мурахвер из Минска, что выдул А.Балабин в Керчи, в Кие-ве...

Борис Александрович Смирнов замечательно анекдоты рассказывал. Идем где-нибудь по Гусь-Хрустальному, смеемся. Вдруг пауза, а за ней дикий визг. Это до маленького М. анекдот дошел. Все снова в хохот. Весело было, и деньги никому глаза не застилали.

— **А почему вдруг декоративное стекло сменила работа в архитектуре?**

— Началось с дипломов, а в начале 70-х предложили сделать «стенку» на заводе имени Лихачева. Платили мало даже по тем временам. За стенку, как за вазочку. Но ничего, делали. Работа затягивала. Потом там же делали фонтаны, люстры в комнату приемов. Был тогда во всем элемент наивности, учебы. А в 1975-м предложили заказ — люстры для нашего посольства в Париже. Ответственная работа. Сами мы там так и не были. Пое-

хали только архитекторы. Люстры изготавливались в Вене. Там мы, впрочем, тоже не были. Но за работу свою и сегодня не стыдно...

Светлана Кавецкая:

— Наша добрая знакомая В.М.Голод (председатель общества петербургских коллекционеров) не раз бывала в посольстве в Париже и однажды заметила: «Это лучшие современные люстры, какие я видела; их сделали австрийцы». Мне пришлось объяснить, что их действительно изготовили в Вене, но авторы не австрийцы, а вы с Лидой...

— Спасибо. Подобная безымянность, видимо, в порядке вещей для наших архитектурных объектов.

В 1978—1979-м нам предложили взяться за Олимпийскую деревню. Планы казались грандиозными. Филадельфия какая-то, а не Москва. Но по ходу дела многое отложили на потом, не успевали, сокращали. Так что удалась только малая часть задуманного.

— **Мне очень нравится ваша работа в церкви Иоанна Предтечи под Бором, что в Черниговском переулке рядом с вашей мастерской.**

— Эпопея началась в 1984-м. В 1985 году мы получили за эту работу серебряную медаль Академии художеств СССР. Сейчас там размещается ассортиментный кабинет Государственного института стекла, но, похоже, что все это снова отойдет к церкви...

— **А как же люстры? Они же сделаны именно для этого помещения. Получился дивный ансамбль. Неужели в Замоскворечье мало церквей? Здесь и прихожан-то столько не наберется, чтобы все их наполнить. По-моему, это какая-то другая крайность. Ведь не торгующих в данном случае церковь будет изгонять из храма, а создающих красоту...**

— Увы, мне тут нечего добавить. Судьбы наших работ непредсказуемы. Тем не менее кое-что удалось. Нынешнее начальство, между прочим, сидит под нашим стеклянным гербом

в Верховном Совете России. Красиво получилось. Жалко будет скинуть и менять на двух орлов. Ведь не Третий же Рим у нас и не XIX век. Весь мир к XXI веку приближается, а у нас дяди ходят с нагайками и в папахах и все норовят куда-нибудь поворотить...

Да, была у нас еще зарубежная работа — во Вьетнаме, в музее Хо Ши Мина. То, что планировалось сделать за полтора года, велели выдать за четыре месяца. И опять повторилась наша общая беда. Пока работали, хрусталь подорожал, недопоставки металла начались, провода из Прибалтики не шли...

— **Видимо, поэтому и потянуло из архитектуры назад, в станковое стекло и относительную независимость?**

— Тут интересно получилось. Мы начали несколько лет назад работать для нового музея Маяковского, но осуществить и там многое не удалось. Вообще, «побыстро» в нашем деле не получается, а там был задан именно такой темп. Но, к счастью, из неосуществленного и пошло станковое. Музей «раскрутил» нас, появились новые идеи — стеклянный стол, амфоры, рыбы, скрипки. В музее наша работа практически не видна, теряется — стеклу нужен свет.

— **Добавлю от себя, что там, несмотря на соединение талантливых авторов, не только ваше стекло потерялось. Там и поэта почти не видно. Слышны только высказывания дизайнера и художников по поводу его поэзии. В итоге «воскрешения» Маяковского не произошло. Скорее наоборот — погребение под разнообразными стилями, манерами и технологией обрывшегося на него изобразительного искусства. Можно не понимать раннего Маяковского и не любить позднего, но, на мой взгляд, не стоило так сильно заботиться о самореализации за его счет.**

Разговор наш с Тимуром прервался, и мы в очередной раз обратились к живому, светящемуся зеленоватым и голубоватым переменившимся светом стеклу. По огромным залам и камерным интерьерам, где сияют люстры, бра и другие работы Тимура Сажина и Лидии Фоминой, так вот просто не походишь. А скрипки, рыбы и амфоры — все тут, мерцают и переливаются. Впрочем, не все. Многое ушло в музей. В том числе и за рубеж. Несколько последних композиций художников приобретены Эрмитажем и одним из крупнейших мировых собраний стекла — музеем города Корнинг в США. Чего еще, казалось бы?! Почивай на лаврах и делай что-нибудь проверенное в русле самого себя. И у нас, и на Западе многие художники так и поступают. Наши же герои пребывают в вечном беспокойстве и сомнениях. Полного пессимизма, конечно, нет. Работа идет, предложения поступают самые разные, но в любой другой стране художники такого масштаба имели бы все — технические условия, любые материалы, соответствующие их возможностям заказы. У нас же слишком многие замыслы остаются в голове или в лучшем случае на бумаге.

Удивительные художники Лидия и Тимур: пошли в архитектуру и открыли там СВОЕ, вернулись в станковую область и снова СВОЕ сделали. Великий архитектор Константин Мельников когда-то записал: «Творчество там, где я могу сказать: это — мое». А того, что вопреки всем превратностям судьбы создали Фомина и Сажин, хватило бы на несколько счастливо удавшихся творческих биографий.

Светлана КАВЕЦКАЯ,
Вильям МЕЙЛАНД

**Т.Сажин, Л.Фомина
Скрипка. 1991**

**Т.Сажин, Л.Фомина
Библейский мотив. 1992**

**Т.Сажин, Л.Фомина. Люстры в церкви Иоанна
Предтечи под Бором. 1985**

OMNIA MEA MECUM PORTO...

индекс 73746

... ВСЁ МОЁ НОШУ С СОБОЙ

Банковская
карточка

STB
CARD